

Научный журнал

Социо- и психолингвистические исследования

ISSN 2310-0214

2025. Выпуск 13

Основан в 2013 году

Выходит 1 раз в год

Учредитель: Пермский государственный национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абаева М.К., канд. филол. наук, доц. (Казахстан, Институт языкознания им. А. Байтурсынова)

Ерофеева Т.И., д-р филол. наук, проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Кибрик А.А., д-р филол. наук, проф. (Россия, Институт языкознания РАН)

Ларук О., д-р филол. наук, проф. (Франция, Лионский университет)

Маркасова Е.В., д-р филол. наук (Китай, Пекинский университет иностранных языков)

Черниговская Т.В., д-р филол. наук, д-р биол. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)

Ячева-Улчар Э., д-р филол. наук (Македония, Институт македонского языка им. К.П. Мисиркова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гаранович М.В., (гл. ред.), канд. филол. наук, доц.

Баринова И.А., канд. филол. наук, доц.

Белусов К.И., д-р филол. наук, проф.

Богданова-Бегларян Н.В., д-р филол. наук, проф.

Боронникова Н.В., канд. филол. наук, доц.

Власов М.С., канд. филол. наук, доц.

Доценко Т.И., канд. филол. наук, доц.

Ерофеева Е.В., д-р филол. наук, проф.

Зелянская Н.Л., канд. филол. наук, доц.

Литвинова Т.А., д-р филол. наук

Мишланова С.Л., д-р филол. наук, проф.

Павлова Д.С., канд. филол. наук, доц.

Алексеева-Нилова Т.Е., канд. филол. наук, доц.

Риехакайнен Е.И., канд. филол. наук, доц.

Роготнев И.Ю., канд. филол. наук, доц.

Русинова И.И., д-р филол. наук, проф.

Федорова О.В., д-р филол. наук, доц.

Худякова Е.С., канд. филол. наук, доц.

Обухова И.А. (секретарь)

Адрес учредителя, редакции и издателя: Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева 15. E-mail: splr.editor@gmail.com

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/SPII/index>

Scientific Journal

Socio- and psycholinguistic studies

ISSN 2310-0214

2025. Issue 13

Founded in 2013

Published 1 time a year

Founder: Perm State National Research University

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Madina Abaeva, ass. prof. (Kazakhstan, Akhmet Baitursynov Institute of Linguistics)

Tamara Erofeeva, prof. (Russia, Perm State University)

Andrey Kibrik, prof. (Russia, Moscow State University)

Omar Larouk, prof. (France, Lion University)

Elena Markasova, prof. (China, Beijing Foreign Studies University)

Tatyana Chernigovskaya, prof. (Russia, St. Petersburg State University)

Elka Yacheva-Ulchar, prof. (Macedonia, Institute of Macedonian Language after K.P. Micirkov)

EDITORIAL BOARD

Marina Garanovitch (editor-in-chief), ass. prof.

Irina Barinova, ass. prof.

Konstantin Belousov, prof.

Natalya Bogdanova-Beglarian, prof.

Natalia Boronnikova, ass. prof.

Mikhail Vlasov, ass. prof.

Tamara Dotsenko, ass. prof.

Elena Erofeeva, prof.

Natalia Zelyanskaya, ass. prof.

Tatyana Litvinova, prof.

Svetlana Mishlanova, prof.

Daria Pavlova, ass. prof.

Tatyana Alekseeva-Nilova, ass. prof.

Elena Riekhakaynen, ass. prof.

Ilia Rogotnev, ass. prof.

Irina Rusinova, prof.

Olga Fyodorova, ass. prof.

Ekaterina Khudyakova, ass. prof.

Irina Obukhova, secretary

Address of the founder, editorial office, publishing house: Russia, 614068, Perm, Bukireva str. 15.

E-mail: splr.editor@gmail.com

Website: <https://press.psu.ru/index.php/SPII/index>

СОДЕРЖАНИЕ

Браташ В. С. (Россия, Москва), Виноградова Ю. С. , Мамаев И. Д. , Риехакainen Е. И. (Россия, Санкт-Петербург), Сергоманов П. А. (Россия, Москва), Шумакова Л.Л. (Россия, Санкт-Петербург) ОТ НОРМЫ К ГИБКОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ УЧИТЕЛЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПРЕПОДАВАНИЯ.....	5
Затевалова Е. С. , Риехакainen Е. И. (Россия, Санкт-Петербург). РЕЧЕВЫЕ ПОВТОРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	10
Трушелёв П. Н. (Россия, Москва; Республика Армения, Ереван) ПРИЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ В ТЕКСТЕ УЧЕБНИКА: СМЫСЛОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ.....	14
Талески А. (Россия, Пермь), Бурлака А. Ю. (Россия, Москва) ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	21
Худякова Е. С. , Киселев С. Д. (Россия, Пермь) КОЭФФИЦИЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ, ОБЪЕМ И ЧАСТЕРЕЧНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ТЕКСТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ.....	34
Загребельная А. С. (Россия, Санкт-Петербург) СЛОВО <i>ВСЁ</i> КАК ЭТИКЕТНАЯ ФОРМУЛА ПРОЩАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	45
Шапошникова А. А. (Россия, Санкт-Петербург) ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДГЕПРИЧАСТИЯ <i>НАЧИНАЯ</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	50
Пересыпкина К. А. (Россия, Санкт-Петербург) «СЛИНГОМАМЫ ВСЕХ СТРАН, ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!»: ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ И МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	54
Подюков И. А. (Россия, Пермь) СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ С ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В КОНОНИИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	59
Свалова Е. Н. (Россия, Пермь) РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ПЕРМСКОЙ НАРОДНОЙ ЗООНИИИ.....	64
Запольских Е. В. (Россия, Пермь) ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ЛИЧНЫХ ИМЕН СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ XIX–ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХХI ВВ.....	70
Гранова М. А. , Деменева А. А. (Россия, Пермь) ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ЖАРГОНА: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ.....	80
Пигалева М. В. (Россия, Пермь) ОБРАЗ ИСКУССТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	95
Гаранович М. В. , Стративная А. М. (Россия, Пермь) ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ.....	102

CONTENT

Valentina S. Bratash (Russia, Moscow), Yulia S. Vinogradova , Ivan D. Mamaev , Elena I. Riekhakaynen (Russia, Saint Petersburg), Pavel A. Sergomanov (Russia, Moscow), Lada L. Shumakova (Russia, Saint Petersburg) FROM NORM TO FLEXIBILITY: LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF TEACHER'S SPEECH AFFECTING TEACHING PERFORMANCE.....	5
Elena S. Zatevalova , Elena I. Riekhakaynen (Russia, Saint Petersburg) REPETITIONS IN CLASSROOM DISCOURSE: A PSYCHOLINGUISTIC STUDY.....	10
Pavel N. Trushchelev , (Russia, Moscow; Armenia, Yerevan) POPULARISATION TECHNIQUES IN SCHOOL TEXTBOOKS: STRUCTURING OF TEXT CONTENT.....	14
Aleksandar Taleski (Russia, Perm), Alyona Y. Burlaka (Russia, Moscow) DYNAMIC ASPECTS OF MULTIMODAL REPRESENTATION OF VIRTUAL SPACE.....	21
Ekaterina S. Khoudiakova , Stepan D. Kisilev (Russia, Perm) LEXICAL DIVERSITY, LENGTH OF TEXT, FREQUENCIES OF PARTS OF SPEECH AS INDICATORS OF SOCIOLINGUISTIC VARIATION.....	34
Arina S. Zagrebelnaya (Russia, Saint- Petersburg) THE WORD <i>VSYO</i> AS AN ETIQUETTE OF FAREWELL IN EVERYDAY COMMUNICATION IN RUSSIAN.....	45
Anna A. Shaposhnikova (Russia, Saint Petersburg) THE GRAMMATICALIZATION PROCESS OF THE RUSSIAN GERUND <i>NACHINAYA</i>	50
Xenia A. Peresypkina (Russia, Saint Petersburg) “SLINGOMAMY VSEKH STRAN, PRISOEDINYAJTES'!”: THE PRECEDENT TEXT AS A FUNCTIONAL MODEL & A MODEL OF FUNCTIONING.....	54
Ivan A. Podjukov (Russia, Perm) WORD-FORMATION MODELS WITH PATRONYMIC SEMANTICS IN THE COMONYMY OF PERM KRAI.....	59
Ekaterina N. Svalova (Russia, Perm) THE REALIZATION OF CULTURAL CODES IN PERM FOLK ZOONYMY.....	64
Evgeniya V. Zapolskih (Russia, Perm) TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF PERSONAL NAME VARIANTS OF OLD BELIEVERS OF PERM PRIKAMYE IN THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURIES.....	70
Mariia A. Granova , Arina A. Demeneva (Russia, Perm) VOCABULARY OF CHINESE STUDENT JARGON: MOTIVATIONAL ASPECT.....	80
Mariia V. Pigaleva (Russia, Perm) THE IMAGE OF ART IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF RUSSIAN AND CHINESE YOUTH (BASED ON AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT).....	95
Marina V. Garanovich , Alena M. Strativnaya (Russia, Perm) TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE LINGUISTIC AWARENESS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS.....	102

УДК 81'23

ОТ НОРМЫ К ГИБКОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ УЧИТЕЛЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПРЕПОДАВАНИЯ¹

Валентина Сергеевна Браташ

к. пед. н., ведущий методолог

ООО «СберОбразование»

127015, Москва, Вятская, 27, стр. 7. valentinabratash@yandex.ru

Юлия Сергеевна Виноградова

лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. juliavinspb@gmail.com

Иван Дмитриевич Мамаев

научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. i.mamaev@spbu.ru

к. филол. н., доцент кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика»

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская, 1. mamaev_id@voenmeh.ru

Елена Игоревна Риехайainen

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания им. Л.А. Вербицкой

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. e.riehakajnen@spbu.ru

Павел Аркадьевич Сергоманов

к. психол. н., руководитель академической лаборатории

ООО «СберОбразование»

127015, Москва, Вятская, 27, стр. 7. p.sergomanov@sbereducation.ru

Лада Леонидовна Шумакова

инженер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. skorobagatko.lada@gmail.com

Статья предлагает корпусный подход к анализу «живой» речи учителя и вводит понятие лингвистического профиля как совокупности измеримых признаков устной коммуникации. С использованием методов автоматического анализа текстов на материале расшифровок 55 аудиозаписей уроков (5–9 классы, шесть предметов) выявлены грамматические и лексические характеристики результативных учительских практик. Речь более результативных учителей характеризуется большей синтаксической вариативностью, лексической плотностью и использованием более персонализированных стратегий обращения. На основе полученных результатов сформулированы предложения по расширению функционала сервиса «Ассистент преподавателя», который разрабатывается ООО «СберОбразование».

Ключевые слова: результативные учительские практики; устная речь; лингвистический профиль учителя; корпусный анализ; методические продукты; русский язык.

1. Введение

Речь учителя – ведущий механизм управления познавательной активностью и взаимодействием в классе. Большая часть рекомендаций, связанных с ее организацией, опирается на экспертные суждения и анализ показательных занятий, что искажает картину спонтанного дискурса обычного урока и затрудняет перенос результатов мониторинга в реальную аудиторию. При этом учителям интересен вопрос эффективности их речи, в связи с чем требуется обоснованная обратная связь, касающаяся именно речевых практик. Актуальность исследования определяется необходимостью перейти от идеализированных описаний к измеримым индикаторам живой коммуникации учителя.

Мы предлагаем корпусный подход к анализу учительской речи, который позволит фиксировать многообразие дискурсивных практик и тем самым формировать лингвистический профиль учителя [Риехакайнен и др. 2024]. Под последним мы понимаем совокупность характеристик устной речи учителя: лексическое наполнение, грамматические конструкции, интонационный рисунок, темп речи, а также выбор языковых средств и стилей общения. В рамках статьи мы остановимся только на первых двух типах характеристик. Изучение лингвистических профилей продолжает традиционные лингвостатистические исследования, получившие активное развитие в отечественном языкознании с середины XX в. (см., например, обзорные работы по стилистическому анализу [Мартыненко 2019; Петров и др. 2019], в которых статистический аппарат используется для атрибуции автора анонимного текста).

Таким образом, цель исследования – проанализировав материал реальных уроков в средних школах России, выявить и описать грамматическую и лексическую составляющие лингвистического профиля учителей, реализующих результативные дискурсивные практики, и предложить способы внедрения полученных результатов в методические продукты, ориентированные на цифровой анализ педагогического дискурса и автоматизированную обратную связь для учителей (в частности, в системы типа «Ассистент преподавателя», <https://edu-assist.me/>).

2. Материал и принципы анализа

Базой исследования послужили аудиозаписи уроков, проведенных в 2022–2024 гг. в 5–9 классах школ Российской Федерации по шести предметам: истории, обществознанию, географии, биологии, русскому языку и литературе. Каждая запись также имела признак результативности учителя (разметка по этому параметру была осу-

ществлена нашими коллегами из ООО «Сбер-Образование»). Под результативной практикой понимается «устойчивая направленность учителя на достижение формальных академических результатов при сохранении благополучия детей» [Сергоманов, Бысик 2022: 194; Сергоманов и др. 2023].

При анализе грамматических и лексических особенностей применялись методы автоматической обработки текстов. Был разработан комплексный подход к описанию педагогического дискурса, который сочетает тематическое моделирование, корреляционный анализ и классификацию текстов с использованием алгоритмов машинного обучения. Предложенный подход обеспечивает возможность объективного выявления языковых закономерностей, которые потенциально могут квалифицировать педагога как более результативного.

3. Грамматические характеристики и лексическая плотность речи учителей

Эта часть исследования была выполнена на материале 55 уроков, среди которых было 33 урока более результативных учителей и 22 урока менее результативных учителей.

Был проведен количественный анализ лингвистических корреляций, который позволил выделить наиболее значимые зависимости для синтактико-лексических показателей. Рассматривались восемь пар признаков, среди которых соотношение имен существительных и глаголов, длина зависимых связей и средняя длина предложения, наличие пре- и постпозитивных клауз, арность глаголов (количество актантов – объектов, связанных с глаголом), длина предложных цепочек, лексическая плотность и индекс разнообразия словаря (type-token ratio), а также количество детерминативов и длина предложения. Полученные значения корреляционных коэффициентов указывают на то, что более результативные педагоги обладают гибким типом речевого поведения. Они варьируют синтаксические конструкции, удерживают баланс между описательной и побудительной речью, а также регулируют плотность лексики в зависимости от учебной ситуации. Для менее результативных преподавателей характерна избыточная повторяемость и предсказуемость структурных синтаксических схем, что делает речь менее динамичной и менее доступной для восприятия учащимися.

Особое внимание уделялось корреляции между длиной предложения и длиной предложных цепочек: у более результативных учителей наблюдается слабopоложительная связь между этими параметрами ($r = 0,131$), которая отражает умение

строить более длинные, но при этом связанные синтаксические конструкции; у менее результативных – выраженная отрицательная корреляция ($r = -0,401$), которая свидетельствует о распаде синтаксической целостности при усложнении предложения. Таким образом, можно предположить, что синтаксическая гибкость оказывается важным показателем профессиональной речевой компетентности современного педагога.

При классификации уроков использовались алгоритмы логистической регрессии, k-ближайших соседей (kNN), случайного леса и AdaBoost, так как многие из них уже успешно зарекомендовали себя на материале различных корпусов (см. [Бородулина, Михалькова 2024]). Всего было проанализировано более 130 количественных признаков, которые извлечены с помощью инструмента Profiling-UD [Brunato et al. 2020]. Наиболее высокие результаты показали модели kNN и AdaBoost, их

точность достигает на исследовательском корпусе 0,79 и 0,72 соответственно. Модели продемонстрировали устойчивую способность различать уроки более результативных и менее результативных педагогов. Для определения значимости предикторов в моделях классификации был проведен номограммный анализ, который визуализирует вклад различных лингвистических признаков (Рисунок). Среди наиболее значимых предикторов оказались общее количество слов и предложений, количество предложных цепочек, разнообразие словаря и показатели синтаксической зависимости (в частности, расстояния между подлежащим и сказуемым). Как эксперимент с корреляционными расчетами, эксперимент с классификацией показывает, что речь более результативных учителей отличается большей структурной членимостью, умеренной длиной предложений и высоким уровнем лексического разнообразия.

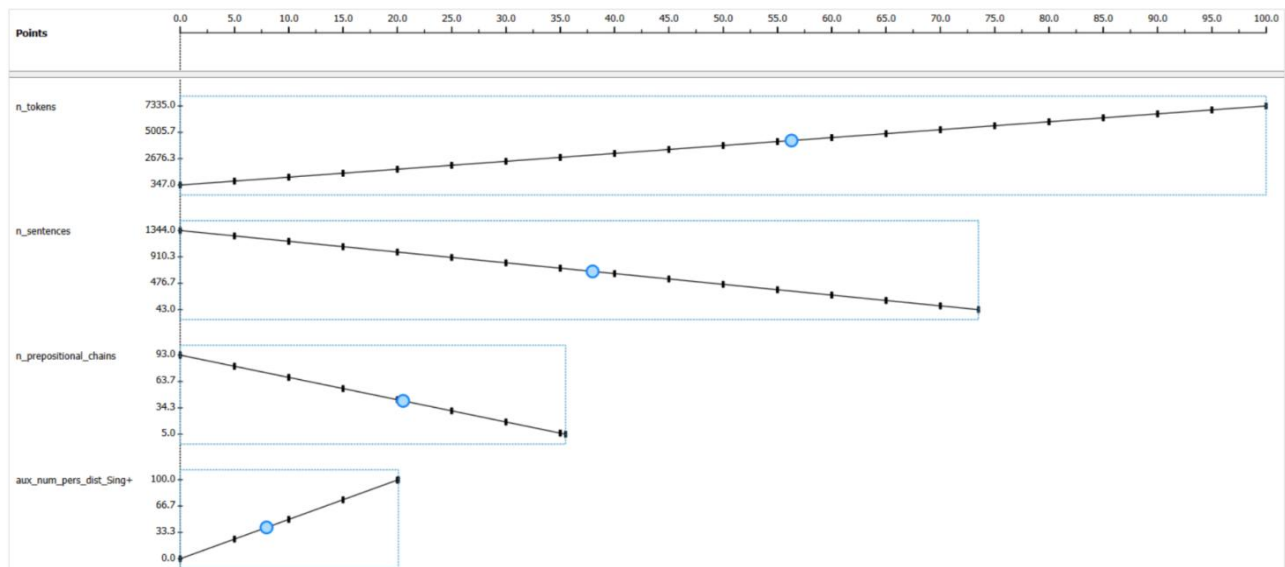


Рисунок. Номограмма для определения лингвистических параметров более результативных учителей

4. Обращения к ученикам

Обращения, которые учителя используют при общении с учениками во время уроков, были проанализированы на материале 11 уроков более результативных учителей и 11 уроков менее результативных учителей. Из орфографических расшифровок были извлечены следующие параметры:

- является ли обращение именем собственным (имя);
- является ли обращение именем собственным (фамилия);
- стоит ли обращение в форме вокатива;
- стоит ли обращение в форме единственного числа.

При анализе были использованы U-тест Манна – Уитни и Generalized Estimating Equations (модель GEE) для оценки важности предикторов. Результаты модели GEE демонстрируют, что такие лингвистические маркеры, как использование вокатива, обращение по имени, фамилии или использование нарицательного существительного в единственном числе, статистически значимо связаны с результативностью учительских практик. Хотя величины коэффициентов малы ($OR \approx 1,0$), их направление и уровень значимости ($p < 0,05$) позволяют сделать следующие содержательные выводы:

- обращение по имени ($p = 0,0001$) и использование вокатива ($p = 0,0038$) коррелируют с

эффективными педагогическими практиками. Это согласуется с гипотезой о том, что персонализированные и вежливые формы обращения создают более доверительную атмосферу, способствующую обучению;

- обращение в форме нарицательного существительного в именительном падеже («ребята», «девочки» и т. п.; $p = 0,0004$) и обращение по фамилии ($p = 0,035$) характерны для менее результативных учителей.

5. Прикладное использование результатов

Полученные данные легли в основу дополнительных метрик для сервисов автоматизированной обратной связи для учителя, которые позволят давать персонализированные рекомендации на основе массива уроков конкретного учителя. Анализ обращений к ученикам на данный момент был выполнен на ограниченном материале, и даже в тех случаях, когда эффекты были найдены, их вклад в общую результативность дискурсивной практики учителя, по всей видимости, является минимальным. Поэтому при разработке методических рекомендаций мы опирались в основном на результаты, описанные в Разделе 3. Предлагается расширить функционал сервиса «Ассистент преподавателя» за счет включения в него следующих параметров.

- **Частотные слова.** Выделение наиболее часто употребляемых слов и индивидуальных «паттернов» в графическом формате (например, «облако слов»).
- **Длина слов и предложений** (при объяснении материала, озвучивании инструкций). Вариативность в использовании предложений разной длины позволяет управлять уровнем сложности речи и подстраиваться под аудиторию.
- **Лексическая плотность.** Соотношение значимых слов к общему объему текста: баланс информативности и когнитивной нагрузки (в связке с долей времени говорения учителя/учеников).
- **Баланс частей речи.** Доли существительных и глаголов как индикаторы «статичности» vs «процессуальности» объяснения: имена существительные фиксируют внимание на объектах, в то время как глаголы – на действиях и процессах.
- **Понятность и связность.** Арность предиката и количество актантов как мера структурной сложности высказываний; варьирование как признак адаптивной подачи.

6. Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что анализ «живой» речи учителя возможен на основе корпусного подхода и что такой анализ приводит

к операционализируемым результатам. На материале реальных уроков показано, что речь более результативных учителей по сравнению с речью менее результативных педагогов характеризуется большей синтаксической вариативностью и сложностью, более высокой лексической плотностью и большей персонализированностью обращений. Таким образом, можно говорить о том, что лингвистическим коррелятом результативных учительских практик является умение использовать многообразие языковых средств в ходе урока. Выводы относительно синтаксической структуры и лексического наполнения сделаны на основе достаточно представительного материала, в то время как анализ обращений учителей к ученикам проведен пока на ограниченном материале, поэтому результаты анализа обращений можно рассматривать только как предварительные.

На основе результатов проведенного исследования разработаны предложения по дополнению набора метрик, которые могут использоваться в сервисах автоматизированной обратной связи по школьному уроку. Мы считаем, что лингвистический профиль педагога может стать работоспособным механизмом повышения результативности работы учителей: он делает вклад речи в общую стратегию работы преподавателя измеримым и управляемым, предоставляя воспроизводимые процедуры оценки и практические подсказки для роста педагогической результативности.

Примечание

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 96806302 (123042000132-6), и в рамках договора между СПбГУ и ООО «СберОбразование» № 230712-107-ЮЛ.

Список литературы

Бородулина А.Н., Михалькова Е.В. Автоматизация выявления заказных отзывов на маркетплейсах при помощи экспертных признаков и реакций покупателей // Цифровая социология. 2024. Т. 7, №. 3. С. 42–52.

Мартыненко Г.Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Часть 3. Вторая половина XX века: становление новой стилеметрии // Структурная и прикладная лингвистика / отв. ред. И.С. Николаев. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2019. Вып. 12: К 60-летию отделения прикладной, компьютерной и математической лингвистики СПбГУ. С. 5–33.

Петров В.В., Марусенко М.А., Пиотровская К.Р., Маньяс И.Н., Мамаев Н.К. Об авторстве «писем Берии из заточения» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 586–605.

Риехакайнен Е.И. и др. Методика аннотирования корпуса устной речи учителей / Е.И. Риехакайнен, В.С. Браташ, В.И. Зубов, П.А. Сергоманов // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 251–285.

Сергоманов П.А., Бысик Н.В. Учительские практики: исследования и их платформизация в цифровую эпоху // Образовательная политика. 2022. № 1(89). С. 54–65.

Сергоманов П.А. и др. Социология урока: дис-

курсивная организация результативных учительских практик / П.А. Сергоманов, М.А. Мальцев, Н.В. Бысик, В.Ю. Бекетов, Р.Ф. Байбурун // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 191–218.

Brunato D., Cimino A., Dell’Orletta F., Montemagni S, Venturi G. Profiling-UD: a tool for linguistic profiling of texts // Proceedings of the 12th Conference on Language Resources and Evaluation / European Language Resources Association. Marseille, 2020. Pp. 7145–7151.

FROM NORM TO FLEXIBILITY: LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF TEACHER’S SPEECH AFFECTING TEACHING PERFORMANCE

Valentina S. Bratash

Senior Methodologist
SberEducation

Yulia S. Vinogradova

Research Assistant
Saint Petersburg State University

Ivan D. Mamaev

Researcher
Saint Petersburg State University
Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D.F. Ustinov

Elena I. Riekhakaynen

Associate Professor, Department of General Linguistics
Saint Petersburg State University

Pavel A. Sergomanov

Head, Academic Laboratory
SberEducation

Lada L. Shumakova

Research Engineer
Saint Petersburg State University

The article proposes a corpus-based approach to analyzing teachers’ “live” speech and introduces a linguistic profile as a set of measurable features of oral communication. Drawing on transcripts of 55 classroom audio recordings (grades 5–9, six subjects) and methods of automatic text analysis, the article describes the grammatical and lexical characteristics of effective teaching practices. The speech of more effective teachers is characterized by greater syntactic variability, higher lexical density, and the use of more personalized forms of address. Based on these findings, we outline proposals to expand the functionality of the “Teacher’s Assistant” service being developed by “SberEducation”.

Key words: effective teaching practices, spoken speech, teacher’s linguistic profile, corpus-based study, methodological products, Russian.

УДК 81'23

РЕЧЕВЫЕ ПОВТОРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Елена Сергеевна Затевалова

стажер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. ezatevalova@gmail.com

Елена Игоревна Риехакайнен

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания им. Л.А. Вербицкой

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. e.riehakajnen@spbu.ru

Статья посвящена экспериментальному изучению восприятия абсолютных контактных повторов в устной речи учителей школьниками. В исследовании использованы аудиофрагменты уроков русского языка, литературы и географии (7–9 классы), содержащие повторы существительных, глаголов и частиц. В проведенном эксперименте 98 школьников слушали последовательности из стимульных фрагментов и филлеров, а также должны были фиксировать абсолютные контактные повторы, если таковые встречались во фрагменте. Результаты показали, что успешность идентификации варьирует в зависимости от части речи повторяющегося элемента, наличия пауз и изменения интонации внутри фрагмента с повтором. На идентификацию повторов также влияют пол участников и класс, в котором они учатся.

Ключевые слова: абсолютные контактные повторы, педагогический дискурс, русская устная речь, психолингвистический эксперимент.

1. Введение

Повтор – один из важных элементов устной коммуникации, представляющий собой воспроизведение одного и того же или схожего языкового элемента в разных временных точках. Повторы могут проявляться на различных уровнях – от фонетического до синтаксического – и выполнять широкий спектр функций.

В речи учителей повторы служат важным инструментом коммуникации. Они могут способствовать закреплению материала, выделять ключевую информацию, структурировать объяснение, удерживать внимание учащихся, поддерживать динамику взаимодействия с ними и др. (подробнее см., например, [Enggrasedes 2009; Harmon, Kapatsinski 2021; Karim, Baa 2022]). Особую роль играют **абсолютные контактные повторы** (АКП, по [Комарова 2007]) – такие повторы, которые следуют непосредственно после повторяющегося элемента и полностью сохраняют лексическую структуру исходного фрагмента. По данным корпусного анализа, АКП активно используются учителями, в частности, для акцентирования важных элементов, оформления высказывания, оперативной корректировки сказанного учениками и т.д. [Затевалова, Риехакайнен 2026]. Несмотря на их функциональную значи-

мость, открытыми остаются вопросы о том, насколько успешно школьники распознают такие повторы и какие факторы могут влиять на точность их идентификации.

2. Цель и материал эксперимента

Цель эксперимента заключалась в изучении того, как школьники идентифицируют повторяющиеся элементы в устной учительской речи в зависимости от их лингвистических характеристик, а также от психолингвистических переменных, описывающих участников коммуникации.

В качестве **материала** для проведения эксперимента были взяты отрывки из записей монологических частей уроков учителей русского языка, литературы и географии, предоставленные нашими коллегами из ООО «СберОбразование».

Фрагменты отбирались по следующим критериям:

- 1) приемлемое качество записи;
- 2) смысловая целостность фрагмента;
- 3) в связи с возможными различиями в восприятии повторов разных частей речи и классов слов (знаменательные / служебные) мы включили в эксперимент стимулы тех частей речи, которые, по данным корпусного анализа, повторялись чаще всего: это существительные,

глаголы и частицы. Стимульный фрагмент должен был содержать абсолютный контактный повтор одной из этих единиц;

- 4) в речи учителя не должно быть запинок, самоисправлений или других типов речевых сбоев, за исключением пауз (подробнее см. [Риехакайнен, Судакова 2025; Осадчая и др. 2025]).

Таким образом, были выбраны 12 стимульных фрагментов, содержащих абсолютные контактные повторы. Например:

- (1) *Ну, пусть размышления мы с вами, по Конфуцию, прошли, теперь у нас следующий, второй **путь**, **путь** подражания, и мы с вами сегодня работаем с текстом учебника (ПГ, география, 8)².*
- (2) *Всё равно неправильно. А... **Нет, нет**, всё равно ошибка, подумай, как переделать. Иду (ОГ, русский язык, 8).*

В эксперимент также были включены 14 филлеров: два в качестве тренировочных фрагментов (в каждой последовательности они предъявлялись первыми) и 12 – в основной части эксперимента. Филлеры отбирались из тех же уроков, что и стимульные фрагменты. При этом мы старались, чтобы они были сопоставимы по длине и количеству слов.

Длительность отрывков, включённых в эксперимент, составила от 7 до 19 секунд, а количество слов варьировалось в диапазоне от 12 до 29 слов. Далее с помощью генератора случайных чисел были подготовлены четыре последовательности, которые отличались только порядком следования стимулов.

3. Процедура проведения эксперимента

Эксперимент проводился в двух школах Санкт-Петербурга. Респондентам выдавались бумажные анкеты, в которых они указывали данные о возрасте, классе, половой принадлежности, а также отвечали на вопросы о том, является ли русский язык для них родным и нет ли у них нарушений слуха. Стимулы воспроизводились через колонки. Между стимулами были десятисекундные промежутки, в течение которых респонденты должны были указать, встречался ли во фрагменте повтор, т. е. случай, когда учитель подряд говорил одно и то же слово или фразу дословно. В случае, если такой повтор был, участникам нужно было записать повторяемую единицу, если нет – поставить прочерк. Таким образом, респондентам предлагалось заполнить в бланке ответа 26 пропусков повторяющимися элементами и/или прочерками.

4. Участники эксперимента

В эксперименте приняли участие 108 школьников 7–9 классов двух разных школ. Согласия на участие в исследовании от участников и их

родителей были получены заранее. Исследование проводилось с соблюдением этических требований к проведению экспериментов с привлечением людей и было одобрено протоколом Этического комитета СПбГУ №115-02-3 от 12.03.2025. В случаях, когда эксперимент проводился в больших аудиториях, учитывалась удалённость участника от колонки, через которую воспроизводилась последовательность.

5. Принципы обработки данных

Поскольку в рамках эксперимента мы проверяли, замечают ли люди абсолютные контактные повторы, верным признавался любой ответ, содержащий стимульный повтор, даже если респондент отмечал в бланке ответа не только его.

Для статистической обработки результатов использовалось программное обеспечение JASP (<https://jasp-stats.org/>). При анализе номинативных данных мы применяли критерий хи-квадрат.

6. Результаты

10 школьников были исключены из анализа по одной или нескольким из следующих причин: а) наличие проблем со слухом; б) русский язык не является родным; в) участник проходил процедуру эксперимента недобросовестно: списывал, отвлекался на посторонние предметы и т.п.; г) участник сделал более 50% ошибок, что позволяет предположить, что он неверно понял задание. Таким образом, анализировались данные 98 участников (64 девушки и 32 молодых человека, ещё двое участников не указали свой пол; возраст от 13 до 16, средний возраст – 14,06; SD = 0,79). Из 2548 полученных ответов 214 (8,4%) оказались неверными. Чаще всего участники либо не совершали ошибок вообще (24,4% случаев), либо допускали от одной до трёх ошибок. Самыми частыми ошибками оказались фиксации повторов в филлерах (на них приходится 23,8% от общего числа ошибок). Количество ошибочных ответов на фрагменты с повторами варьировалось в зависимости от стимула ($\chi^2 = 134,943$; $p < 0,001$ без учёта филлеров и $\chi^2 = 294,105$; $p < 0,001$ с ними). Единственным примером, в идентификации которого участники не ошиблись ни разу, оказался повтор слова «антиреза». Наибольшие трудности у школьников вызвали стимулы со словами «нет» (около 30% от общего числа ошибок), «признак» (22,1%) и «путь» (16,6%), а также повторы слов «думаем» (10,4%) и «исправить» (8%). Таким образом, участники допускали ошибки при обнаружении повторов, относящихся к словам всех частей речи, включённых в эксперимент.

Критерий хи-квадрат не выявил статистически значимой зависимости от принадлежности

повторяющегося слова к классу знаменательных или служебных слов ($\chi^2 = 8,903 \times 10^{-4}$; $p = 0,976$). Таким образом, наша гипотеза о влиянии этого фактора не подтвердилась. Однако другой фактор – часть речи – влияние, по-видимому, оказывает ($\chi^2 = 5,891$; $p = 0,015$). Участники чаще всего ошибались при идентификации повторов существительных, тогда как повторы глаголов вызывали трудности существенно реже. При этом количество неверных идентификаций стимулов существенно различалось, даже если они относились к одной части речи. Так, повтор глагола «пишем» спровоцировал лишь четыре ошибки, тогда как повтор глагола «думаем» – семнадцать.

Мы также проанализировали влияние просодической информации на точность идентификации повторов. Выделялись три разные позиции пауз: до повторяющегося элемента, между ним и повтором и после повтора. Паузой считался перерыв в фонации длительностью от 100 мс. Наличие паузы перед фрагментом с повтором оказалось статистически значимым фактором: участники чаще ошибались, когда пауза отсутствовала ($\chi^2 = 5,556$; $p = 0,018$). Однако в случаях, когда пауза стояла между повторяющимся элементом и повтором, наблюдалась обратная тенденция – пауза, напротив, затрудняла распознавание повтора ($\chi^2 = 5,584$; $p = 0,018$). Паузы после повтора не оказали статистически значимого влияния на его распознавание ($\chi^2 = 0,022$; $p = 0,881$), т.е. количество верных ответов на стимулы с паузами и без пауз после повторяющихся элементов оказалось примерно одинаковым.

Изменение интонации было введено в качестве бинарной оппозиции (интонация при повторе либо менялась, либо оставалась неизменной). Разметка стимулов по этому параметру была осуществлена двумя экспертами-лингвистами, для анализа использовалась программа Praat (<https://www.fon.hum.uva.nl/praat>). Выяснилось, что изменение интонации способствует распознаванию повтора ($\chi^2 = 17,152$; $p < 0,001$). Это может указывать на то, что просодические особенности не только играют значимую роль в обработке речевой информации, но и могут выступать в качестве сигнала, привлекающего внимание слушателя к повторяющимся элементам. Это согласуется с данными [Inspector et al. 2013], которые продемонстрировали, что варьирование интонации влияет на распознавание повторов.

Количество верных ответов статистически значимо изменялось в зависимости от школы, в которой проводился эксперимент. Неоднородность результатов может объясняться тем, что в одной из школ не было участников, которые обу-

чаются в 9 классе. В той школе, где такие участники были, они допустили значимо меньше ошибок, чем ученики 7 и 8 классов ($\chi^2 = 9,225$; $p = 0,01$).

При этом возраст участников не повлиял на количество верных ответов ($\chi^2 = 1,074$; $p = 0,783$), но мы выявили влияние фактора пола: молодые люди ошибались значимо чаще девушек ($\chi^2 = 5,891$; $p = 0,015$). Данный параметр представляет собой важную переменную, которую, на наш взгляд, необходимо учитывать, несмотря на сложности в её анализе и интерпретации. Мы предполагаем, что влияние пола может проявляться не изолированно, а во взаимодействии с другими переменными, такими как возраст, тип задания, мотивация или уровень успеваемости школьника.

7. Обсуждение результатов и выводы

Результаты эксперимента продемонстрировали, что участники в целом распознают абсолютные контактные повторы в устной учительской речи, однако успешность идентификации зависит от множества факторов. Среди лингвистических переменных значимой оказалась частеречная принадлежность повторяющейся единицы. Так, повторы глаголов распознавались успешнее, чем повторы существительных и частиц. При этом успешность идентификации повторов могла значительно различаться и для стимулов одной и той же части речи, что указывает на возможное влияние дополнительных характеристик, в первую очередь, на наш взгляд, просодических. Данные о том, что пауза перед повтором облегчает его опознание слушающими, соотносятся с результатами более ранних исследований влияния пауз на восприятие следующей за ними информации [MacGregor et al. 2010; Fraundorf, Watson 2011], но не совпадают с данными, которые наши коллеги получили в эксперименте, направленном на изучение влияния пауз на запоминание следующей за ними информации [Осадчая и др. 2025], что, вероятно, связано с тем, что наличие пауз по-разному влияет на процессы идентификации и запоминания.

Наиболее перспективным представляется дальнейшее изучение того, как на восприятие повторов влияет изменение интонационного контура. Отмеченное нами влияние этого фактора согласуется с данными, описанными в [Inspector et al. 2013], где предполагается, что изменение интонации на повторе не позволяет проявляться т. н. эффекту подавления повторений (repetition suppression), который снижает мозговую активность при восприятии повторяющихся элементов.

Школьники в целом совершали мало ошибок при идентификации абсолютных контактных повторов. По всей видимости, повторы являются

перцептивно значимым элементом, который может использоваться учителями для акцентирования наиболее важной информации. При этом важно учитывать возможное влияние на точность восприятия повторов таких факторов, как класс, в котором учатся школьники, и пол учащихся.

Примечание

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 96806302 (123042000132-6).

² После каждого примера указывается двухбуквенный идентификатор учителя, предмет, который он ведёт, и класс, в котором проводится урок.

Список литературы

Затевалова Е.С., Риехакайнен Е.И. Повторы в речи школьных учителей: корпусное исследование на материале русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2026. (в печати).

Комарова О.Г. Разновидности повторов в дискурсе урока // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 8. С. 296.

Осадчая М.А., Зубов В.И., Риехакайнен Е.И. Роль пауз hesitation в запоминании лексических единиц в потоке речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2025. Вып. 3. (в печати).

Риехакайнен Е.И., Судакова У.А. Самоисправление

в речи школьных учителей: корпусное исследование // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов. М.: Институт языкознания РАН. 2025. С. 228–229.

Enggrasedes E. Teaching allo-repetition strategy to improve students' participation in conversation class. // *Lingua Didaktika: Jurnal Bahasa dan Pembelajaran Bahasa*. 2009. Vol. 2, no 2. Pp. 14–31.

Fraundorf S.H., Watson D.G. The disfluent discourse: Effects of filled pauses on recall // *Journal of Memory and Language*. 2011. Vol. 65. Pp. 161–175.

Harmon Z., Kapatsinski V. A theory of repetition and retrieval in language production // *Psychological Review*. 2021. Vol. 128, no 6. Pp. 1112–1144.

Inspector M., Manor D., Amir N., Kushnir T., Karni A. A Word by Any Other Intonation: fMRI Evidence for Implicit Memory Traces for Pitch Contours of Spoken Words in Adult Brains // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8, no 12, e82042.

Karim A., Baa S. The Various Roles of Repetition in Female EFL Teachers' Spoken Discourse // *KLASIKAL: Journal of Education, Language Teaching and Science*. 2022. Vol. 4, no 2. Pp. 360–378.

MacGregor L.J., Corley M., Donaldson D.I. Listening to the sound of silence: Disfluent silent pauses in speech have consequences for listeners // *Neuropsychologia*. 2010. Vol. 48, no 14. Pp. 3982–3992.

REPETITIONS IN CLASSROOM DISCOURSE: A PSYCHOLINGUISTIC STUDY

Elena S. Zatevalova

Research Assistant

Saint Petersburg State University

Elena I. Riekhakaynen

Associate Professor of the Department of General Linguistics

Saint Petersburg State University

The paper describes an experimental study on how school students identify exact immediate repetitions in teachers' speech. The study uses audio fragments from Russian language, literature and geography lessons (grades 7–9) that contain repetitions of nouns, verbs and particles. In the experiment 98 students listened to sequences of stimuli and fillers and were asked to identify if there was an exact immediate repetition in every fragment. The results show that identification accuracy depends on the part of speech of the repeated element, the presence of pauses, and changes in intonation within the repeated fragment. The data also reveal differences in identification accuracy depending on the participants' gender and grade.

Key words: exact immediate repetitions, classroom discourse, Russian speech, psycholinguistic experiment.

УДК 81-114.4

ПРИЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ В ТЕКСТЕ УЧЕБНИКА: СМЫСЛОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ¹

Павел Николаевич Трущелёв

к. филол. н., научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

117485, Москва, Академика Волгина, 6. pavel.trushchelev@gmail.com

преподаватель кафедры русского языка и профессиональный коммуникации

Российско-Армянский (Славянский) университет

0051, Ереван, Овсепя Эмина, 123. pavel.trushchelev@gmail.com

Обсуждается влияние приемов популяризации на смысловую структуру текста школьного учебника. Цель исследования – выявить различия в структурировании двух текстов: с приемами популяризации и без них. Тексты были взяты из учебников географии для 7-х классов. Использовался метод извлечения ключевых слов; индексирующими были школьники (адресат; $n = 40$) и студенты факультета географии (эксперты; $n = 24$). Показано, что стратегии извлечения ключевых слов из текстов различались. Так, предмет речи в тексте с приемами популяризации был описан более точно и последовательно. При индексации школьники уделяли внимание конкретным и уточняющим деталям текста; в связи с этим они извлекали ключевые слова, представляющие приемы популяризации.

Ключевые слова: учебный текст; учебник; популяризация; ключевые слова; структурирование; смысловая структура; понимание.

Введение

Популяризация – практика представления информации в доступной и увлекательной форме. Описано множество приемов популяризации научного знания [Gotti 2014; Pilkington 2018; Vallejos 2016]. Часто такие приемы используются авторами школьных учебников. Настоящая работа посвящена изучению смысловой структуры учебного текста, включающего приемы популяризации.

Дизайн исследования

1. Цель

Смысловая структура текста рассматривается как объект речевой деятельности адресата: при чтении он извлекает смысл из текста и структурирует его [Петрова 2021]. Цель работы – выявить различия в структурировании смысла учебных текстов с приемами популяризации и без них.

2. Метод

В работе использовался метод извлечения ключевых слов (КС), позволяющий экспериментально изучить наиболее значимые компоненты смысловой структуры текста [Сахарный, Штерн 2006; Штерн 1991; Firoozeh et al. 2020].

3. Материал

Материалом стали два текста из учебников по географии, предназначенных для учащихся 7-х классов. Их характеристика дана в Таблице 1.

Приемы популяризации играют важную роль в структуре текста². Они используются для представления умозрительной прогулки по дну океана с участием автора и читателя. Во время прогулки дается описание глубинным зонам; например:

- (1) *На глубине около 200 м наступает почти полная темнота. Здесь нам придется включить фонарь. И что же мы видим? Изумительное зрелище! Дно оказывается не внизу под нами, а сбоку! И мы спускаемся вниз вдоль этой огромной, уходящей в пучину стены;*
- (2) *...если представить себе, что океаны испарились, то материки предстали бы перед нами, как огромные выступы на поверхности Земли. Можете даже назвать их горами;*
- (3) *Но ведь именно Солнце – главный источник тепла на нашей планете. Так это означает, что... Да-да-да! На этих глубинах вода ледяная!*

Важным приемом является нарративизация: она задает повествовательный план для всего текста (см. [Rumelhart 1975]): экспозиция прогулки (первый абзац) и эпизоды прогулки (следующие абзацы).

Примечательны лингвостатистические параметры текстов, которые были оценены на платформе *Текстометр* (см. [Лапошина, Лебедева 2021]). Из показателей в Таблице 1 видно, что текст 2 с приемами популяризации можно оценить как более доступный и динамичный (ср. соотношение глаголов и имен существительных).

Таблица 1

Характеристика материала

	Текст 1	Текст 2
Тема (заголовок)	<i>Природные зоны и органический мир Евразии</i> [Кузнецов и др. 2011: 136–137]	<i>Глубинные зоны мирового океана</i> [Домогацких, Алексеевский 2012: 83–84]
Тематическая структура (по абзацам)	(I) органический мир частей Евразии (49 с/у), (II) расположение природных зон (56 с/у), (III) горные пояса (30 с/у), (IV) влияние сельского хозяйства (32 с/у), (V) расположение муссонных лесов (43 с/у)	(I) вступление: призыв к прогулке по дну океана (18 с/у), (II) шельф (73 с/у), (III) переход из шельфа в материковый склон (100 с/у), (IV) материковый склон (54 с/у), (V) ложе океана (61 с/у)
Приемы популяризации	–	нарративизация, персонализация, диалогизация, эмоционализация
Лингвостатистические параметры		
Объем	218 с/у	310 с/у
Структурная / лексическая сложность	0.80/ 0.70	0.50/ 0.40
Динамичность	0.00	0.70
Удобочитаемость	0.29	0.54

Примечание: с/у – словоупотребления

4. Процедура эксперимента

Индексаторами КС стали потенциальные адресаты текстов-стимулов – 40 учащихся 7-х классов ГБОУ гимназия № 405 г. Санкт-Петербурга (20 мальчиков и 20 девочек). Кроме того, были привлечены 24 студента географического факультета Герценовского университета г. Санкт-Петербурга (9 юношей и 15 девушек) для экспертного описания смысла текстов.

Индексаторы выписывали из каждого текста 4–7 слов и словосочетаний, наиболее значимых с точки зрения его содержания (см. [Штерн 1991: 75]).

Обработка экспериментальных данных и результаты

Анализировались 104 набора КС объемом 1 889 словоупотреблений.

Первичная обработка данных состояла из следующих действий (см. [Петрова и др. 2017; Пиотровская, Трущелёв 2019; Трущелёв 2024; Штерн 1991; Ягунова 2010; 2011]): сведение КС к исходной форме; удаление незначительных слов и неполнозначительных глаголов (напр., *находиться, называться*); унификация вариативных номинаций (напр., *материковая отмель* и *шельф – шельф, Евразия* и *материк Евразия*). Устойчивые терминологические коллокации, которые извлекали респонденты, рассматривались как неделимые КС (напр., *природная зона, материковый склон*; ср. с [Петрова и др. 2017]).

Количественные результаты обработки представлены в Таблице 2.

Была проанализирована частота индексации уникальных КС. Частота трактовалась как величина

Таблица 2

Количественная характеристика наборов КС

	До обработки			После обработки		
	N _{с/у}	N _{ун}	M	N _{с/у}	N _{ун}	M
Текст 1						
Школьн.	626	111	15.6	392	78	9.2
Студ.	312	77	12.8	227	60	9.0
Текст 2						
Школьн.	682	128	17.1	389	85	9.4
Студ.	269	52	10.2	169	38	7.3

Примечание: N_{с/у} = общее количество КС; N_{ун} = количество уникальных КС; M = среднее количество КС в наборе КС

на значимости КС [Павлова 2023; Петрова и др. 2017; Штерн 1991]. На Рисунках 1–4 представлены значимые КС, извлеченные каждой индексаторами и экспертами, с частотой индексации выше 10% (порог выбран с опорой на [Павлова 2023] и [Трущелёв 2024]). Звездочкой отмечены КС, общие для обеих групп информантов.

Рассмотрены текстовые характеристики КС, которые ранее обсуждались исследователями [Гусева, Митрофанова 2024; Пиотровская, Трущелёв 2019; Трущелёв 2025; Штерн 1991; Ягунова 2010; 2011]: частота встречаемости в тексте; позиция в заголовке или тематическом предложении (в первом предложении абзаца); нахождение в первом, втором, третьем, четвертом или пятом абзаце; позиция в коммуникативной структуре (см. [Pipalova 2019]); отнесенность слова к специальной лексике, связанной с географией (см. критерии КС в [Firoozeh et al. 2020]). С опорой на эти показатели были параметризованы наиболее значимые КС, которые извлекли более 33 % респондентов (порог выбран с опорой на [Петрова и др. 2017]).

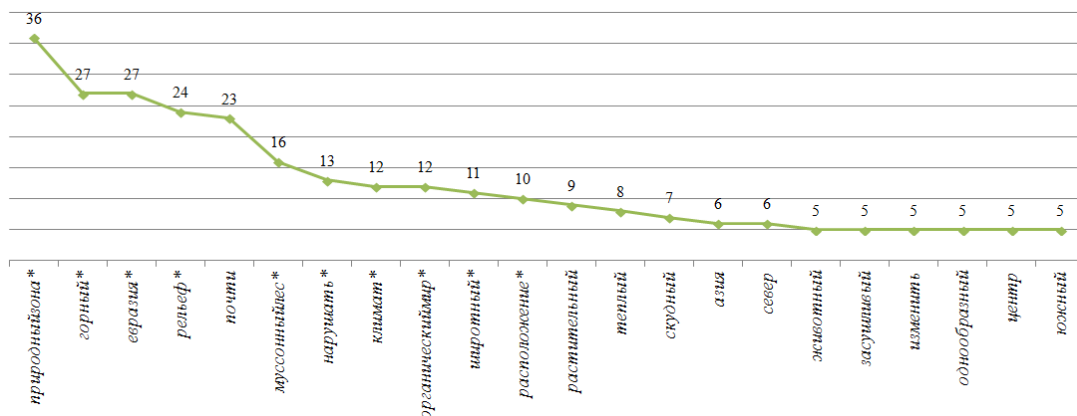


Рисунок 1. Значимые КС, извлеченные из текста 1 школьниками (n = 22)

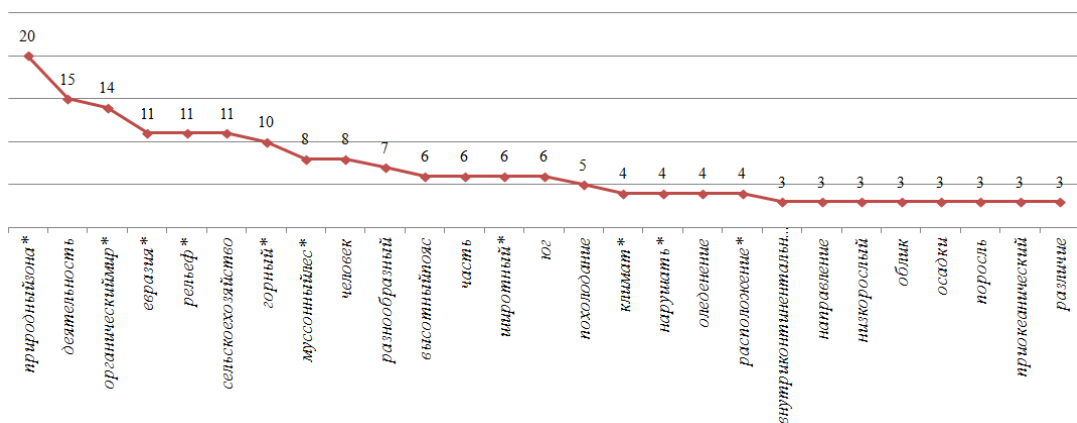


Рисунок 2. Значимые КС, извлеченные из текста 1 студентами (n = 27)

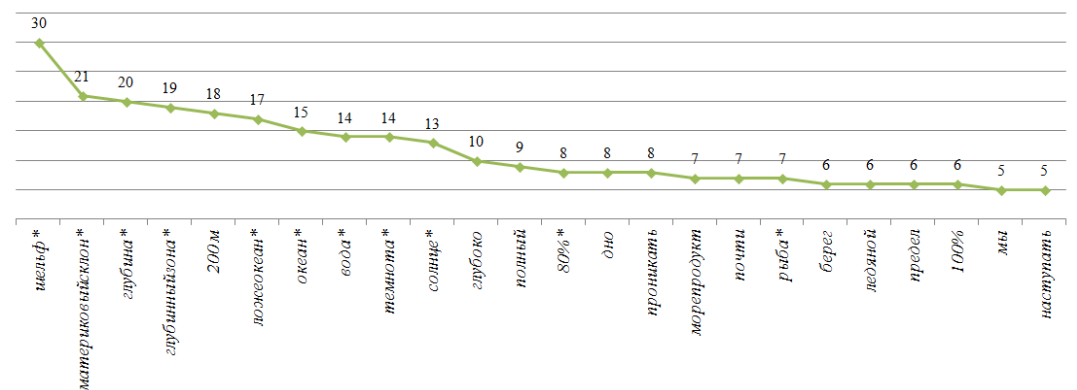


Рисунок 3. Значимые КС, извлеченные из текста 2 школьниками (n = 26)

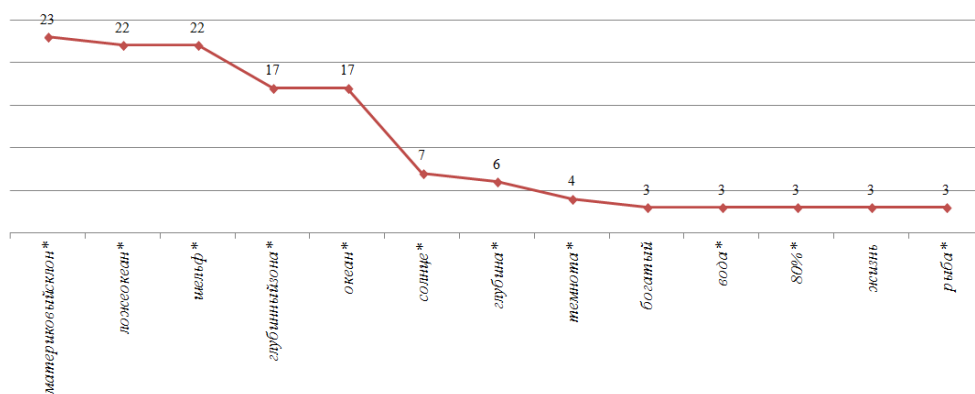


Рисунок 4. Значимые КС, извлеченные из текста 2 студентами (n = 13)

Результаты параметризации представлены в Таблице 3. Наборы КС, извлеченные школьниками, были кластеризованы методом k-средних с опорой на РСА-визуализацию, представленную на Рисунке 5 (см. [Трушелёв 2025]). В качестве переменной рассматривался показатель индексации каждого уникального КС в наборе каждого респондента.

Были сформированы два кластера для каждого текста – ядерный и периферийный. Наиболее значимы следующие КС:

- (4) **текст 1:** кластер 1 (n = 26): *природные зоны, Евразия, горный, почти, рельеф, муссонный лес, климат*; кластер 2 (n = 14): *природные зоны, горный, нарушать, Евразия, рельеф, широтный, почти, расположение, растительный, органический мир, север, скудный*;
- (5) **текст 2:** кластер 1 (n = 20): *шельф, материковый склон, ложе океана, глубинная зона, океан*; кластер 2 (n = 20): *глубина, 200 м, шельф, солнце, вода, темнота, глубинная зона, глубоко, 80%, проникать, морепродукт, полный, почти, рыба*.

Таблица 3

Текстовые характеристики наиболее значимых КС

КС	Частота	Позиция в топики	Абзац	Коммуникативная структура	Спец. лексика
Текст 1					
<i>природные зоны</i>	4	заг, 2 тп	заг, 2, 2, 3	заг, Rh _{intr} , Th, Th	+
<i>Евразия</i>	4	заг, 2 тп	заг, 1, 1, 2	заг, Rh _{intr} , Th, Th	+
<i>горный</i>	3	1 тп	3, 3, 3	Rh _{intr} , Th, Rh	+
<i>рельеф</i>	1	1 тп	3	Rh _g	+
<i>муссонный лес</i>	2	1 тп	5, 5	Th, Th	+
<i>почти</i> (шк)	1	1 тп	2	Rh _{intr}	–
<i>нарушать</i> (шк)	1	1 тп	3	Rh _{intr}	–
<i>деятельность</i> (ст)	1	1 тп	4	Th	–
<i>органический мир</i> (ст)	3	заг, 1 тп	заг, 1, 1	заг, Th, Th	+
<i>сельское хозяйство</i> (ст)	2	1 тп	4, 5	Th, Rh _{intr}	–
<i>человек</i> (ст)	1	1 тп	4	Th	–
Текст 2					
<i>шельф</i>	5	–	2, 2, 2, 2, 3	Rh, Th, Th, Th, Rh	+
<i>материковый склон</i>	3	–	3, 4, 4	Rh, Rh _{intr} , Th	+
<i>глубинная зона</i>	5	заг, 2 тп	заг, 1, 3, 5, 5	заг, Rh _{intr} , Rh _{intr} , Th, Th	+
<i>ложе океана</i>	3	–	5	Rh, Th, Th	+
<i>океан</i>	10	заг, 4 тп	заг, 1, 1, 2, 3, 3, 4, 4, 5, 5	заг, Th, Rh _{intr} , Rh _{intr} , Th, Rh _{intr} , Th, Th, Rh _{intr} , Rh _{intr} , Rh _{intr}	+
<i>глубина</i> (шк)	8	2 тп	1, 2, 3, 3, 4, 5, 5, 5	Rh _{intr} , Th, Th, Th, Th, Rh, Rh _{intr} , Th	–
<i>200 метров</i> (шк)	2	–	2, 3	Rh, Th	–
<i>вода</i> (шк)	4	1 тп	2, 2, 3, 5	Th, Rh, Rh, Th	–
<i>темнота</i> (шк)	3	–	3, 3, 5	Rh, Rh _{intr} , Rh _{intr}	–
<i>солнце</i> (шк)	5	1 тп	2, 3, 3, 5, 5	Rh, Th, Rh _{intr} , Th, Th	–

Примечание: полужирным выделены КС, общие для обеих выборок; шк = КС из выборки школьников; ст = КС из выборки студентов; заг = заголовок; тп = первое предложение абзаца; Th = тема предложения; Rh = рема предложения; Rh_{intr} = рема, вводящая предмет

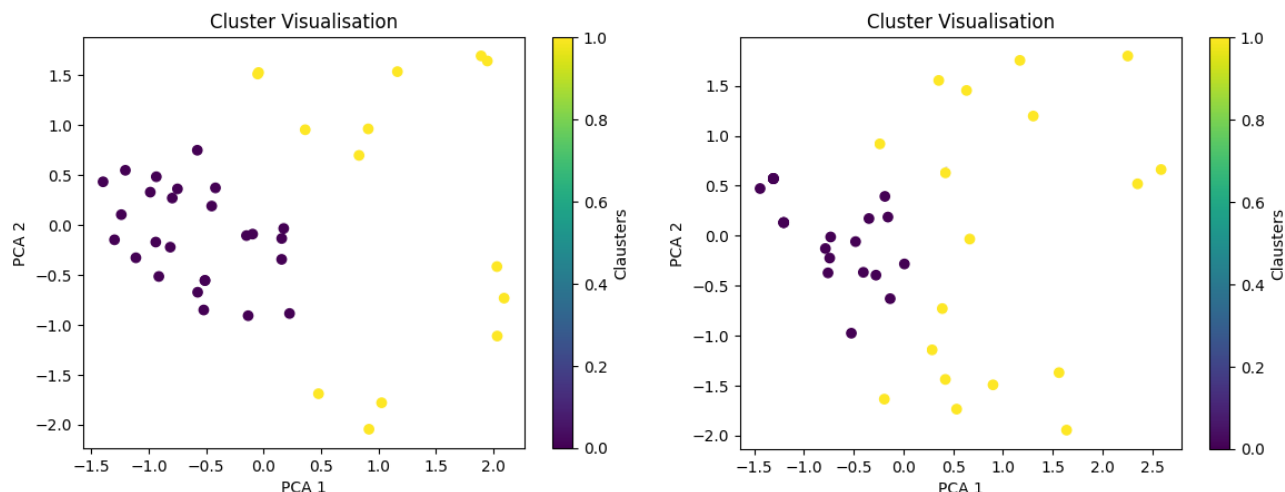


Рисунок 5. Кластеризация наборов КС

Обсуждение

1. Структурирование смысла текста без приемов популяризации

1.1. Структурирование текста 1 обеими группами респондентов происходило с опорой на его тематическую структуру. Самые значимые КС являются частотными в тексте. Респонденты индексировали значимые КС из заголовка и первых абзацев текста, а также из тематических предложений. Часть КС представлены в реме, которая вводит предмет (см. о «бытийной минимальной актуализированной предикативной структуре» в [Петрова 2021]); например:

(6) В Евразии есть **почти все природные зоны**.

Некоторые наиболее значимые КС представлены в разных абзацах текста и «делят» его между собой (см. [Ягунова 2011]).

Следует отметить, что структурирование учитывало дисциплинарную специфику текста: значимые КС относятся преимущественно к специальной лексике по географии.

1.2. КС, извлеченные студентами, выражают главные предметы описания (см. Таблицу 1). КС, извлеченные школьниками, указывают на то, что они структурировали текст менее полно и последовательно.

КС *органический мир*, представляющее один из основных предметов описания, извлекли менее 33 % школьников (vs 58 % студентов). Это КС представлено в заголовке и в первом предложении первого абзаца. КС *деятельность, сельское хозяйство, человек* не были извлечены 10 % школьников (vs более 33 % студентов). Эти КС представлены в первом предложении четвертого абзаца и задают в нем предмет речи.

Школьники индексировали слова, которые уточняют предмет референции других КС (см. [Трушелёв 2024]). Так, КС *почти*, которое относится к наиболее значимым, встречается в тексте один раз в предложении (6) в роли распространителя. КС *животный* и *растительный* раскрывают КС *органический мир*; КС *теплый* и *засушливый* характеризуют КС *климат*. Отметим, что такая индексация нарушает критерий минимальности КС (см. [Firoozeh et al. 2020]).

Значимые КС, извлеченные студентами, расширяют предметы описания. К ним относятся КС *высотный пояс, внутриконтинентальный, приокеанический, поросль, осадки, оледенение, похолодание*. Упомянутые КС *деятельность, сельское хозяйство, человек* представляют предмет речи целого абзаца.

Приведенные наблюдения дополняют результаты кластеризации (4). Оба кластера включают КС *природные зоны, Евразия, горный, почти,*

рельеф. Остальные КС указывают на разные направления в структурировании. Так, отмеченное КС *органический мир*, которое представляет основную предмет описания всего текста, представлено только в кластере 2. Этот же кластер включает слова, уточняющие другие КС: *нарушать, расположение, север, растительный, скудный* и др.

2. Структурирование текста с приемами популяризации

2.1. Респонденты структурировали текст 2 с опорой не только на его тематическую структуру, но и на развертывание (хронотоп) умозрительной прогулки по дну океана.

Говоря о тематической структуре, можно отметить, что значимые КС имеют высокую частоту встречаемости в тексте. Наиболее важные КС, представляющие типы глубинных зон (*шельф, материковый склон и ложе океана*) имеют свои отрезки вхождения. Многие значимые КС извлекались из первых абзацев текста.

В то же время значимые КС *океан* и *глубина* активно используются для описания прогулки по дну. Важны также слова, которые используются для описания того, как во время прогулки меняется освещение (см. пример (1) выше). Так, КС *солнце* и *темнота* отмечены обеими группами информантов. Из контекста их вхождений извлечены значимые КС *вода, глубоко, ледяной, мы, наступать, полный, почти, проникать*; например (см. также примеры (3) выше, а также (9) и (11) ниже):

(7) Солнечные лучи не могут **глубоко проникать** в воду;

(8) Здесь царит **полная** и вечная темнота...

Значимые КС в тексте часто выполняют функцию выражения локативного значения, например:

(9) Мы покинули **шельф** и оказались в **следующей глубинной зоне океана**;

(10) У самого **берега** находятся наиболее мелководные части морей и океанов;

(11) **На глубине около 200 м** наступает почти полная темнота.

Примечательно, что в выборке школьников представлено КС *200 метров* (которое даже более значимо, чем КС *ложе океана*): в тексте оно используется для обозначения промежуточной глубины между шельфом и материковым склоном (см. пример (11) выше).

2.2. Значимые КС, извлеченные обеими группами респондентов, адекватно и полно выражают предмет речи текста 2 (см. таблицу 1). Самые важные КС относятся к специальной лексике по географии.

Представляется, что нарративизация внесла вклад в описание предмета речи. Так, КС *глубинные зоны, океан, шельф, материковый склон, ложе океана*, выражающие главные предметы речи, в тексте являются важными элементами повествования. Они называют компоненты пространства, в котором совершается прогулка (при этом они имеют свои отрезки вхождения).

Школьники с помощью КС выразили предмет речи из текста 2 более точно, чем предмет речи из текста 1. Вероятно, приемы популяризации упростили задачу выделения предметов описания, которые играют важную роль в организации повествования. Роль популяризации в упрощении задачи выделения главных идей текста ранее была отмечена в [Nigro 2022].

2.3. Хотя точность и полнота представления с помощью КС главных предметов описания текста 2 сопоставима для обеих выборок, структурирование текста школьниками имело свои особенности.

Студенты извлекли из текста меньше КС, чем школьники (см. Таблицу 2 и Рисунки 3 и 4). Вероятно, студенты, в отличие от школьников, учитывали дисциплинарную принадлежность КС. Среди значимых КС, извлеченных студентами, только упомянутые КС *солнце* и *темнота* непосредственно связаны с приемами популяризации. Часть КС, которые в тексте используются для описания прогулки, не извлек ни один студент: например, *глубоко, мы, наступать, полный, почти*.

Школьники активно индексировали слова из отрезков с описанием прогулки по дну. Так, КС *солнце* и *темнота*, которые в выборке студентов не отнесены к значимым, в выборе школьников являются наиболее значимыми. Выше были отмечены другие КС, извлеченные школьниками из фрагментов с описанием прогулки.

Репрезентативны результаты кластеризации наборов КС (5). Первый кластер представляет основные предметы описания. Второй кластер отражает иной путь структурирования и представляет больше конкретных деталей содержания и, в частности, детали прогулки.

Особенности структурирования текста 2 соотносятся с особенностями структурирования текста 1. В обоих случаях школьники неравномерно оценивали значимость разноуровневых компонентов смысловой структуры текста (см. [Пиотровская, Трущелёв 2019]): прежде всего они высоко оценивали значимость ряда уточняющих и конкретизирующих деталей. Так, показательна значимость извлеченного школьниками КС *200 метров*: она сопоставима со значимостью терминологических номинаций других глубинных зон.

Заключение

Можно сделать следующие предположения: во-первых, различаются способы структурирования смысла учебных текстов с приемами популяризации и без них; во-вторых, приемы популяризации упрощают понимание основных идей учебного текста; в-третьих, приемы популяризации могут способствовать неравномерной оценке значимости компонентов смысловой структуры разными группами испытуемых.

Следует учитывать ограничение работы: выявленные особенности структурирования текста с приемами популяризации могут быть связаны преимущественно с нарративизацией. Необходимо отдельно изучить влияние других приемов популяризации на смысловое структурирование.

Примечание

¹ Работа выполнена в рамках госзадания, проект FZNM-2025-0001 «Лингвистические и прагматические параметры текста как фундаментального компонента образовательной коммуникации».

Список источников

Домогацких Е.М., Алексеевский Н.И. География. Материки и океаны: учебник для 7-го кл. общеобразоват. учреждений: в 2 ч. М.: Русское слово, 2012. Ч. 1: Планета, на которой мы живем. Африка. Австралия. 280 с.

Кузнецов А.П. и др. География. Земля и люди. 7 класс: учебник для общеобразоват. организаций / А.П. Кузнецов, Л.Е. Савельева, В.П. Дронов. М.: Просвещение, 2011. 175 с.

Список литературы

Гусева Д.Д., Митрофанова О.А. Ключевые выражения в русскоязычных научно-популярных текстах: сравнение восприятия устной и письменной речи с результатами автоматического анализа // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 20–35.

Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345.

Павлова Д.С. Особенности восприятия письменного и устного текстов носителями русского языка // Социо- и психолингвистические исследования. 2023. Вып. 11. С. 74–78.

Петрова Т.Е. Текст и его структура (психолингвистические исследования в русле школы Л.В. Сахарного и А.С. Штерн) // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллектив. монография / науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова; Ин-т языкознания РАН. М., 2021. С. 505–517.

Петрова Т.Е. и др. Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах / Т.Е. Петрова, Е.И. Риехайainen, А.С. Кузнецова, А.В. Мараяев, М.А. Шаталов // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. Вып. 5. С. 149–156.

Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Инвариантность и вариативность понимания учебных текстов школьниками и студентами (результаты экспериментального исследования по методике набора ключевых слов) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 3. С. 58–73.

Сахарный Л.В., Штерн А.С. Набор ключевых слов как тип текста // ...Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного / под ред. Т.И. Доценко; Перм. гос. ун-т, Пермь, 2006. С. 50–59.

Трущелёв П. Седативные детали в учебном тексте: эксперимент по методике извлечения ключевых слов // Вестник Ереванского университета. Русская филология. 2024. Т. 10, № 2(25). С. 61–76.

Трущелёв П. Визуальный и вербальный паттерн в тексте школьного учебника: извлечение ключевых слов // Вопросы психолингвистики. 2025. № 2(64). С. 114–129.

Штерн А.С. Восприятие текста // Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 69–162.

Ягунова Е.В. Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного тек-

ста // Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика. 2010. № 1. С. 83–89.

Ягунова Е.В. Ключевые слова в исследованиях текстов Н.В. Гоголя // Проблемы социо- и психолингвистики. 2011. Вып. 15. С. 121–136.

Firoozeh N. et al. Keyword extraction: Issues and methods / N. Firoozeh, A. Nazarenko, F. Alizon, B. Daille // Natural Language Engineering. 2020. Vol. 26, № 3. Pp. 259–291.

Gotti M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse // Ibérica. 2014. № 27. Pp. 15–34.

Nigro R.G. Textbook and popular science text reading: Boys' and girls' comprehension and assimilation of academic language // International Journal of Science Education. 2022. Vol. 44, № 11. Pp. 1792–1815.

Pilkington O.A. The fictionalized reader in popular science: Reader engagement with the scientific community // Text & Talk. 2018. Vol. 38, № 6. Pp. 753–773.

Pipalova R. Constructing the global from the local: On the FSP status of keywords in academic discourse // Linguistica Pragmática. 2019. Vol. 29, № 2. Pp. 192–212.

Rumelhart D.E. Notes on a schema for stories // Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science / ed. by D.G. Bobrow, A. Collins. New York: Academic Press, 1975. Pp. 211–236.

Vallejos P. Grammar and pragmatic interrelations in the construction of popular science texts for children // British Journal of Education, Society & Behavioural Science. 2016. Vol. 12, № 2. Pp. 1–10.

POPULARISATION TECHNIQUES IN SCHOOL TEXTBOOKS: STRUCTURING OF TEXT CONTENT

Pavel N. Trushchelev

Researcher, Language and Cognition Laboratory

Pushkin State Russian Language Institute

Lecturer, Department of the Russian language and Professional Communication

Russian-Armenian (Slavonic) University

The article presents a psycholinguistic study of expository texts that employ popularisation techniques. The aim was to examine structural characteristics of such texts. The material consisted of two texts taken from (Russian) school textbooks in Geography: one employed popularisation techniques, while the other did not. The study utilised the keyword extraction method. Keywords were extracted by 40 school students and 24 university students. The way the participants extracted keywords differed depending on the text type. The keywords extracted from the text with popularisation techniques more accurately represented its main ideas. School students tended to extract keywords that captured specific and clarifying details. So, they extracted words embodying popularisation techniques.

Key words: expository text; textbook; popularisation; keywords; structuring; text structures; comprehension.

УДК 81'367.625: 004.932.2

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Александар Талески**к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Пермь, Букирева, 15. taleski87@yahoo.com

Алёна Юрьевна Бурлака**магистрант 1 курса обучения****НИУ «Высшая школа экономики»**

101000, Москва, Мясницкая, 20, проезд: м. Лубянка, м. Китай-город. au.burlaka@gmail.com

Работа посвящена анализу динамических аспектов мультимодальной репрезентации виртуального пространства, основанной на интеграции вербальных и визуальных данных для выявления когнитивных моделей пространственной репрезентации. В основе работы лежит комплексный эксперимент с участием 20 информантов, который включал фиксацию устного пересказа виртуального пространства и создание его визуальных ментальных карт. Полученные данные моделировались с использованием инструментов мультимодальной визуальной аналитики (Semograph, Creative Maps Studio, SciVi, Python), что обеспечило их формализацию и сопоставимость. Анализ моделированных данных позволил выделить текстовые и иллюстративные модели репрезентации виртуального пространства, для которых были выявлены сходные структурные закономерности. Текстовые модели отражают семантико-функциональную структуру пространства, визуальные – его количественно-пространственные параметры. Динамические модели выявили ядро и периферию когнитивных связей и показали дифференцирующие признаки, характерные для мультимодального воспроизведения информации.

Ключевые слова: виртуальная реальность; VR-пространство; мультимодальная репрезентация; когнитивные модели; динамические последовательности; ментальные карты.

Введение

Статья посвящена анализу динамических аспектов мультимодальной репрезентации виртуального пространства. Динамические аспекты репрезентации понимаются как организация пространственной информации. Данная организация проявляется в последовательности и процессуальности восприятия информации, структурирования и воспроизведения ее субъектом в ходе взаимодействия с пространством. Эти аспекты реализуются в виде когнитивных моделей, описывающих процессы восприятия, переработки и интерпретации информации в среде виртуальной реальности (VR).

VR в широком понимании трактуется как искусственно созданная информационная среда, функционирующая в интерфейсе «человек – компьютер» [Ладов 2004: 19]. VR в научном дискурсе разграничивается с мультимедиа, киберпространством и AR: в отличие от мультимедиа как аудиовизуальной технологии [Дворко 2004] и киберпространства как сферы электронных взаимодействий [Хайм 1995], VR является автономной системой моделирования искусст-

венных сред, тогда как AR лишь дополняет реальность [Яковлев, Пустов 2013; Azuma 1997; Caudell, Mizell 1992]. Сегодня VR занимает значимое место в методологии когнитивной лингвистики, открывая широкие перспективы для исследования механизмов сознания, памяти, мышления и человеческого взаимодействия [Heyselaar, Naagoort, Segaert 2015; Peeters 2019].

VR-среда обладает рядом ключевых свойств – порожденностью, автономностью, иллюстративностью, интерактивностью и иммерсивностью, что позволяет рассматривать ее как специфическую когнитивно-коммуникативную площадку [Bryson: электр. ресурс; Castronovo et al. 2013: 23]. VR формирует стимулы в сенсорном поле пользователя и фиксирует его ответные реакции в реальном времени [Corey: электр. ресурс; Lanier 1992]. При этом степень погруженности в VR варьирует в зависимости от индивидуальных особенностей восприятия человека и качества технологической реализации [Зинченко, Меньшикова, Баяковский 2010; Zinchenko, Kovalev, Menshikova 2015]. Таким образом, свойства VR-среды, определяющие степень вовлеченности пользователя,

напрямую соотносятся с процессами ментальной репрезентации, поскольку именно через них происходит преобразование сенсорных стимулов в субъективные когнитивные модели воспринимаемого пространства.

При восприятии пространства и активации механизмов ментальных репрезентаций обеспечивается формирование умственных образов внешней среды на основе сенсорных данных и индивидуального опыта [Ребеко 1998; Холодная 2002]. Эти репрезентации носят субъективный и динамичный характер: они воспроизводимы, изменчивы и зависят от когнитивных, аффективных и социокультурных факторов [Ожерельева 2019; Прохоров 2021; Fauconnier 1994; 2009].

Ключевым инструментом изучения процессов формирования и динамической трансформации ментальных репрезентаций пространства является когнитивное моделирование. Модели позволяют аппроксимировать скрытые когнитивные процессы (восприятие, память, мышление и др.) и представить их в логически структурированном виде [Бирюков 1974; Хомский 1972; Sun 2008].

В лингвистике когнитивные модели репрезентации пространства изучаются как в текстовой, так и в иллюстративной форме. Вербальные репрезентации позволяют зафиксировать когнитивные стратегии описания пространства: выделение объектов, установление связей между ними, оценочные характеристики и даже эмоциональную окраску [Ожерельева 2019; Pitt: электр. ресурс]. Визуальные репрезентации, в свою очередь, опираются на ментальные карты и образные схемы [Mandler, Pagan Canovas 2014; Stevenson 1996]. Они позволяют анализировать пространственные нарративы и когнитивное картирование, которые трактуются как динамический процесс переработки информации о пространстве [Грудева 2021; Stea 2017].

Исследование как вербальных, так и визуальных способов репрезентации пространства приводит к необходимости их интеграции, что становится основанием для мультимодального подхода, который объединяет разнообразные данные, отражающие различные аспекты когнитивного процесса. Мультимодальная репрезентация пространства позволяет исследовать как универсальные когнитивные механизмы (устойчивые ориентиры, базовые объекты и др.), так и специфические различия в каналах передачи информации (семантическую группировку в вербальной форме и пространственное распределение в визуальной) [Белоусов и др. 2023; Lansdale 1998; Lansdale, Humphries, Flynn 2013].

Особую актуальность мультимодальный подход приобретает в VR как в специфическом ког-

нитивно-коммуникативном пространстве, в котором процессы восприятия, осмысления и воспроизведения пространственных характеристик разворачиваются в условиях высокой иммерсивности. Такой подход обеспечивает выявление устойчивых структурных закономерностей и дифференцирующих признаков мультимодального воспроизведения пространственного опыта в VR-среде. Анализ динамических аспектов репрезентации VR-пространства может осуществляться в рамках различных репрезентативных каналов, однако их интеграция в мультимодальной перспективе предоставляет дополнительные аналитические возможности для описания когнитивных механизмов пространственного воспроизведения. В данной работе предлагаются мультимодальный и когнитивно-ориентированный подходы, основанные на интеграции устных пересказов и визуальных ментальных карт, позволяющие рассматривать динамику пространственной репрезентации как иерархически организованную систему когнитивных моделей последовательности, процессов и структур. Отсюда и основная гипотеза исследования, которая состоит в том, что одни и те же когнитивные модели реализуются в вербальном и визуальном каналах репрезентации с различной функциональной нагрузкой.

Интеграция устных пересказов и визуальных ментальных карт открывает возможность фиксировать динамические модели репрезентации на различных уровнях: от последовательностей действий до структурных особенностей пространственных представлений. Это дает возможность напрямую сопоставлять вербальные и визуальные данные, что становится фундаментом для анализа когнитивной организации восприятия виртуальной среды. Для достижения этих целей применяется комплексный эксперимент, который реализует мультимодальный подход и позволяет проследить взаимодействие когнитивных и коммуникативных процессов в рамках взаимодействия с VR-пространством.

Методика эксперимента

В эксперименте приняли участие 20 информантов – представителей одной социальной группы (все информанты – девушки, студентки филологического факультета); таким образом исключается влияние разных экстралингвистических факторов на результаты эксперимента.

Эксперимент включал три этапа.

Первый этап эксперимента проводился в специально созданной VR-среде, реализованной на базе игрового движка Unreal Engine, предоставляющего готовые подсистемы для моделирования VR. Данная VR-платформа включала три

компонента: сцены, персонажа (говорящего) и предметы (референты и ориентиры). Сцены носили статический характер, персонаж и предметы выполняли декоративную функцию, однако персонаж обладал речью. Платформа позволяла варьировать независимые переменные, включая объекты сцены. Смоделированное VR-простран-

ство представляло собой кафе с 19 квадратными столами и 38 стульями, расположенными вдоль стен и в центре зала. На столах находились еда и посуда, интерьер дополняли горшки с цветами, картины, часы, радиаторы и панорамные окна и др. Эти элементы служили ориентирами в пространстве (см. Рисунки 1–2).



Рисунок 1. Фрагмент первого этапа эксперимента

В эксперименте использовались три сцены: одна лично-ориентированная и две пространственно-ориентированные. При их построении учитывались три коммуникативных параметра: взаимное расположение коммуникантов (face-to-face, face-to-back, side-by-side conversation); местоположение референтов во внутреннем или внешнем пространстве коммуникации; нахождение референтов в поле зрения коммуникантов либо вне его (подробнее см. [Талески 2024]).

Первая сцена – лично-ориентированная, отражающая коммуникацию лицом к лицу (см. Ри-

сунк 2). В ней выделено 13 референтов, расположенных во внутреннем и внешнем пространстве коммуникации. Вторая сцена является пространственно-ориентированной, в ней информант находится рядом с говорящим, но затем их позиции изменяются в процессе движения. Здесь также зафиксировано 13 референтов, функционирующих во внешнем пространстве. Третья сцена – также пространственно-ориентированная, но с собеседником за спиной говорящего. Она включает 14 зон интереса, при этом параметр «поле зрения» варьирует в зависимости от позиции референта.

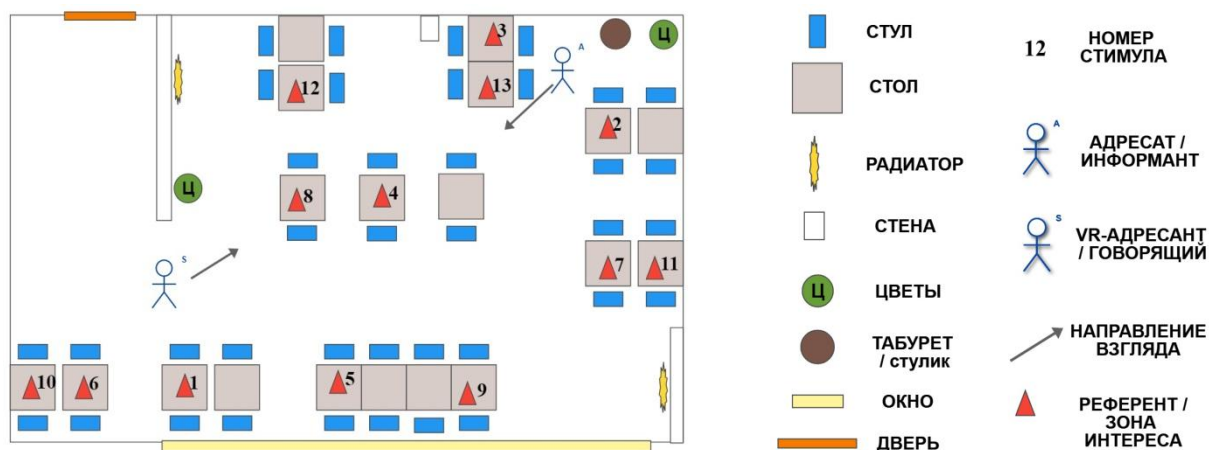


Рисунок 2. Условные обозначения и макет сцены 1

На основе анализа экспериментальных сцен и реплик, заимствованных из предыдущего исследования и адаптированных к данному этапу эксперимента, было выделено 40 зон интереса [там же]; количество зон интереса было обусловлено

набором референтов в виртуальном пространстве. Каждая зона соотносилась с репликой, которая предъявлялась информанту, например, *Предмет перед Вами на ближайшем от Вас столе*. Реплики включали комбинации ориентиров разных

типов (аллоцентрический, геоцентрический, эгоцентрический) [см. Bryant 1992; Levinson 1996; 2003], по которым необходимо было найти предмет в VR-пространстве и указать на него с помощью джойстика. Реплики и основные параметры сцены заимствованы из исследования дейктического и коммуникативного поведения говорящего в VR [Талески 2024].

В данной работе рассматриваются результаты второго этапа, посвященного репрезентации виртуального пространства и крайне важного в структуре эксперимента в целом. Задания второго этапа сообщались информантам только после завершения первого, что позволило исключить сознательную регуляцию поведения. Согласно наблюдениям когнитологов, переработка информации на бессознательном уровне происходит быстрее и эффективнее вне зависимости от ее сложности [Дружинин 2002: 17].

Итак, после завершения первого этапа, идентичного для всех информантов, на втором этапе участники были разделены на две равные группы по 10 человек. Обеим группам предлагались сходные задания, которые заключались в репрезентации виртуального пространства, воспринятого на первом этапе эксперимента. При этом формы репрезентации различались: информанты первой

группы осуществляли репрезентацию в устной форме в виде связного рассказа о виртуальном пространстве, тогда как участники второй группы выполняли задание посредством визуализации пространства в форме ментальной карты.

Устные рассказы информантов о пространстве фиксировались на видеокамеру. Суммарная продолжительность записей составила 23 минуты 17 секунд. Записи были расшифрованы, в результате чего было получено 10 текстов информантов. Данный текстовый материал подвергался многоуровневой обработке: вербальные реакции синхронизировались с невербальными средствами (жесты, мимика, движения глаз). Реплики разделялись на фразы и синтагмы, каждая из которых соотносилась с соответствующим невербальным элементом. Для систематизации данных создавался проект в ИС «Семограф», где каждой реакции соответствовал отдельный контекст (см. фрагмент контекста в ИС «Семограф» на Рисунке 3). Это позволило проводить анализ пространственной семантики и функций каждого средства коммуникации. Результаты анализа включали сведения о плотности связей между компонентами и метатекстовой информации [см. Belousov, Erofeeva, Leshchenko 2017; Рябинин, Баранов, Белоусов 2017; Рябинин, Белоусов, Чуприна 2018].

Context "Ии 7"

Name: Ии 7

Lang: Russian

Editor Words

[Руки сложены между бедрами ладонями друг к другу – исходное положение] Я сейчас находилась в ресторане. Ааа... одно из э... [небольшой поворот влево всем тело, затем исходное положение] стен [взмах правой рукой по кругу в сторону собеседника, затем руки принимают исходное положение] это было панорамное окно [наклон туловища вправо, затем исходное положение]. Ааа... вдоль, собственно, стен [движение правой рукой по горизонтали, затем исходное положение] были столики [колени сдвигаются, затем исходное положение]. Некоторые столики представляли из себя [обе руки поднимаются на уровне груди] двоянные квадратные столики [руки дважды движутся друг к другу и обратно], а

Save Delete New

Previous Next

Metafields Subcontexts +

Место (город) проживания: 1. Пермь

Ранее использование устройств VR: 1. нет

Оценка 1. небольшой

Components Words Collocations All

Term

На каждом из этих столов

На этой полке

Некоторые столики

Некоторые столики представляли из себя двоянные

Filtered 137 of 137, Shown 25 1 / 6

Fields

Name	T	F	FR
Вычислительные модели	72	8	82
Динамические модели	33	7	50
Статические модели	22	10	68
Дейктические модели	306	10	545

Рисунок 3. Фрагмент контекста в ИС «Семограф»

При визуализации репрезентации пространства с помощью ментальной карты (см. Рисунок 4) информанты выполняли задачу в редакторе когнитивной графики Creative Maps Studio (см. <https://creativemaps.studio>), предназначенном для

создания и анализа цифровых репрезентаций. С его помощью были созданы векторные изображения объектов VR-пространства первого этапа, параметры которых (цвет, размер) можно варьировать в заданных пределах [Белоусов и др.

2023]. Участники эксперимента использовали эти изображения для визуализации ментальных карт на основе пространственной памяти. Векторный формат карт в редакторе Creative Maps Studio упрощает анализ данных и позволяет

сравнивать визуальные и вербальные репрезентации, что делает платформу удобным инструментом для изучения ментальных карт и когнитивных моделей ориентации (см. подробнее [Chumakov et al. 2021]).

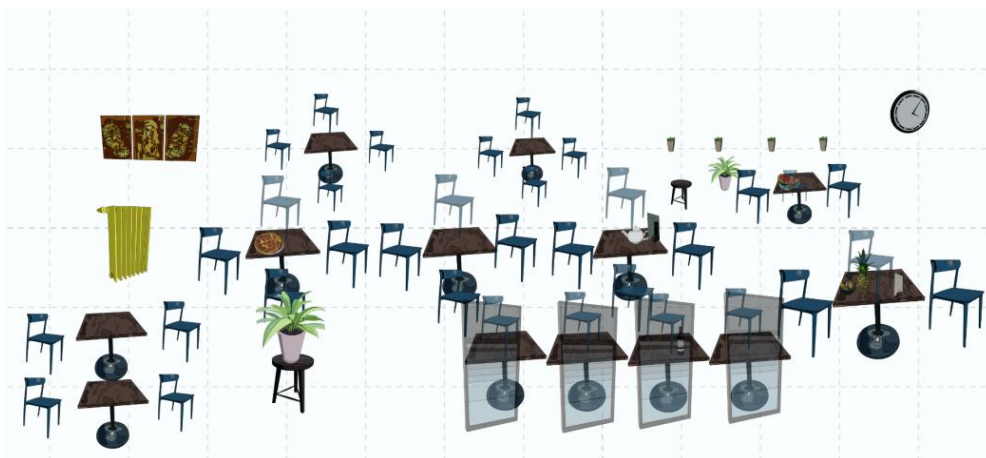


Рисунок 4. Фрагмент иллюстрации VR-пространства на платформе Creative Maps Studio

Для обработки данных использовался модуль Creative Maps Studio, реализованный на принципах DFD (Data Flow Diagram) и аналогичный архитектуре визуальной аналитики SciVi [там же]. Этот модуль обеспечивал классификацию ментальных карт, а также последовательное выполнение алгоритмов и обмен данными между ними.

На основе анализа полученных данных выделялись классификационные категории, формировавшие когнитивные модели. Среди разнообразных когнитивных моделей и их разновидностей (вычислительных, изобразительных, статических, динамических модели в текстах и в иллюстрациях, дейктических, моделей ракурса, стилевых моделей в иллюстрациях и др.) в данном случае рассматривались только динамические модели – текстовые и иллюстративные. Построенные когнитивные динамические модели способствовали выявлению механизмов поведения в виртуальном пространстве.

Модели текстовых репрезентаций

Среди моделей текстовых репрезентаций выделяются три типа: модели последовательности, модели передвижения и модели процессов.

Модели передвижения формируются за счет глагольных и отглагольных лексем, репрезентирующих изменение или фиксацию пространственного положения объектов. Эти модели содержат всего несколько лексем: *перемещались*, *выстроены*, *сдвинуты*, *составлены*, *повешены*, *разделены*. Кроме того, в ходе анализа выделена доминирующая группа лексем со значением статического пространственного положения. Еди-

ницы этой группы описывают объекты в состоянии покоя и их локализацию, что отражает статичный характер описываемой визуальной сцены и является доминирующей стратегией в нарративах информантов. Это характеризует пространство как статичное, поскольку перемещаться по виртуальному помещению может только говорящий, а все описываемые предметы и собеседник остаются неподвижными.

Модели процессов включают лексем с семантикой мыслительных, визуальных и речевых процессов, например: *забыла*, *помню*, *видела*, *рассмотрела*, *говорил*, *пытался объяснить* и др. Отнесение моделей процессов к классу динамических моделей обусловлено тем, что они репрезентируют не изменение положения объекта в пространстве, а динамику его ментальной репрезентации. Данные модели вербализуют активные процессы когнитивного конструирования образа пространства (припоминание, интерпретацию), перцептивного взаимодействия с ним (наблюдение, осмотр) и его коммуникативного согласования. Таким образом, динамика здесь проявляется на уровне развертывания внутреннего образа и позиции наблюдателя (эгоцентрической/аллоцентрической), что делает эти модели ключевыми для понимания того, как пространство не просто отражается, но проживается и порождается в акте речи.

Модели последовательности представлены в виде интерактивного кругового графа (см. Рисунок 5), построенного в системе SciVi (<https://scivi.semograph.com>), с настраиваемыми средствами предобработки отображаемых данных.

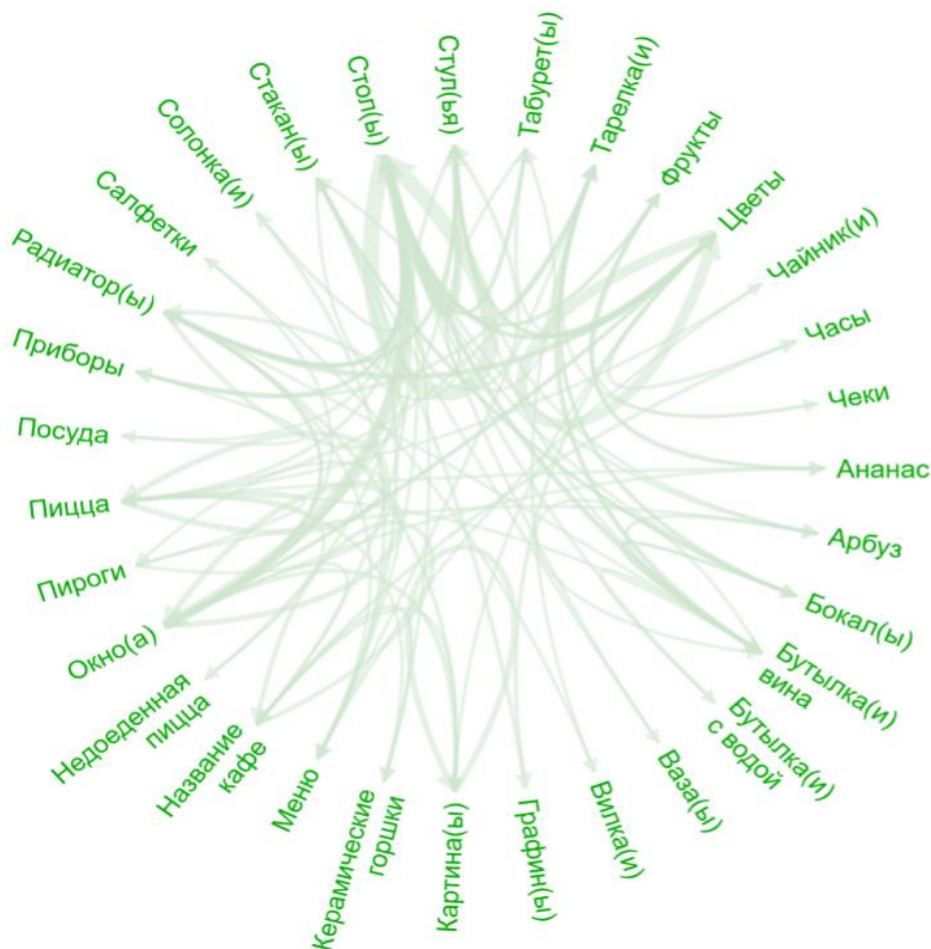


Рисунок 5. Интерактивный круговой граф, построенный в системе SciVi

Дуги графа заданы квадратичными кривыми Безье, построенными на основе трех контрольных точек: первая и третья фиксируются в соединяемых вершинах, а вторая располагается в центре окружности. Толщина дуг варьирует пропорционально их весу. Благодаря модульной структуре графа становится возможным выявление устойчивых компонентов, отражающих специфику пересказов информантов, а также визуализации частотности связей между ориентирами [Рябинин 2017].

Для обеспечения аналитической функциональности кругового графа реализованы различные интерактивные возможности, включая масштабирование, фильтрацию вершин и дуг по весу, выделение и редактирование вершин, изменение цвета и порядка уровней иерархии, а также работу с кластерами и многосрезовыми визуализациями с помощью дискретной шкалы (квази-зум) [Бондарев, Галактионов, Шапиро 2017].

В графе (Рисунок 5) отражены все полученные ориентиры: гиперонимы и гипонимы. Они соответствуют вершинам, которые равномерно распределены по окружности. С помощью дуг визуально представлена связь между ориентирами.

Для более детального анализа этих связей целесообразно обратиться к количественным характеристикам графа. В терминах сетевого анализа частотность может интерпретироваться двояко: как показатель прочности ребер, то есть устойчивости связей между объектами, и как показатель центральности узлов, отражающий частоту участия конкретного ориентира в различных комбинациях. Первый параметр позволяет выявить устойчивые когнитивные последовательности, формирующие уровни сети, тогда как второй фиксирует ключевые ориентиры, вокруг которых группируются связи. Такое разграничение позволяет учесть как структурные, так и функциональные характеристики исследуемого материала.

Все отраженные на графе последовательности ориентиров условно разделяются на ядро и периферию (ближнюю и дальнюю). Такое деление выбрано авторами исследования, так как оно основано на принципе частотности ребер, что позволяет дифференцировать устойчивые и периферийные когнитивные связи. Пороговые значения выбраны на основании анализа распределения частот, что позволило выделить группы свя-

зей, существенно различающиеся по степени устойчивости. Максимальная частотность последовательностей составила 19. В ядро вошли наиболее частотные последовательности – те, которые встречаются 12 и более раз; к ближней периферийной зоне относятся такие последовательности,

которые встречаются 4–11 раз; все остальные последовательности (*арбуз – тарелка, вилка – картина, меню – столик* и др.) считаются дальней периферией. В Таблице представлены все последовательности, вошедшие в ядро и ближнюю периферию.

Таблица

Ядерные и ближнепериферийные последовательности и их частотность

Частотность (раз)	Последовательности	Зона
19	стол(ы) – стол(ы)	Ядро
14	окно(а) – стол(ы)	
12	цветы – цветы	
8	стол(ы) – окно(а) стол(ы) – стул(ья)	Ближняя периферия
5	пицца – пицца окно(а) – окно(а) картина(ы) – картина(ы)	
4	стул(ья) – стол(ы) стол(ы) – бутылка(и) вина цветы – радиатор(ы)	

С точки зрения центральности узлов, стоит отметить, что ключевым ориентиром являются *стол(ы)* (см. Рисунок 6), именно этот ориентир входит в большинство последовательностей (50). Это объясняется, во-первых, количеством столов в помещении и их распределенностью (координаты многих других ориентиров было удобно определить через *столы*); во-вторых, их функциональной важностью для пространства кафе (они являются одним из важнейших элементов для определения назначения пространства). Вторым по важности является ориентир *окно(а)* (21 последовательность), а третьим – *цветы* (20 последовательностей).

Отдельного внимания заслуживают циклические последовательности, то есть такие, где начальная и конечная точка совпадают, например *стол(ы) – стол(ы)*. Их высокая частотность объясняется логикой изложения: описывая помещение, информанты неоднократно возвращались к наиболее значимым для них объектам. Такие циклы чаще всего формируются вокруг центральных ориентиров – *столов, окон, цветов*, а также *пицц* и *картин*, чья частотность превышает 5. Реже встречаются циклы с ориентирами *стакан(ы), бутылка(и) вина, название кафе, пироги, радиатор(ы), стул(ья) и табуретка(и)*, частотность которых составляет от 1 до 3.

Циклические последовательности в пересказах о пространстве представляют собой вербальную проекцию механизмов когнитивной структуры, где ключевые ориентиры выступают в роли смысловых опор, обеспечивая связность высказывания за счет их повторной активации в рабочей памяти. Этот паттерн показывает, как целостный визуальный образ постепенно преоб-

разуется в последовательный устный пересказ. Частота возвратов к одним и тем же объектам связана с их значимостью в ментальной картине пространства. Выделение ключевых ориентиров отражает работу устойчивых когнитивных схем, так как повторные упоминания таких объектов выполняют роль опорных точек, которые помогают сохранить целостность пространственной модели в процессе ее вербализации.

Статус опорных точек закрепляется за ориентирами, способными выполнять двойную функцию: обеспечивать целостность семантических групп через внутренние циклические последовательности и одновременно служить связующими мостами между различными категориями объектов в процессе развертывания дискурса. Большинство последовательностей логичны и соединяют ориентиры, находящиеся в одной семантической группе. Удалось выделить три такие группы: 1) предметы, «слитые» со стеной, находящиеся близко к ней, например *картина, часы, окно, надпись с названием кафе, керамические горшки*; 2) предметы, находящиеся на столах, например *еда, посуда, приборы, графин, чеки, меню, ваза, бутылки, солонка, салфетки*; 3) другие предметы мебели и интерьера, например *столы, табуретки, стулья, цветы*. При этом три ключевых ориентира – *стол(ы), окно(а), цветы* – часто используются для перехода от одной группы к другой во время пересказа.

Эпизодически встречаются такие периферийные последовательности, например, *пицца – керамические горшки, меню – радиаторы, графин(ы) – цветы, бутылка(и) вина – радиаторы, арбуз – стулья* и др. Они являются нетипичными и отражают резкий переход между семантическими группами.

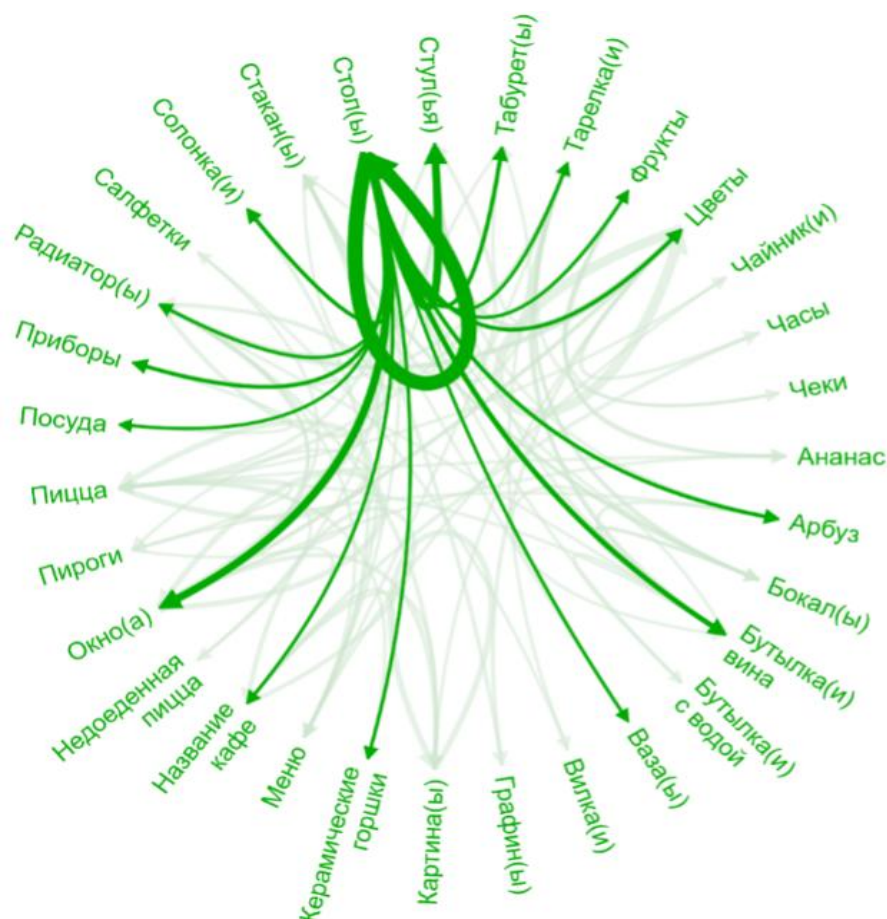


Рисунок 6. Последовательности, начальная точка которых – ориентир *стол(ы)*

Модели визуальных репрезентаций

Для иллюстративных материалов так же, как и для текстовых, был применен анализ последовательности, в которой информанты совершают операции с ориентирами (добавляют, перемещают или изменяют параметры). Анализ последовательности таких операций отражает динамику визуализации VR-пространства и может указывать на значимость объектов и закономерности их использования.

Для анализа динамических моделей, в первую очередь, использована частотная обработка биграмм (последовательных пар ориентиров), извлеченных из линейного текста. Сначала длинная строка, содержащая перечисление объектов, например *Стол(ы)*, *Стул(ы)*, *Окно(а)*, *Пицца* и т. д., была обработана с помощью метода токенизации по пробелу (`split()`). Таким образом, строка была разбита на отдельные элементы (токены).

На следующем этапе из полученного списка слов были извлечены биграммы с помощью функции `ngrams` из библиотеки NLTK, настроенной на длину 2. Каждая биграмма представляет собой переход от одного объекта к другому при воспроизведении ментальной карты виртуального пространства.

С использованием структуры Counter из модуля collections подсчитаны частоты биграмм, т. е. для каждой уникальной пары объектов определено, сколько раз она встречалась. Наконец, результаты отсортированы по убыванию частоты появления, что позволило выделить наиболее типичные и репрезентативные связи объектов в структуре сцены (см. Рисунок 7).

Такой способ обработки последовательности появления объектов при репрезентации служит инструментом выявления закономерностей в когнитивной организации визуального пространства. Последовательность может быть интерпретирована как отражение ментальной структуры сцены, зафиксированной участником эксперимента.

Всего обнаружено 182 разновидности последовательностей. Все разновидности, как и для текстов пересказа, на основе анализа распределений частот разбиты на группы по частотности встречаемости: ядерная (частотность выше 9¹), периферийная, включающая ближнюю периферию (частотность 4–9) и дальнюю периферию (частотность 1–3).

Ключевым ориентиром в случае с иллюстрациями является *стул* – с ним связано 253 последовательности. Вторым по встречаемости явля-

ется ориентир *стол* (213), а третьим – *бокал вина* (100). Частично это повторяет результаты первой вариации эксперимента, т. к. *стол* и там являлся одним из ключевых ориентиров. Тем не менее, *окно* и *цветы* в иллюстрациях встречаются значительно реже – 59 и 61 раз соответственно; *стул* и *бокал вина*, напротив, выходят на первый план. Эти различия, скорее всего, связаны с количеством ориентиров в виртуальном помещении и спецификой типов репрезентации.

В текстовой репрезентации на первый план выходят более функционально значимые ориентиры (*стол*), которые, к тому же, часто используются для указания на другие ориентиры, и визуально выделяющиеся элементы (*окно*, *картина*, *цветы*, *пицца*), а в иллюстрациях ключевые ориентиры могут отражать лишь количество этих объектов в пространстве. Так, хотя окна есть на 9 иллюстрациях из 10, их количество значительно меньше, чем стульев. Если рассматривать не количество элементов, а встречаемость (есть

объект или нет) в каждой иллюстрации, то результаты анализа принципиально меняются. В этом случае ключевыми элементами будут те, что есть на всех иллюстрациях: *стол*, *стул*, *цветы*, *картина*, *бокал вина*.

Еще один подход к определению ключевых ориентиров основан на выделении объектов, которые добавлялись информантами в первую очередь. Именно с них начинался процесс визуализации, от их местоположения информанты отталкивались при распределении последующих предметов. Такими ориентирами являются: *стол* (у информантов 11, 12, 17, 18), *окно* (у информантов 13, 15, 16, 20), *картины* (у информанта 14) и *радиатор* (у информанта 19); большая часть из них соотносится с ключевыми ориентирами текстовой репрезентации. В случаях, когда объект добавляется первым только у одного информанта, после этого объекта добавляется один из ключевых ориентиров текстовой репрезентации (у информанта 14 это *стол*, а у 19 – *цветы*).

1	Биграмма	Частота
2	Стул Стул	199
3	Столик Столик	126
4	Бокал_вина Бокал_вина	70
5	Окно Окно	39
6	Тарелка Тарелка	31
7	Комнатное_растение Комнатное_растение	25
8	Столик Стул	14
9	Меню Меню	12
10	Бутылка_вина Бутылка_вина	10
11	Стул Столик	9
12	Вилка Нож	8
13	Стакан Стакан	7
14	Столик Бутылка_вина	5
15	Радиатор_отопления Комнатное_растение	5
16	Тарелка Вилка	5
17	Столик Арбуз	4
18	Стул Комнатное_растение	4
19	Столик Пицца	4

Рисунок 7. Фрагмент таблицы с последовательностями операций с ориентирами при иллюстрирующей репрезентации

Сравнение моделей текстовых и визуальных репрезентаций

Пересечения визуальной и текстовой репрезентаций выявлялись путем сопоставительного анализа наиболее репрезентативных элементов

текстовых и иллюстративных моделей; в качестве основания для сравнения использовались ключевые ориентиры. Пересечения моделей говорят о тесной связи процессов обработки информации о пространстве. Вероятно, в обоих

случаях реконструкция ментальной карты происходит с опорой на конкретные объекты, которые функционально важны для помещения или визуально выделяются, остальные же объекты «достраиваются» вокруг ключевых. Эту гипотезу подтверждают также распределение ориентиров по семантическим группам в текстовой репрезентации и последовательность добавления объектов в иллюстрациях (сначала используются более крупные, основные ориентиры, затем распределяются детали).

В визуальной репрезентации распределить ориентиры на семантические группы невозможно, так как чаще всего переход между ними резкий. Наиболее логичным в этом случае представляется разделение объектов на базовые и добавочные. К деталям будут относиться небольшие объекты, которые находятся на столах (посуда, меню, различная еда и т.д.) и на стенах (маленькие цветы, часы). Они чаще всего добавляются после основных, однако являются также значимыми, присутствуют на всех иллюстрациях. Отсутствие разделения на семантические группы связано с особенностью иллюстрирования. В отличие от текстовой репрезентации, информантам, которые визуализировали VR-пространство, не нужно было организовывать языковой переход от одного ориентира к другому, зато необходимо было спланировать распределение места на иллюстрации.

Важно отметить, что закономерность с частотностью циклических последовательностей, обнаруженная при анализе рассказов, проявляется и при репрезентации пространства в виде иллюстраций. Все ядерные последовательности за исключением *стол – стул* являются циклическими. При этом среди ближнепериферийных только одна последовательность, а именно *стакан – стакан*, является циклической, и таким образом вероятность появления такого типа последовательности снижается с 0,97¹ (в ядерных последовательностях) до 0,9 (в ближнепериферийных), в отличие от последовательностей текстовой репрезентации, где вероятность циклической последовательности в этих двух группах различалась только в два раза (0,68 для ядерных и 0,34 для ближнепериферийных).

Такие различия могут быть связаны с особенностями типов репрезентации. При пересказе информанты, упоминая ориентиры, говорили об их свойствах более подробно и создавались циклические последовательности, в то время как при иллюстрировании не было необходимости говорить о свойствах добавочных объектов, и информант переходил к другому ориентиру, расположение которого чаще всего было вблизи предыдущего. При этом в случае с базовыми пред-

метами циклические последовательности были не менее частотными, чем в текстовой репрезентации, так как они создавали основу для распределения деталей.

Циклические последовательности обычно встречаются вокруг ключевых, т.е. наиболее частотных ориентиров в иллюстрирующей репрезентации: *стул – стул* (199 последовательностей), *стол – стол* (126), *бокал вина – бокал вина* (70), *окно – окно* (39), *тарелка – тарелка* (31), *цветы – цветы* (25) и др.

Заключение

Исследование динамических аспектов мультимодальной репрезентации VR-пространства подтвердило эффективность интеграции вербальных и визуальных данных для выявления когнитивных моделей восприятия. Результаты показали, что текстовые и иллюстративные репрезентации формируют сходные структурные закономерности, включая выделение ключевых ориентиров, циклические последовательности и распределение объектов по степени значимости. При этом текстовые модели чаще отражают функциональную значимость объектов и их семантическую организацию, тогда как визуальные репрезентации фиксируют количественные и пространственные характеристики объектов, включая их первичность при построении ментальной карты.

Динамические модели последовательностей, передвижений и процессов позволили выявить ядро и периферию когнитивных связей, демонстрирующих устойчивость ключевых ориентиров и вариативность второстепенных объектов. При этом наблюдается тенденция к распределению ориентиров по принципу «близко – далеко», а также по семантической и функциональной принадлежности. Циклические последовательности, характерные для ключевых ориентиров, подтверждают повторяемость когнитивных стратегий, а различия в вероятностях их возникновения между текстовой и визуальной репрезентацией отражают специфику мультимодального воспроизведения информации. Динамические модели также фиксируют закономерности последовательности добавления и изменения ориентиров, демонстрируя выбор ключевой информации о пространстве и структуру ее репрезентации.

Таким образом, мультимодальный подход к анализу VR-пространства позволяет не только фиксировать структурные и функциональные особенности когнитивной организации, но и выявлять механизмы обработки информации в различных каналах репрезентации.

Дальнейшие исследования в этой области могут сосредоточиться на более детальном изуче-

нии взаимосвязей между семантической, функциональной и пространственной структурой объектов в VR, а также на выявлении закономерностей индивидуальных стратегий репрезентации. Это открывает возможности для разработки адаптивных VR-интерфейсов и образовательных сред, учитывающих когнитивные особенности пользователей, а также для моделирования прогностических когнитивных карт, способных предсказывать поведение и восприятие в виртуальных средах.

Примечания

¹Различие пороговых значений (12 для текстовых и 9 для иллюстративных моделей последовательности) обусловлено неодинаковой плотностью ориентиров и связей в вербальных и визуальных репрезентациях и определялось на основе соотношения среднего числа ориентиров и частотных распределений, что обеспечивает сопоставимую когнитивную нагрузку и аналитическую эквивалентность выделяемых ядер.

²Вероятность циклической последовательности рассчитана как доля циклических последовательностей в общей численности последовательностей каждой группы, что позволяет оценить их устойчивость и соотнести с зонами ядра и периферии.

Список литературы

Белоусов К.И., Баширов Р.К., Зелянская Н.Л., Лабутин И.А., Рябинин К.В., Чумаков Р.В. Профилирование концептуальных систем на основе комплекса методов психосемантики и машинного обучения // Научно-техническая информация. Информационные процессы и системы, 2023. № 7. С. 1–14.

БСЭ – Моделирование. Большая советская энциклопедия / под общ. ред. Б.В. Бирюкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.slovar-online.com/> (дата обращения: 12.10.2025).

Бондарев А.Е., Галактионов В.А., Шапиро Л.З. Обработка и визуальный анализ многомерных данных // Научная визуализация. М.: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2017. К. 4, Т. 9, № 5. С. 86–104.

Грудева Е.А. Ментальные структуры в лингвокогнитивной парадигме // Международный научно-исследовательский журнал, 2021. № 7 (109). С. 33–37.

Дворко Н.И. Режиссура мультимедиа: Генезис, специфика, эстетические принципы: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2004. 334 с.

Дружинин В.Н. Когнитивная психология: учебник для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.

Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М. Технологии виртуальной реальности:

методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал, 2010. № 1 (3). С. 54–62.

Ладов В.А. ВР-Философия (философские проблемы виртуальной реальности. Учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 62 с.

Ожерельева Т.А. Когнитивная репрезентация // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении, 2019. № 3. С. 9–17.

Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: теоретические и экспериментальные аспекты // Познание и переживание, 2021. Т. 2. № 2. С. 28–52.

Ребеко Т.А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Институт психологии, 1998. С. 25–54.

Рябинин К.В., Баранов Д.А., Белоусов К.И. Интеграция информационной системы Семограф и визуализатора SciVi для решения задач экспертного анализа языкового контента // Научная визуализация. М.: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2017. К. 4, Т. 9, № 4. С. 67–77.

Рябинин К.В., Белоусов К.И., Чуприна С.И. Средства визуальной аналитики для комплексного исследования результатов многопараметрического описания пользователей социальных интернет-сервисов // Научная визуализация, 2018. Т. 10. № 4. С. 82–99.

Талески А. Модели дейктического и коммуникативного поведения говорящего в виртуальной реальности: монография. М.: Изд-во ФЛИНТА, 2024. 220 с.

Хайм М. Метафизика виртуальной реальности // Возможные миры и виртуальные реальности. М., 1995. 243 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 121 с.

Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2013. № 3. С. 479–484.

Azuma R. A Survey of Augmented Reality // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 6, 1997. Pp. 355–385.

Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y. «Semograph» Information System as a Framework for Network-Based Science and Education // Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Education and e-Learning, 2017. Pp. 263–272.

- Bryant D.J.* A spatial representation system in humans // *Psychology*. 1992. 3(16): 1.
- Bryson S.* Virtual reality: A definition history – A personal essay. arXiv 2013, arXiv:1312.4322. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1312.4322> (дата обращения: 22.10.2025).
- Castronovo F., Nikolic D., Liu Y., Messner J.* An Evaluation Of Immersive Virtual Reality Systems For Design Reviews // *International Conference on Construction Applications of Virtual Reality*, London, UK, 2013. Pp. 22–29.
- Caudell T.P., Mizell D.W.* Augmented reality: An application of heads-up display technology to manual manufacturing processes // *System Sciences*, 1992. Proceedings of the Twenty-Fifth Hawaii International Conference on. Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 2. IEEE. Pp. 659–669.
- Chumakov R.V., Ryabinin K.V., Belousov K.I., Duan J.* Creative Map Studio: A Platform for Visual Analytics of Mental Maps // *Научная визуализация*, 2021. 13.2. Pp. 79–93.
- Corey S. Powell* Interview with Jaron Lanier / A cyberspace Renaissance man reveals his current thoughts on the World Wide Web, virtual reality, and other silicon dreams // *Scientific American*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientificamerican.com/article/interview-with-jaron-lanier/> (дата обращения: 15.09.2025).
- Heyselaar E., Hagoort P., Segaert K.* In dialogue with an avatar, language behavior is identical to dialogue with a human partner // *Behavior Research Methods*, 49 (1). 2015. Pp. 1–15.
- Fauconnier G.* Mental spaces. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. 240 p.
- Fauconnier G.* Generalized integration networks // *New Directions in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, 2009. Pp. 147–160.
- Lanier G.* Interview // *Computer graphics world*, 1992. 15 (4). Pp. 47–54.
- Lansdale M.W.* Modeling memory for absolute location // *Psychological review*, 1998. Vol. 105(2). Pp. 351–378.
- Lansdale M.W., Humphries J.E., Flynn V.* Cognitive operations on space and their impact on the precision of location memory // *Journal of experimental psychology. Learning, memory, and cognition*, 2013. Vol. 39 (5). Pp. 1501–1519.
- Levinson S.C.* Frames of reference and Molyneux's question: Crosslinguistic evidence // *Language and Space*. Cambridge, 1996. Pp. 109–169.
- Levinson S.C.* Space in language and cognition. Cambridge University Press, 2003. 389 p.
- Mandler J.M., Pagán Cánovas C.* On defining image schemas // *Language and Cognition*, 2014. Vol. 6. Pp. 510–532.
- Peeters D.* Virtual reality: A game-changing method for the language sciences // *Psychonomic Bulletin & Review*, 26 (3), 2019. Pp. 894–900.
- Pitt D.* Mental Representation // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition). [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/mental-representation/> (дата обращения: 12.09.2025).
- Stea D.* Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior. Abingdon, UK: Routledge, 2017. 439 p.
- Stevenson R.J.* Mental Models, Propositions, and the Comprehension of Pronouns // *Mental Models in Cognitive Science*. Psychology Press, 1996. Pp. 53–74.
- Sun R.* The Cambridge Handbook of Computational Psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 768 p.
- Zinchenko Yu.P., Kovalev A.I., Menshikova G.Ya.* Postnonclassical methodology and application of virtual reality technologies in social research // *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4). 2015. Pp. 60–71.

DYNAMIC ASPECTS OF MULTIMODAL REPRESENTATION OF VIRTUAL SPACE

Aleksandar Taleski

Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Alyona Y. Burlaka

Master's Student,
National Research University Higher School of Economics

The study is devoted to the analysis of dynamic aspects of the multimodal representation of virtual space, based on the integration of verbal and visual data to identify cognitive models of spatial representation. The research is grounded in a comprehensive experiment involving 20 participants, which included the recording of oral narrations of virtual space and the construction of its visual mental maps. The collected data were modeled using multimodal visual analytics tools (Semograph, Creative Maps Studio, SciVi, Python), which ensured their formalization and comparability. The analysis of the modeled data made it possible to identify textual and illustrative models of virtual space representation, for which similar structural patterns were revealed. Textual models reflect the semantic-functional structure of space, whereas visual models convey its quantitative-spatial parameters. Dynamic models revealed the core and periphery of cognitive connections and demonstrated differentiating features characteristic of multimodal information reproduction.

Keywords: virtual reality; VR space; multimodal representation; cognitive models; dynamic sequences; mental maps.

УДК 81'27

КОЭФФИЦИЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ, ОБЪЕМ И ЧАСТЕРЕЧНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ТЕКСТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Екатерина Сергеевна Худякова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, Букирева, 15. khudiakova.es@gmail.com

Степан Денисович Киселев

студент филологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, Букирева, 15. kiselevstde@gmail.com

В исследовании проверяется, насколько три показателя: коэффициент лексического разнообразия (КЛР), объем текста в токенах (словоформах) и частота реализации разных частей речи, демонстрируют социалингвистическое варьирование в устных монологических текстах. На основе сбалансированной выборки авторов текстов (N=48) по факторам пол, возраст, специальность и уровень образования, рассчитаны статистические показатели различий выборок. В исследовании применялись исключительно машинные методы анализа с помощью скриптов на языке программирования Python. В результате показано, что на исследованном материале параметр «КЛР» демонстрирует различия только в зависимости от фактора «возраст»; объем также различает тексты информантов молодого и старшего возраста. Частоты реализаций частей речи значимо варьируют в текстах мужчин и женщин, а их качественные различия, вероятно, показывают стратегии текстопорождения.

Ключевые слова: социалингвистическое варьирование, пол, возраст, специальность, уровень образования, коэффициент лексического разнообразия, объем текста в словоформах, частота частей речи.

Введение

Исследователи устного дискурса С. Дюбуа и А. Санкофф отмечают многообразие единиц, которые могут демонстрировать варьирование: «Дискурсивные формы являются структурно различными и могут обнаруживаться на различных уровнях анализа: это могут быть сложные процессы (повествование, описание, рассуждение), крупные единицы (повторы, риторические вопросы, непрямая речь) или более ограниченные единицы (маркеры и частицы). Вероятно, отсутствие общепринятых единиц анализа устного текста также создает сложности в его исследовании»¹ [Dubois, Sankoff 2001: 283].

В связи с этим утверждением в статье поставлена проблема проверки того, насколько три из давно применяемых в социалингвистике показателей, а именно коэффициент лексического разнообразия (КЛР), объем текста в токенах (словоформах) и частота реализации разных частей речи, демонстрируют социалингвистическое варьирование в устных спонтанных текстах в зависимости от факторов пол (мужской, женский), возраст (25–34, 35–44, 45–54), специальность (гуманитарная,

негуманитарная) и уровень образования (средний, высший). Выборка текстов сбалансирована по указанным факторам, т. к. в работах представителей Пермской школы социалингвистики показано, что именно они могут обуславливать варьирование различных лингвистических параметров (см., напр., [Ерофеева 2009: 34–35]).

В исследовании применялись машинные методы анализа с помощью скриптов на языке программирования Python: от парсинга коллекции текстов для создания сбалансированной выборки, частеречного теггирования и до проведения статистических тестов, указывающих на варьирование признаков по рассматриваемым факторам.

Материалом исследования выступили 48 текстов на тему «О себе», общее количество обработанных токенов составило 14477, лемм – 2677. Выборка текстов сбалансирована по 4 факторам: пол говорящего, специальность, уровень образования и возраст.

Определение рабочих понятий исследования

Коэффициент лексического разнообразия (КЛР, lexical diversity) – это количественная характери-

стика, отражающая вариативность лексики в тексте. Наиболее известным способом его измерения является Type-Token Ratio (TTR) – отношение количества уникальных слов (англ. *types*) к общему числу слов (англ. *tokens*) [Zenker, Kyle 2021: 1]. Лексическое разнообразие «можно описать как диапазон и вариативность словарного запаса, используемого в тексте говорящим или пишущим» [McCarthy, Jarvis 2007: 459].

Этот показатель нашел широкое применение в различных областях – от литературоведения до психиатрии и исследования детской речи [Covington, McFall 2010: 94]. Оценка лексического разнообразия может служить индикатором успешности речевого акта, а также применяться «как мера прогресса овладения иностранным языком» [Захарова, Савина 2020: 21]. Также его описывают как меру «гибкости или вариативности словарного запаса», призванную указывать на аспекты «языковой адекватности» (англ. *language adequacy*) [Hess et al. 1984: 51].

Объем текста (в западной традиции длина текста) – общее количество токенов (словоформ) в тексте. Как указывают Ф. Зенкер и К. Кайл, этот параметр связан с коэффициентом лексического разнообразия [Zenker, Kyle 2021: 1], однако в устном тексте возможна ситуация, когда достаточно длинный текст характеризуется низким КЛР из-за общей клишированности устной речи.

Частеречное наполнение текстов – относительные частоты реализации частей речи, размеченных в терминах OpenCorpora (<https://pymorphy2.readthedocs.io/en/stable/user/grammemes.html>) в текстах определенной социальной группы информантов.

Применение показателей КЛР, частеречного наполнения и длины текстов в социолингвистических исследованиях

Многие исследователи отмечали, что лексическое разнообразие может быть связано с социальными характеристиками говорящего. Так, например, С. Джарвис отмечает, что «лексическое разнообразие влияет на восприятие слушателями достоверности, компетентности, привлекательности, социально-экономического статуса и коммуникативной эффективности говорящего» [Jarvis 2013: 96]. Автор представляет лексическое разнообразие текста как показатель, связывающий словарный запас (*vocabulary knowledge*), использование слов (*word use*) и владение языком (*language proficiency*) [там же: 103], что подчеркивает важность данного параметра в социолингвистическом контексте.

Отмечаются противоречивые результаты исследований гендерных различий в показателях лексического разнообразия текстов. Так, С. Сингх указывает, что мужская речь отличается большим лексическим разнообразием и более длинными фразами, тогда как речь женщин характеризуется более короткими синтаксическими конструкциями и большей повторяемостью слов. Однако автор подчеркивает, что эти результаты следует рассматривать с осторожностью из-за ограниченного числа участников исследования (17 женщин и 13 мужчин) [Singh 2001: 261].

В противоположность этому, в исследовании Г. Ю не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами по значениям коэффициента лексического разнообразия [Yu 2010: 248].

Различия в результатах исследования КЛР в текстах мужчин и женщин можно объяснить типами исследуемого материала. С. Сингх исследовал записи устной спонтанной речи, тогда как Г. Ю исследовал письменные тексты, созданные в ходе экзамена.

В своей работе Г. Ю обращается к связи коэффициента лексического разнообразия и с рядом других социальных характеристик. Автор анализировал письменные тексты учащихся, изучающих английский язык как второй. Было установлено, что между двумя представленными этническими группами – филиппинцами и китайцами – не оказалось существенных различий в значениях коэффициента лексического разнообразия [там же: 248]. Однако для другого показателя – цели создания письменного текста – различия в коэффициенте лексического разнообразия оказались существенными. У участников, проходивших тестирование с целью профессиональной аттестации, КЛР оказался выше, чем в текстах тех, кто сдавал тест для поступления в учебное заведение [там же: 249]. Это можно рассматривать как проявление влияния коммуникативной ситуации на лексическое наполнение текстов.

Для письменных русскоязычных коротких текстов КЛР, по мнению Т.А. Литвиновой и ее коллег, выступает наиболее важным «предиктором пола» автора [Litvinova 2017: 70]. В статье КЛР интерпретируется как социально обусловленная характеристика речи: в письменных текстах мужчин КЛР имеет значительно большие значения, в сравнении с текстами женщин. Авторы объясняют это тем, что в письменных текстах мужчин используется меньше наиболее частотных слов, большинство из которых являются служебными словами (англ. *function words*) [Litvinova 2017: 71].

Многие исследователи отмечают взаимосвязь частотности реализации различных частей речи в тексте с внеязыковыми параметрами, в частности с социальными характеристиками автора. Так, в исследовании А.С. Беляевой и Е.В. Ерофеевой показано, что частоты употребления частей речи варьируют как в зависимости от темы текста, так и от пола говорящего. В монологах на тему «Пельмени» женщины использовали значительно больше глаголов, тогда как при теме «Работа» существенных различий между текстами мужчин и женщин не наблюдалось. Кроме того, мужчины чаще женщин в устной речи употребляли существительные (независимо от темы), тогда как наречия, напротив, чаще реализовывались женщинами [Беляева, Ерофеева 2020: 80–81].

Относительно фактора «возраст» выяснилось, что младшая группа (25–34 года) чаще других использует глаголы и наречия в монологах на тему «Пельмени», однако в монологах на тему «Работа» у этой группы наблюдается наименьшая частотность реализации этих частей речи [Беляева, Ерофеева 2020: 81–82]. Таким образом, эти данные демонстрируют сложную соотношенность социальных характеристик информантов, темы текста и частоты употребления различных частей речи.

В письменных же текстах, как отмечают Т.А. Литвинова и коллеги, мужчины чаще реализуют существительные, предлоги и «модификаторы» (*pronoun-like adjectives*) [Litvinova 2017: 71]. В другой статье указано, что в письменных текстах женщин строевые слова (служебные слова и местоимения), личные местоимения и союзы используются чаще, чем в текстах, написанных мужчинами [Литвинова 2015: 104–105].

Наконец, в работе Н.В. Богдановой-Бегларян указано, что частоты существительных и глаголов мало варьируют в зависимости от пола и возраста говорящего [Богданова-Бегларян и др. 2017: электр. ресурс].

Параметр объема текста не часто становится предметом исследования, т. к. требует материала одного типа (жанра) и даже, желательно, созданного на одну тему. Тем не менее в статье А. Лиматта показано, что объем текста выступает различительным для регистра языка, понимаемого скорее как стиль, параметром [Lilimatta 2023].

Обратим внимание, что пока наблюдаются противоречивые данные о варьировании показателей КЛР и частоты реализации частей речи, чувствительных и к форме реализации языка (устной или письменной), и к теме текста, и к цели его создания, поэтому проверка их варьирования на материале однотемных устных текстов,

сбалансированных по четырем социальным параметрам говорящих, представляется актуальной.

Методика анализа данных

Поскольку в исследовании применялся исключительно компьютерный анализ данных с применением различных библиотек и модулей для ЯП Python, покажем методику как последовательность препроцессинга данных.

Все файлы текстов «О себе», собранные в Лаборатории социокогнитивной и компьютерной лингвистики ПГНИУ (около 150), получили единообразные названия. С помощью цикла токены метаданных помещены в словарь, где ключ – градации исследуемых социолингвистических признаков, а значение – список файлов, соответствующих этим характеристикам. По наименьшему количеству текстов в группе (2) была организована выборка, в которую вошли 48 текстов. Создан словарь частотных паралингвистических характеристик, используемых в транскриптах (напр., «смех», «вздых», «кашель»), с помощью регулярного выражения все эти единицы были удалены из текстов.

Токенизация текстов произведена с помощью модуля `word_tokenize` библиотеки NLTK (см. <https://www.nltk.org>); лемматизация и получение частеречной разметки осуществлены с помощью библиотеки `Pymorphy3` (<https://pypi.org/project/pymorphy3>). Пример токенизации, лемматизации и расчета на их основе параметра КЛР см. на Рисунке 1.

```
12 # Функция для расчета КЛР. Принимает на вход текст, очищает его,  
13 # лемматизирует токены и возвращает значение КЛР и список токенов  
14 def calculate(defaulttext): 1usage  
15     defaulttext = re.sub(pattern=r'[\W\s]', repl='', defaulttext)  
16     tokens = nltk.word_tokenize(defaulttext)  
17     if not tokens: return 0.0, []  
18     morph = pymorphy3.MorphAnalyzer()  
19     normalforms = [morph.parse(i)[0].normal_form for i in tokens]  
20     uniquewords_count = len(set(normalforms))  
21     klr = uniquewords_count / len(tokens)  
22     return round(klr, 2), tokens
```

Рисунок 1. Пример автоматической токенизации, лемматизации и расчета параметра КЛР

Метаданные и значение рассчитанных параметров КЛР и объема текстов внесены в `pandas dataframe` (<https://pandas.pydata.org>). Частоты частей речи в текстах конкретной группы рассчитаны с помощью стандартного метода `Counter` и сохранены как словарь, в котором ключ – тег части речи, значение – абсолютная частота. Данные по КЛР и объемам текстов сохранены как `pandas dataframe` и с помощью метода `.values` преобразованы в массив `numpy array` (<https://numpy.org>).

Теги частей речи, сохраненные как словарь в формате `.json`, загружены как массив `numpy array`, далее преобразованы в `pandas dataframe`. Метод

дом .merged библиотеки Pandas выборки по градациям объединены в единую выборку, рассчитаны относительные частоты каждой части речи, далее эти данные подавались на вход в библиотеку Scipy для осуществления статистического анализа (<https://scipy.org>).

Определение статистических мер значимости параметров КЛР, объема и частеречного наполнения текстов

Поскольку выбор статистического метода оцен-

ки сходства выборок зависит от нормальности распределения, была проведена оценка нормальности распределения в каждой выборке данных с помощью критерия Шапиро-Уилка (метод .shapiro модуля stats в библиотеке Scipy). Тест был выбран как наиболее достоверный при разных объемах выборки в сравнении с критериями Колмогорова-Смирнова, Лиллиефорса и Андерсона-Дарлинга [Mohd Razali, Yap 2011].

Результаты расчета p по тестам Шапиро-Уилка представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты теста Шапиро-Уилка на нормальность распределения, p

Показатель	Жен.	Муж.	Сред.	Высш.	Негум.	Гум.	25–34	35–44	45–54
КЛР	0,947	0,229	0,0191	0,167	0,099	0,159	0,589	0,025	0,807
Объем	0,312	0,0036	0,919	0,0015	0,059	0,029	0,856	0,35	0,54
Частеречное распределение	0,165	0,21	0,17	0,15	0,52	0,67	0,32	0,35	0,34

Как видно из Таблицы 1, тест на нормальность распределения прошли данные по частоте частей речи, к ним далее применен параметрический метод сравнения, по показателям КЛР и длины хотя бы одна из сравниваемых выборок не отвечает нормальному распределению, к ним применен непараметрический критерий сравнения.

Для выборок с ненормальным распределением был проведен тест Манна-Уитни с помощью метода .mannwhitneyu модуля stats указанной

библиотеки, коэффициент корреляции Стьюдента применялся к выборкам с данными по частотам реализации частей речи с нормальным распределением. Расчет произведен методом ttest_rel. Описательные статистики распределения значений параметров КЛР и длины текстов получены с помощью графического метода .boxplot библиотеки Seaborn.

Результаты тестов Манна-Уитни и Т-критерия Стьюдента представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Меры сходства выборок, уровень значимости 0,05

Критерий	Показатель	Пол	Образование	Специальность	25–34/ 35–44	35–44/ 45–54	25–34/ 45–54
U-test, p	КЛР	0,502	0,239	0,355	0,067	0,850	0,047
	Объем	0,297	0,549	0,714	0,113	0,924	0,048
t-test, p	Части речи	0,018	0,91	0,863	0,247	0,742	0,407

Для показателя «КЛР», не имеющего нормального распределения, все результаты теста Манна-Уитни, кроме данных для младшей и старшей возрастных групп (значение $p=0,047$ при уровне значимости 0,05), показали отсутствие статистически значимых различий во всех группах.

По показателю «объем текста», также не прошедшего проверку на нормальность распределения, результаты теста Манна-Уитни тоже продемонстрировали статистически значимые различия по фактору «Возраст». Так, среднее значение длины текстов в группе информантов 25–34 лет – 222 словоупотребления, в возрастной группе 35–44 лет – 364, в группе 45–54 лет – 318,6. Стати-

стически значимые различия обнаружены между объемами текстов младшей и старшей возрастных групп (значение $p=0,048$ при уровне значимости 0,05).

Распределение частот частей речи в текстах во всех выборках соответствует нормальному, поэтому для сравнения выборок применялся параметрический t-критерий Стьюдента. Статистически значимыми оказались различия в частотах частей речи только в текстах мужчин и женщин ($p=0,0018$ при 5%-ном уровне значимости).

Далее в Таблице 3 рассмотрим различия в реализации параметров КЛР и объема в зависимости от градаций социолнгвистических факторов.

Таблица 3

Средние значения показателей по градациям факторов

Показатель	Жен.	Муж.	Сред.	Высш.	Негум.	Гум.	25–34	35–44	45–54
КЛР	0,552	0,583	0,561	0,584	0,566	0,579	0,61	0,553	0,551
Объем	325,7083	277,5	294,5	308,7083	310,333	292,87	222,0	364,06	318,6875

Как видно из Таблицы 3, по значениям КЛР мужчины создавали чуть более богатые тексты, чем женщины, информанты с высшим образованием в сравнении с информантами со средним, гуманитарии в сравнении с негуманитариями, молодые информанты в сравнении с говорящими средней и старшей возрастной групп также создавали тексты с несколько большим значением КЛР. Длина текста довольно значительно больше у женщин, менее заметно – у информантов с высшим образованием, негуманитариев, представителей средней возрастной группы. Самый низкий показатель длины текста – в группе говорящих 25–34 лет.

Как видно по графику «ящик с усами» (см. Рисунок 2), КЛР в текстах мужчин и женщин имеет близкую медиану, но у женщин межквартильный размах несколько больше, но имеются выбросы в выборке текстов мужчин.

Медианные значения в выборке информантов со средним и высшим образованием (см. Рисунок 3) разнятся, размах больше в группе текстов, полученных от информантов с высшим образованием, выбросы имеются в группе со средним образованием.

В выборке гуманитариев и негуманитариев (см. Рисунок 4) медианные значения достаточно близки, как и размах, разнятся лишь границы статистически значимой выборки (границы «усов»).

Среди возрастных групп (см. Рисунок 5) медианное значение средней и старшей групп близки, в средней возрастной группе наблюдается больший размах варьирования данных.

По параметру длины текста мужские и женские тексты отличаются (см. Рисунок 6): мужские тексты по медиане и по межквартильному размаху короче женских, в выборке текстов мужчин также присутствует выброс.

По фактору «уровень образования» (см. Рисунок 7) выборки различаются незначительно, выбросы наблюдаются в выборке информантов с

высшим образованием, а самая низкая граница значений – в выборке текстов информантов со средним образованием.

В текстах негуманитариев и гуманитариев (см. Рисунок 8) медианное значение длины текста оказалось выше у негуманитариев, в этой же выборке есть выбросы.

По возрастному фактору (см. Рисунок 9) средняя и старшая группы показывают более схожие результаты расчетов длин текстов, значительно отличается от них группа текстов, полученная от информантов 25–34 лет, в ней присутствуют выбросы, но по статистически важному разбросу значений (размеры «усов») она самая компактная.

Наиболее существенные различия в частотах реализации частей речи в зависимости от фактора «пол» имеют существительные, числительные и предлоги, а также глаголы (их больше в текстах мужчин) и частицы, союзы, наречия, полные прилагательные и местоимения (их больше в текстах женщин) (см. Рисунок 10).

По фактору «образование» (см. Рисунок 11) некоторые различия в частотах частей речи показали предлоги и частицы (их больше в текстах информантов со средним образованием) и полные прилагательные и компаративы (их больше в текстах информантов с высшим образованием), но частоты остальных частей речи практически не варьируют в рассматриваемых группах.

Как видно из Рисунка 12, в текстах гуманитариев чаще используются существительные, компаративы и полные причастия, негуманитариев – наречия и полные прилагательные, частоты остальных частей речи довольно схожи.

На Рисунке 13 видно, что по использованию существительных близки младшая и старшая возрастные группы информантов, частоты глаголов последовательно возрастают с возрастом; союзов, наречий и местоимений-существительных больше в средней возрастной группе.

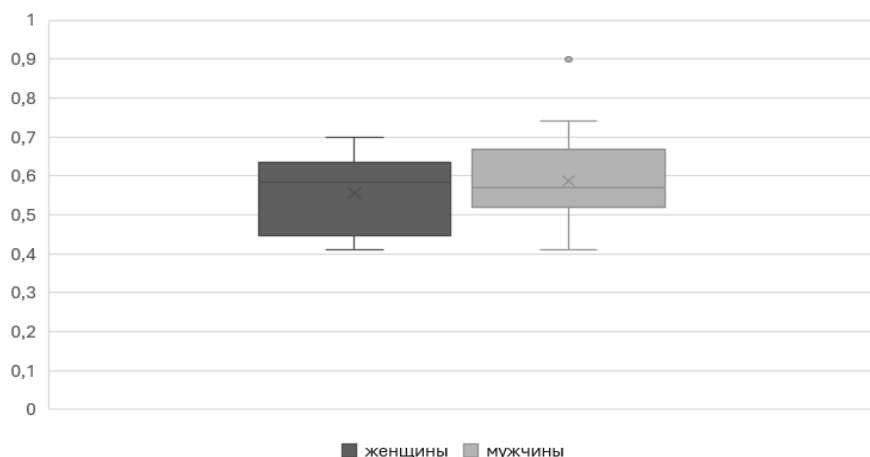


Рисунок 2. Распределение значений КЛР в зависимости от фактора «пол»

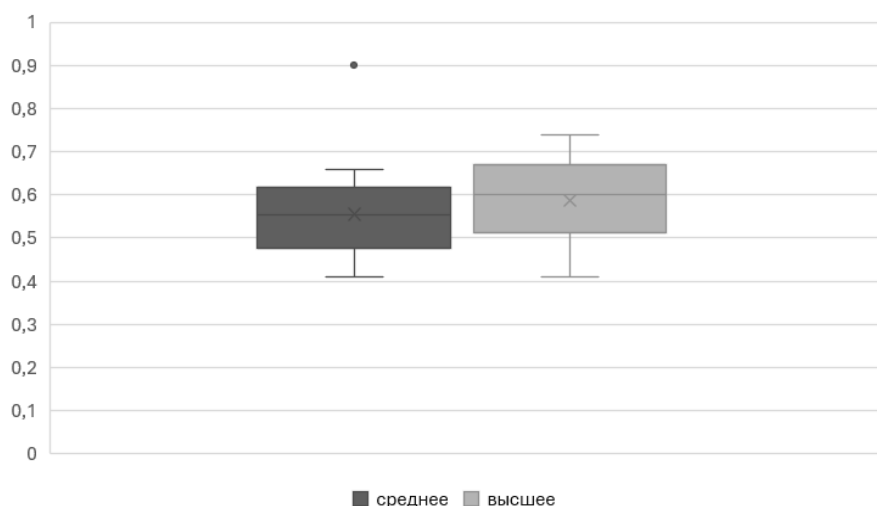


Рисунок 3. Распределение значений КЛР в зависимости от фактора «образование»

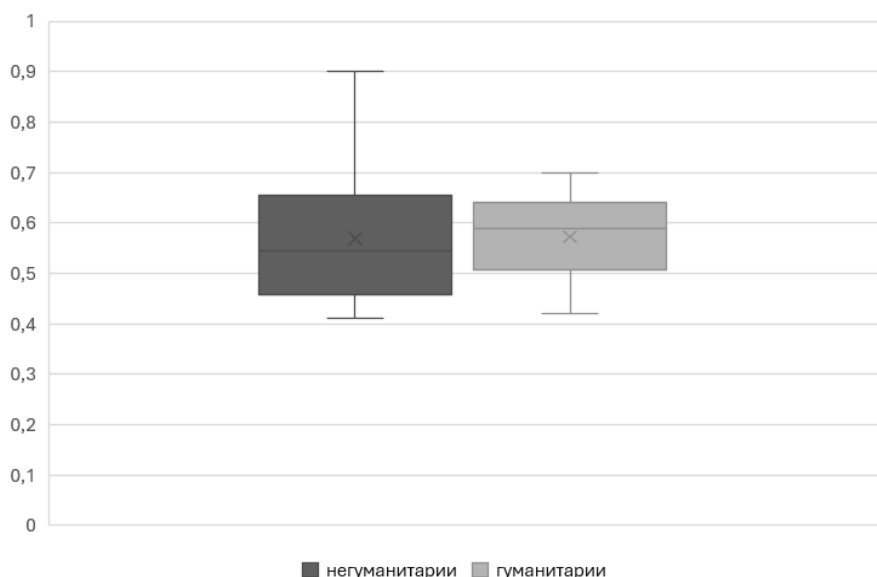


Рисунок 4. Распределение значений КЛР в зависимости от фактора «специальность»

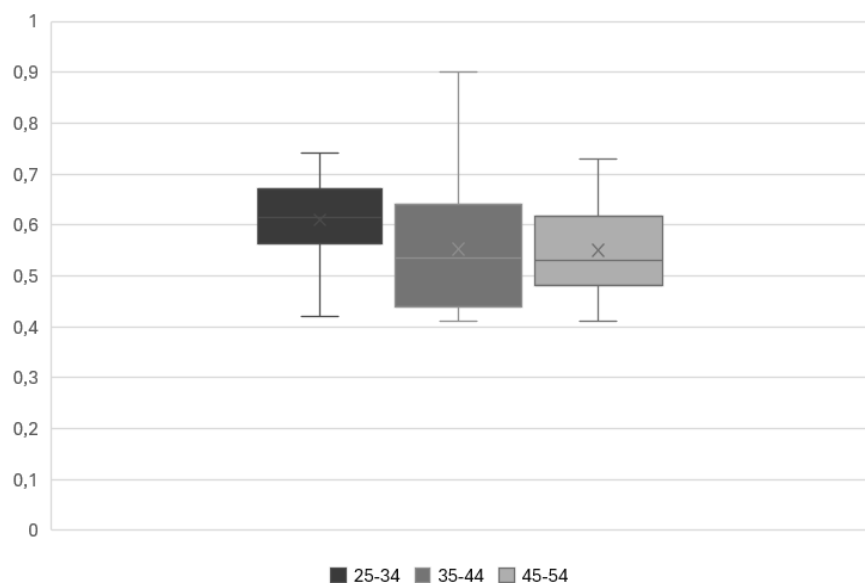


Рисунок 5. Распределение значений КЛР в зависимости от фактора «возраст»

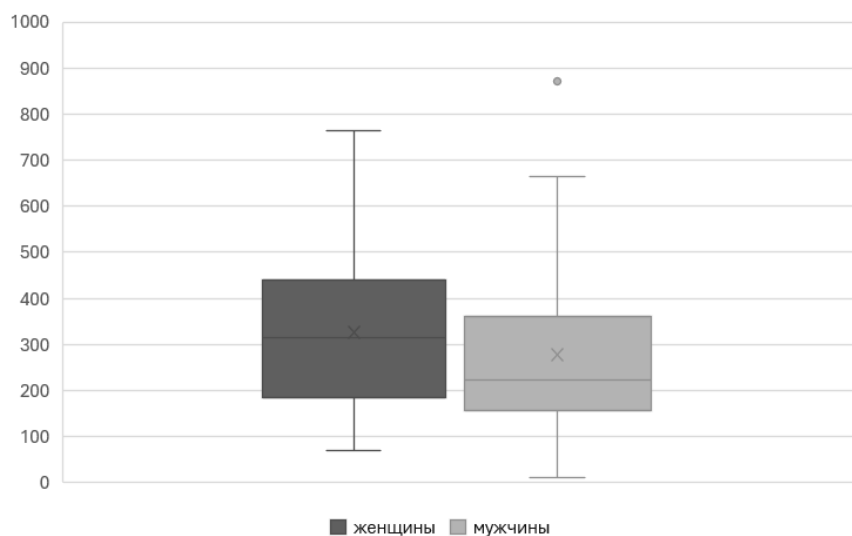


Рисунок 6. Распределение значений объема текста в зависимости от фактора «пол»

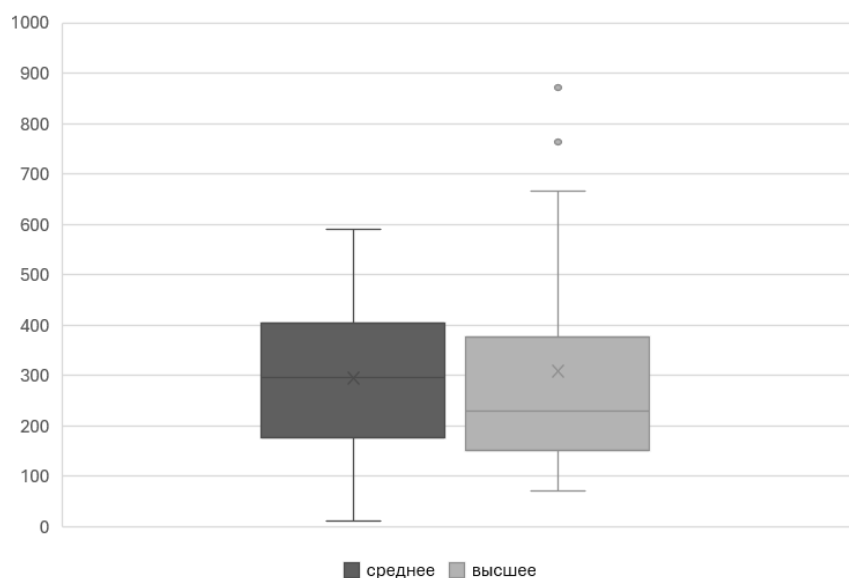


Рисунок 7. Распределение значений объема текста в зависимости от фактора «образование»

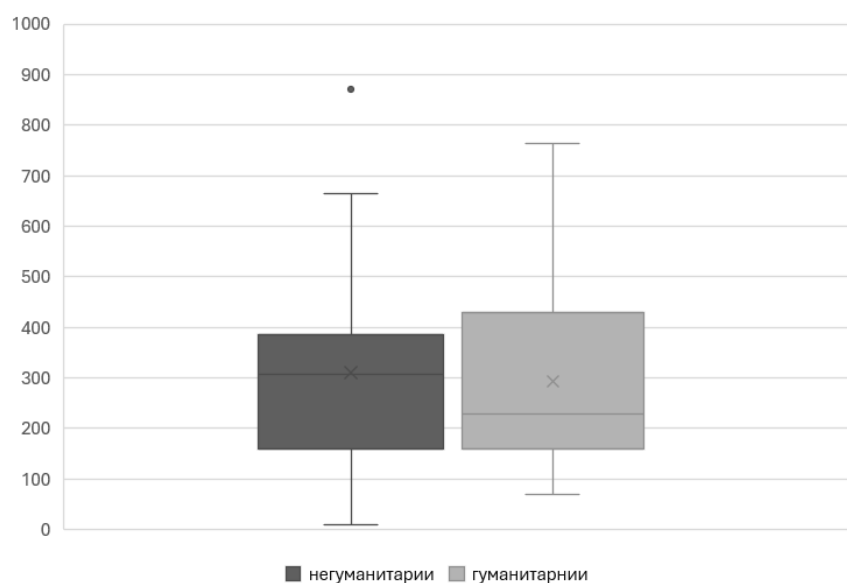


Рисунок 8. Распределение значений объема текста в зависимости от фактора «специальность»

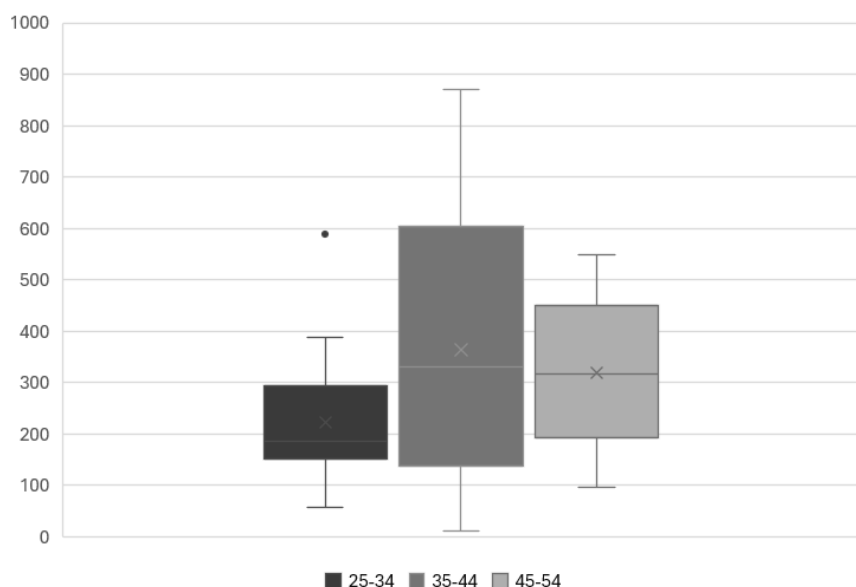


Рисунок 9. Распределение значений объема текста в зависимости от фактора «возраст»

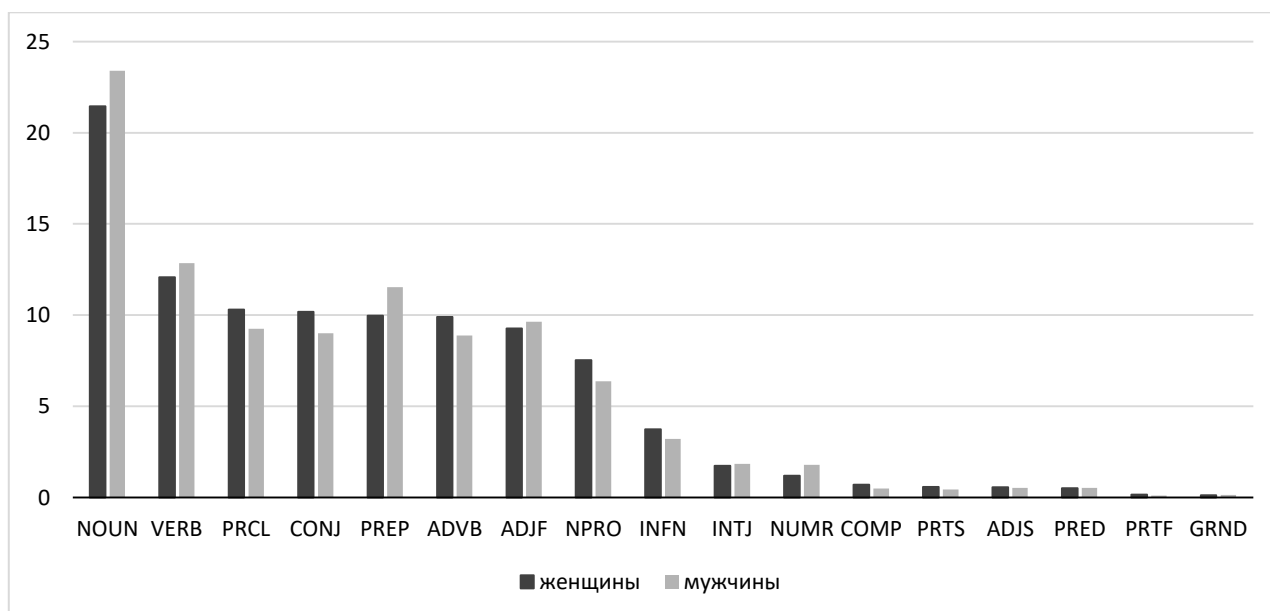


Рисунок 10. Частота реализации частей речи в зависимости от фактора «пол»

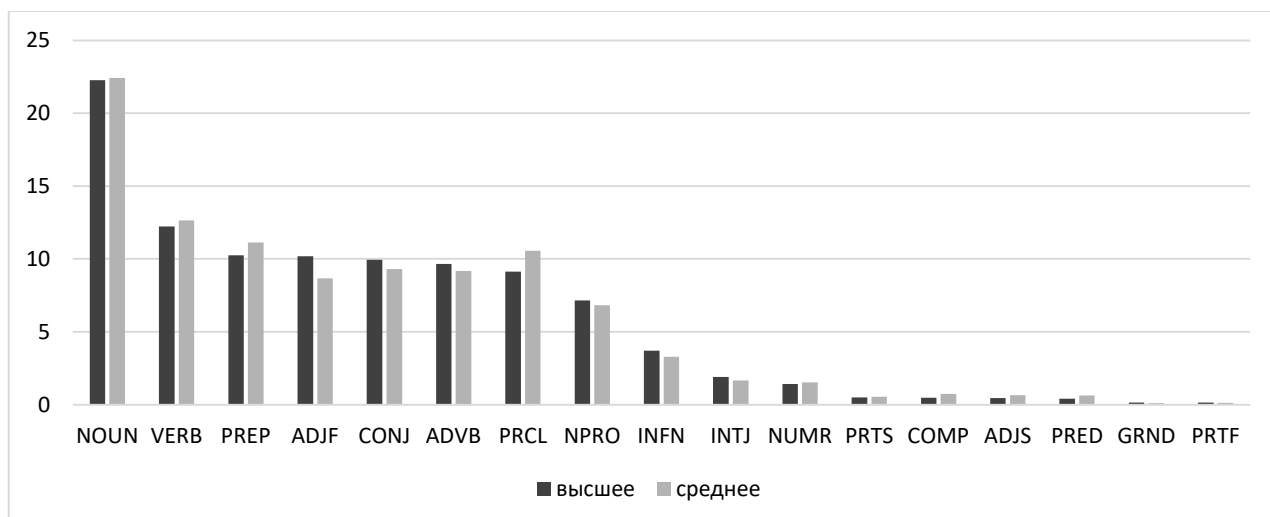


Рисунок 11. Частота реализации частей речи в зависимости от фактора «образование»

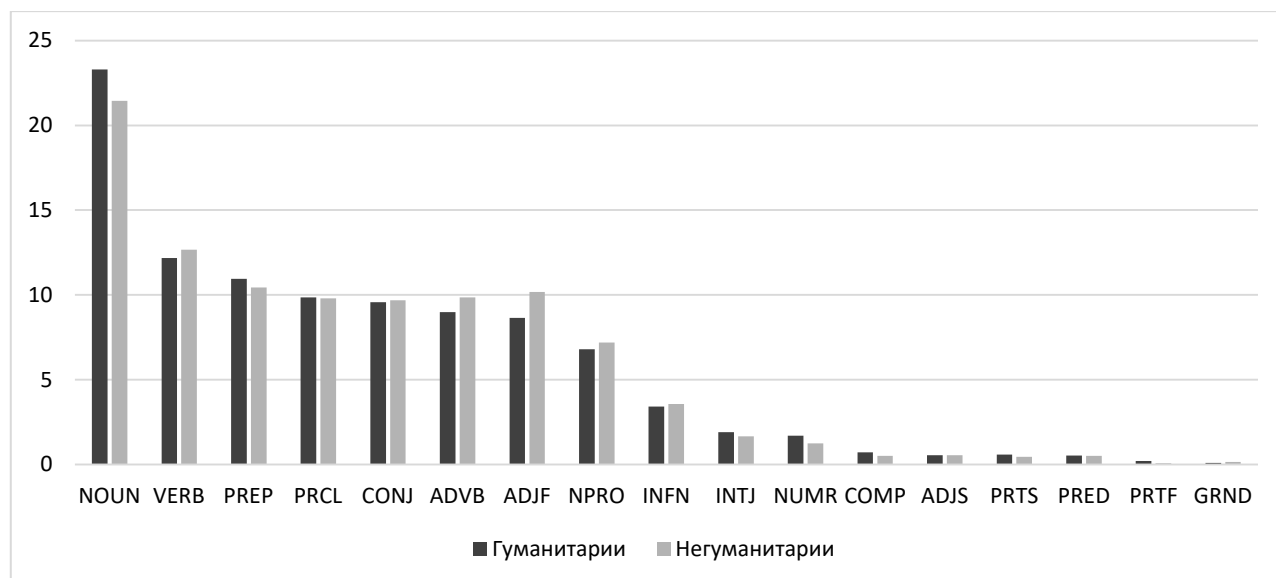


Рисунок 12. Частота реализации частей речи в зависимости от фактора «специальность»

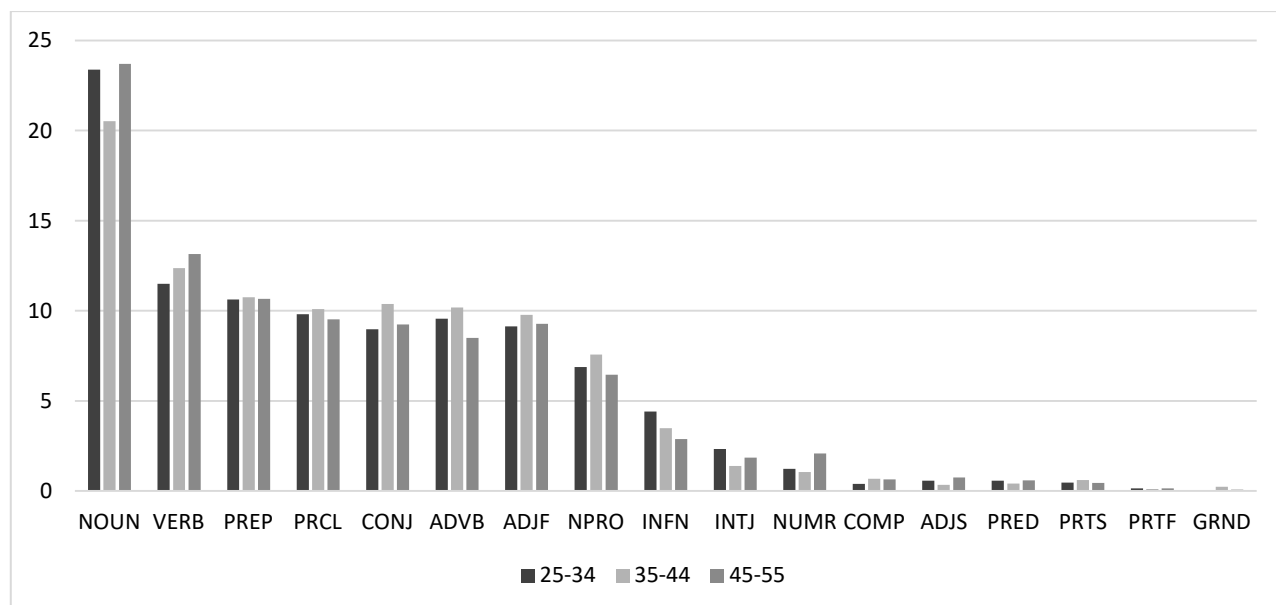


Рисунок 13. Частота реализации частей речи в зависимости от фактора «возраст»

Выводы и ограничения

В результате проведенного исследования показано, что на материале устных спонтанных текстов «О себе» параметр «КЛР» статистически значимо варьирует только в зависимости от фактора «возраст», объем различает также тексты информантов молодого и старшего возраста. Однако при применении поправки Бонферрони статистическая значимость варьирования не подтверждается. Вероятно, требуется дальнейшая проверка значимости указанных параметров на расширенной выборке текстов и, возможно, монологах на иную тему.

Тем не менее, наличие различий в значениях малоконтролируемых параметров длины и КЛР в

двух возрастных группах подтверждает мнение Ф. Зенкера и К. Кейла о их прямой связи и в устных текстах.

Наиболее семантически нагруженный показатель – частоты частей речи – варьирует в текстах мужчин и женщин, что подтверждено параметрическим тестом: в текстах мужчин чаще используются существительные, числительные, предлоги и глаголы (предикативные компоненты высказывания), в текстах женщин чаще реализованы частицы, союзы, наречия, полные прилагательные и местоимения, что частично подтверждает выводы Т.А. Литвиновой и соавторов и опровергает результаты Н.В. Богдановой-Бегларян и соавторов, хотя так же, как в последнем

исследовании, в настоящей работе исследовались устные монологи. Качественные различия в реализациях частей речи, вероятно, показывают стратегии текстопорождения: называть и обозначать даты и количества у мужчин, характеризовать, описывать что-либо – в текстах женщин, однако, это заключение также требует проверки на расширенной выборке.

Примечание

1. Здесь и далее перевод иноязычных источников выполнен авторами.

Список литературы

Беляева А.С., Ерофеева Е.В. Зависимость частеречного варьирования устных спонтанных монологов от темы текста и социальных параметров говорящих // Филология в XXI веке. 2020. № 2(6). С. 77–88.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Некоторые инвариантные характеристики русской разговорной речи: фонетика, морфология, синтаксис / Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам междунар. конф. 87 «Диалог 2017». 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/213482429> (дата обращения: 27.10.2025).

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: монография / Т.И. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 240 с.

Захарова Е.Ю., Савина О.Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2020. Т.6. №1 (21). С. 20–34.

Литвинова Т.А. и др. Исследование влияния пола и психологических характеристик автора на количественные параметры его текста с использованием программы Linguistic Inquiry and Word Count / Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С., Бирюкова Е.Д., Середин П.В., Загоровская О.В. // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 101–109.

Covington M.A., McFall J.D. Cutting the Gordian Knot: The Moving-Average Type-Token Ratio (MATTR) // Journal of Quantitative Linguistics. 2010. Vol. 17 (2). Pp. 94–100.

Dubois S., Sankoff D. The Variationist Approach toward Discourse Structural Effects and Sociointeractional Dynamics // The Handbook of discourse analysis / D. Schiffrin, D. Tannen and H. Hamilton (eds.). Malden, Massachusetts / Oxford: Blackwell Publishers Inc., 2001. Pp. 282–303.

Hess C.W. et al. The Type-Token Ratio and vocabulary performance / Hess C.W., Ritchie K.P., Landry R.G. // Psychological Report. 1984. Vol. 55 (1). Pp. 51–57.

Jarvis S. Capturing the Diversity in Lexical Diversity // Language Learning. 2013. Vol. 63. Pp. 87–106.

Liimatta A. Register variation across text lengths: Evidence from social media // International Journal of Corpus Linguistics. 2023. Vol. 28. №. 2. Pp. 202–231.

Litvinova T. et al. Differences in type-token ratio and part-of-speech frequencies in male and female Russian written texts / Litvinova T., Seredin P., Litvinova O., Zagorovskaya O. // Proceedings of the Workshop on Stylistic Variation / Copenhagen: Association for Computational Linguistics. 2017. Pp. 69–73.

McCarthy P.M., Jarvis S. Vocab: A theoretical and empirical evaluation // Language Testing. 2007. Vol. 24 (4). Pp. 459–488.

Mohd Razali N., Yap B. Power Comparisons of Shapiro-Wilk, Kolmogorov-Smirnov, Lilliefors and Anderson-Darling Tests // Journal of Statistical Modeling and Analytics (JOSMA). 2011. № 2. С. 21–33.

Singh S. A Pilot Study on Gender Differences in Conversational Speech on Lexical Richness Measures // Literary and Linguistic Computing. 2001. Vol. 16 (3). Pp. 251–264.

Yu G. Lexical Diversity in Writing and Speaking Task Performances // Applied Linguistics. 2010. Vol. 31 (2). Pp. 236–259.

Zenker F., Kile K. Investigating minimum text lengths for lexical diversity indices // Assessing Writing. 2021. Vol. 47. Pp. 1–15.

**LEXICAL DIVERSITY, LENGTH OF TEXT, FREQUENCIES OF PARTS OF SPEECH
AS INDICATORS OF SOCIOLINGUISTIC VARIATION**

Ekaterina S. Khudiakova

Assistant Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Stepan D. Kiselev

Student, Faculty of Philology
Perm State University

The study examines the extent to which three indicators (the lexical diversity (LD), the length of text in tokens (word forms), and the frequency of different parts of speech) demonstrate sociolinguistic variation in oral monologues. Based on a balanced sample of authors (N=48), adjusted for factors gender, age, specialty, and education level, statistical indicators of sample differences were calculated. The study utilized exclusively machine analysis methods using Python scripts. The results showed that, in the studied material, the lexical diversity parameter differs only depending on the "age" factor; the volume also differentiates the texts of younger and older informants. The frequencies of parts of speech vary significantly between the texts of men and women, and their qualitative differences likely reflect text-generation strategies.

Key words: sociolinguistic variation, gender, age, specialty, education level, lexical diversity, length of text in word forms, frequency of parts of speech.

УДК 811.161.1

СЛОВО *ВСЁ* КАК ЭТИКЕТНАЯ ФОРМУЛА ПРОЩАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Арина Сергеевна Загребельная

бакалавр программы «Отечественная филология (русский язык и литература)»

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9-11В. arinazagrebelnaya2005@gmail.com

В статье рассматривается слово *ВСЁ*, реализующее в повседневной речи функцию этикетной формулы прощания (ЭФП). Источником материала для анализа послужили два речевых корпуса: устный подкорпус НКРЯ и корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». Анализ показал частотность употребления ЭФП с компонентом *ВСЁ* в различных коммуникативных ситуациях, характерных для формальной и неформальной речи, а также вариативность формирования цепочек, в которых слово *ВСЁ* реализует функцию прощания в сочетании с другими маркерами завершения разговора. Сделанные наблюдения важны в аспекте культуры речи, в лексикографии, в практике перевода и преподавания РКИ.

Ключевые слова: этикетная формула прощания; культура общения; повседневный дискурс; речевой корпус; цепочки этикетных формул прощания.

Введение

В русском языке существует довольно много **этикетных формул** (ЭФ), особенно употребляемых в устной повседневной речи. ЭФ составляют основу **речевого этикета** (РЭ), под которым Н.И. Формановская понимает «социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого/коммуникативного поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская 2007: 390]. Л.А. Введенская и М.Н. Черкасова в книге «Русский язык и культура речи» дают следующее определение **этикета**: «Этикет представляет собой совокупность принятых правил, определяющих порядок какой-либо деятельности» [Введенская, Черкасова 2004: 53]. Основная функция РЭ – обеспечение взаимодействия с собеседником с помощью вербальных и невербальных знаков в разных сферах и средах общения.

Речевой этикет – это образец ярко выраженного стандартизованного речевого поведения в различных ситуациях, таких как знакомства, представления, обращения, приветствия, прощания, извинения, благодарности и т. д. Говорящий осуществляет подбор определенных фраз и выражений из широкого языкового арсенала в зависимости от конкретной ситуации, формы общения (официальной/неофициальной), а также от социальных характеристик говорящего и/или собеседника: «Таким образом, в употреблении еди-

ниц речевого этикета совмещаются стандарт и творческий выбор как существенное свойство этой коммуникативной системы знаков» [Формановская 2007: 399].

Любой **акт общения** имеет начальную, основную и заключительную части.

В связи с этим формулы РЭ принято разделять на три основные группы:

- 1) РЭ, относящиеся к началу общения;
- 2) РЭ, используемые в конце общения;
- 3) РЭ, характерные для основной части общения.

Рассматриваемое в настоящей работе слово *ВСЁ* относится к группе РЭ, используемых в конце общения.

Этикетные формулы прощания и их функции в речи

Следует отметить, что данная сфера (общая теория вежливости и этикетные формулы разного типа) исследована в лингвистике достаточно подробно. Так, В.Е. Гольдин центральной категорией **речевого этикета**, основным его требованием считает **вежливость**, ср.: «Вежливость – способ выражения этикета» [Гольдин 1978: 2]. Следовательно, речевой этикет – более широкое понятие, включающее в себя в том числе и вежливость. К тому же лингвисты отмечают, что «одной из самых “подвижных” и изменчивых сфер речевой коммуникации становится речевой этикет, до сих пор довольно жестко нормировавшийся специалистами по культуре речи. Сегодня запас этикетных речевых формул активно пополняется, а прежние стандарты изменяются под

влиянием интернет-коммуникации и постоянно ускоряющегося темпа жизни» [Северская 2018: 37]. Говорят даже о появлении так называемой «новейшей русской вежливости» [Высоцкая, Северская 2019: 225]. Также можно упомянуть работу Н.В. Богдановой-Бегларян об относительно новой речевой формуле «смешанной прагматике» *И Вам не хворать!* [Богданова-Бегларян 2020]. Лингвистический опрос, проведенный в китайской аудитории, убедительно показал, что из китайцев, изучающих русский язык, в той или иной степени знакомы с этой формулой только те, кто длительное время провел в России. За пределами «страны изучаемого языка» иностранцы еще не успели ее освоить даже пассивно [Bogdanova-Beglarian, Yeh Hsiang-Lin 2023]. В этом же ключе выполнены еще ряд работ на темы вежливости (в том числе «новейшей») и речевого этикета: [Земская 1997; Кара-Мурза 2001; Зубарева 2007; Ратмайр 2009; Мельникова 2011; Борзунова 2012; Брагина и др. 2021; Ложкина 2024]. Существует даже словарь речевого этикета [Балакай 2002].

Однако некоторые частные случаи по-прежнему остаются недостаточно исследованными. Таковым как раз и является слово *ВСЁ* как этикетная формула прощания (ЭФП).

Этикетные формулы прощания выступают в роли средств речевого контакта, необходимых для успешной коммуникации, и выполняют **фатическую функцию**, поскольку именно она реализуется через такие формулы, которые направлены на завершение коммуникативного акта. Данная функция способствует установлению контакта между собеседниками, способствует взаимопониманию, создает благоприятную психологическую атмосферу и помогает поддержать общение в определенной тональности, в соответствии с социальными ролями его участников. ЭФП может реализоваться как в одном слове (*прощайте, пока* и т. п.), так и в качестве конструкции, состоящей из двух или более слов (*всего хорошего, до встречи* и т. д.)¹.

Основополагающим фактором при употреблении ЭФП, конечно же, является **вежливость**, которая позволяет говорящему продемонстрировать внимание к собеседнику, сопереживание, интерес к его делам, готовность помочь, желание контактировать и т. п., т. е. выполняет определенную **коммуникативную функцию**. На употребление тех или иных языковых средств влияют разные факторы: конкретная ситуация (презентация, конференция, совещание, консультация, день рождения и т. п.), форма общения (официальная/неофициальная), возраст, пол, а также социальный статус субъекта и адресата общения.

Таким образом, еще одной функцией ЭФП является **прагматическая**.

ЭФП могут быть как общенациональными, так и отражающими особенности социальной среды, группы или узкого круга носителей языка. При этом они всегда передают значимую информацию, указывая на различия между «своим» и «чужим» (не принадлежащим к данной среде или данному кругу), вышестоящим и нижестоящим, знакомым и незнакомым и т. п. Формулы РЭ употребляются как при непосредственном общении, так и в телефонных разговорах.

Этикетные формулы прощания представляют собой важный элемент взаимодействия, который не только обеспечивает функцию поддержания общения, но и отражает культурные, социальные и личностные аспекты взаимодействия. Употребление тех или иных ЭФП зависит от контекста, официальной или неофициальной формы общения, возраста, пола и социального статуса собеседников.

В зависимости от интонации, мимики и невербальных знаков, этикетные формулы прощания могут иметь различную эмоциональную нагрузку и восприниматься по-разному. Таким образом, ЭФП реализуют в повседневном общении коммуникативную, фатическую и прагматическую функции.

Слово *ВСЁ* как этикетная формула прощания

Объектом анализа в настоящей работе стали употребления в русском повседневном дискурсе словоформы *ВСЁ* в функции ЭФП. Исследование выполнено на материале устного подкорпуса (УП) НКРЯ и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД). В корпусном материале было выявлено 159 контекстов со словом *ВСЁ* в рассматриваемой функции: 123 – в ОРД, 36 – в УП².

Толковые словари русского литературного языка описывают слово *ВСЁ* следующим образом [МАС 1981, 157, 228]:

- местоименное прилагательное: *Всё лето*;
- местоименное существительное: *Всё его занимало, всё он взвешивал, всё учитывал*;
- наречие: *Всё вы сидите один, о чем-то думаете*;
- частицу: *Тихонов сидел всё так же, уставившись на огонь*;
- противительный союз: *Вот вам книга; возьмите, всё не так скучно будет*.

В научной литературе зафиксированы также употребления слова *ВСЁ* в повседневном дискурсе в роли финального прагматического маркера (ПМ), часто в составе конструкций *ну всё*; *всё, пожалуйста* [Прагматические маркеры... 2021: 122–134], и в функции этикетной формулы прощания,

также часто в составе конструкций *ну всё, ладно, пока!* [Ермолова, Богданова-Бегларян 2018].

Анализ корпусных данных в настоящей работе показал, что ЭФП, включающие слово *ВСЁ*, могут употребляться как в телефонных разговорах (88%), так и при непосредственном общении (12%), ср.:

– по телефону:

(1) *ага / хорошо // ладно / Ленусь% // ну всё / дорогая / спасибо / целую / пока* (ОРД)³;

(2) *всё / до свидания / *П да наверное ближе ... ну всё тогда теперь до пятницы / вы мне в четверг позвоните или я вас наберу ... до свидания* (ОРД)⁴;

– в непосредственном общении:

(3) **П мне / сделай просто я / на ногах / вот это / поверхность // *П вот так вот // *П и всё // # нормально ? # хорошо / во во во // *П не открывает его ? // # вот // # *П ну всё тогда // *П ой / горе мое // # *П ну всё / давай моя хорошая / побегу я дальше / ладно ?* (ОРД)⁵;

(4) *всё / мы поехали короче // давай ! ты идешь с нами ? # да ! # она ночует сегодня с тобой // она сказала что ей так хорошо было / когда она маленькая спала с тобой // *С когда тебя щекотала / помнишь ?* (ОРД).

Употребление говорящим ЭФП предполагает окончание диалога, ср.:

(5) [Вероника, жен, студентка] *Я услышала. Всё / спасибо вам огромное [Заказ воздушных шаров на дом (2015)]* (УП);

(6) [Ира, жен, студентка] *Ну всё тогда / давай я ещё тебе ближе к вечеру напишу / во сколько я точно приеду [Планирование встречи (2015)]* (УП).

Хорошо заметна тенденция к употреблению говорящим цепочек этикетных формул, включающих слово *ВСЁ*. Наблюдается соседство со словами *пока, до свидания, созвонимся позже, спасибо* и т. д., ср.:

(7) *ага всё понял хорошо // *П ну тогда пока / всё // *П ну давай всё созвонимся если что* (ОРД);

(8) *ясно / ну всё тогда / всего доброго / до свидания // давай / до свидания* (ОРД).

При этом некоторые комбинации слов, как показал анализ, становятся клишированными, ср.:

- *всё давай / давай всё*;
- *всё тогда давай / всё давай тогда*;
- *всё тогда, ну всё / ну всё тогда / давай всё*;
- *давай! спасибо за вечер! / всё, давай, спасибо!*;
- *ну ладно всё, давай тогда! / ну всё, до свидания! / ну всё давай!*

Как можно заметить, финал телефонного или обычного разговора ограничен лексическими средствами (*ну, всё, давай, пока*) которые могут

комбинироваться в любом порядке. Изолированное употребление ЭФП *ВСЁ* встретилось всего лишь в двух контекстах.

Этикетные формулы прощания с компонентом *ВСЁ* (цепочки ЭФП) присущи как формальному (9), так и неформальному (10) общению, ср.:

(9) *я еду туда в среду (э) наугад к одиннадцати // (э) по идее / кто-нибудь там должны быть обязательно // не важно секретарь // директор / кто-нибудь // мне там надо с ними разбираться // у них тоже (э) крыша поехала // ну в общем мы подставляем // не очень хорошо // так // тогда / я не знаю / вы завтра будете на празднике ? # П да // # а ну увидимся // всё тогда / давайте / до завтра // # *П всего вам доброго // счастливо* (ОРД);

(10) *если вдруг созреешь / тогда и (...) если (э-э) то есть как бы да ! если я не созрею / как бы в десять с вами выехать // *П всё / созрею позже / то я подъеду // если нет / то я просто скажу тогда в десять тебе // # *П как скажешь // я понял // # *П всё // *П давай ! *П спасибо за вечер ! # *П слушай / тебе спасибо ! классно посидели // # *П ну / *П спокойной ночи !* (ОРД).

При этом цепочки ЭФП с компонентом *ВСЁ* значительно чаще используются в неформальном общении, чем в формальном (64,5% vs 35,5%). Анализ материала показал также, что женщины чаще употребляют ЭФП, чем мужчины (66% vs 34%), ср.:

– женщины:

(11) *я угощаю / *П *В ура ! супер ! ну всё давай / я тебя целую / пока* (ОРД);

(12) *всё / давай / Жень / ну счастливо // извини / пока* (ОРД);

– мужчины:

(13) *всё / пошёл // *П ну в общем всё / пока* (ОРД);

(14) *всё // звони // *П не пропадай // пока* (ОРД).

Зависимости использования ЭФП от возраста говорящего анализ не выявил.

Сходные результаты по компоненту *ВСЁ*, входящему в состав этикетных формул прощания, получены в исследовании О.Б. Ермоловой Н.В. Богдановой-Бегларян [Ермолова, Богданова-Бегларян 2018], также выполненном на материале корпуса ОРД. Отмечалось в литературе и стремление слова *ВСЁ* к употреблению в составе цепочек этикетных формул прощания [Богданова-Бегларян 2022: 103]. Н.В. Богданова-Бегларян отмечает, что *ВСЁ* как этикетная единица прощания, в изолированном употреблении, имеет некоторую дополнительную стилистическую окраску. Например, *не знаю уж, всё, прощайте, занимайтесь своими делами* (эмоционально окрашенное слово, выражающее негативную оценку произо-

шедшего, а именно возмущение); *Люся, извини, ко мне домофон пришли ... всё!* (здесь выражено нетерпение говорящего прекратить разговор).

Таким образом, можно заметить, что словоформа ВСЁ как ЭФ прощания встречается так же часто, как и другие общеизвестные формулы речевого этикета.

Для подтверждения данных, полученных в ходе анализа корпусного материала, был проведен опрос среди носителей языка разного пола в возрасте от 18 до 50 лет. В опросе приняли участие 28 человек.

Респонденты неоднократно слышали употребление слова ВСЁ в повседневной речи (96,4%), и сами употребляют данную ЭФП (96,4%) – при окончании как обычного (42,9%), так и телефонного (57,1%) разговора.

Большая часть опрошенных (74,1%) употребляет компонент ВСЁ в составе рассмотренных выше конструкций (*всё давай тогда; ну всё тогда/давай; ну все ладно, давай* и т. п.). Эти респонденты считают, что такие этикетные формулы могут употребляться как в формальном, так и в неформальном общении, однако 25,9% человек отметили, что подобные единицы можно употреблять только в неформальном общении.

Заключение

Таким образом, сделанные ранее наблюдения полностью подтвердились, а результаты опроса дополнительно подтверждают важность изучения данной ЭФП. Активность использования ЭФП ВСЁ при завершении как обычных, так и телефонных разговоров, подчеркивает универсальность этой формулы в различных контекстах общения. Кроме того, использование рассматриваемой лексической единицы в разнообразных конструкциях указывает на гибкость и адаптивность данной формулы в речевом взаимодействии.

В результате анализа функционирования в русском повседневном дискурсе этикетных формул прощания с компонентом ВСЁ можно сделать вывод о том, что элементы коммуникации не только выполняют свои функциональные задачи, но и служат важными индикаторами социальных отношений и культурных норм. Этикетные формулы прощания отражают уровень близости и контекст взаимодействия между участниками коммуникации. Разнообразие форм прощания может зависеть от типа общения: формального или неформального. Важно отметить, что выбор той или иной формулы прощания зависит не только от личных предпочтений говорящего, но и от культурных и социальных факторов, что подчеркивает значимость контекстуального анализа в изучении языка.

Таким образом, исследование этикетных формул прощания в русском повседневном дискурсе открывает новые горизонты для понимания не только языковых, но и культурных аспектов общения, подчеркивая их взаимосвязь и значимость в социальной и коммуникативной практике. Результаты настоящего исследования способствуют развитию теории речевого этикета и могут быть полезны для изучения современной устной и устно-письменной речи, лексикографии, практики перевода, а также применимы при обучении РКИ.

Примечания

¹ Н.В. Богданова-Бегларян в статье «О конфликте грамматики и прагматики в русском устном дискурсе (“контексты прощания” на шкале переходности)» [Богданова-Бегларян 2022] выделяет пять разных типов прощания, располагая их на своеобразной «шкале переходности»: от невербальных сигналов прощания (*Сделай дяде ручкой*), через кодифицированные и разговорные этикетные формулы (*до свидания, пока, давай, всё*) до «неочевидных» контекстов прощания (*давай / звони / не пропадай; ну удачи / пока; будь здоров; счастливо*) и иных сигналов окончания разговора (*ну я пошёл / пока; ну ладно / у меня тут вторая линия*). Заметим, что рассматриваемая в настоящем исследовании словоформа ВСЁ упоминается здесь в ряду разговорных формул прощания. Подробного описания, впрочем, в работе Н.В. Богдановой-Бегларян эта форма все же не получает.

² Примеры из этих подкорпусов специально атрибутированы.

³ Символ % в расшифровках ОРД ставится без пробела после анонимизированного имени собственного или иной личной информации. О других особенностях орфографического представления материала ОРД (правилах дискурсивной транскрипции) см.: [Русский язык... 2016: 242-243].

⁴ Знак *П в расшифровках ОРД означает hesitationную паузу.

⁵ Знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих.

Список источников

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А-Й. 699 с.

Список литературы с сокращениями

Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Новокузнецк, 2002. 40 с.
Богданова-Бегларян Н.В. *И Вам не хворать!* – о новых этикетных формулах современной рус-

ской речи // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. № 3. С. 3–11.

Богданова-Бегларян Н.В. О конфликте грамматики и прагматики в русском устном дискурсе («контексты прощания» на шкале переходности) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 7: матер. VII Конгресса РОПРЯЛ / ред. А.В. Иванов, М.А. Иванова, А.Ю. Яковлева; РОПРЯЛ. СПб., 2022. С. 56–62.

Борзунова А.К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 79–83.

Брагина Н.Г., Иссерс О.С., Мендоза И., Ратмайр Р. Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 2. С. 217–232.

Введенская Л.А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 384 с.

Высоцкая И.В., Северская О.И. «Можно, пожалуйста,...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 225–233.

Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 112 с.

Ермолова О.Б., Богданова-Бегларян Н.В. Языковое оформление прощания в современной разговорной речи (на материале звукового корпуса «Один речевой день») // Коммуникативные исследования. 2018. Т. 6, № 2. С. 307–331.

Земская Е.А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1997. Т. 56, № 2. С. 271–301.

Зубарева А.А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.

Ложкина В.А. От гиперкорректности – к гипервежливости: об одной распространенной аномалии в студенческой речи // Studia Slavica XX.: сб. науч. тр. мол. филологов / отв. ред. И. Адамсон, А. Си-магина; Ин-т гум. наук Таллин. ун-та. Таллин, 2024. С. 209–219.

Мельникова Л.С. О коммуникативной неоднозначности категории вежливости (на материале итальянской учебной и художественной литературы) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 3. С. 54–58.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» – мо-да делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вопросы языкознания. 2009, № 1. С. 63–81.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллектив. монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Лайка, 2016. 244 с.

Северская О.И. «Доброе» и «приятное» в речевом этикете. Нужно ли экономить на вежливости? // Русская речь. 2018, Вып. 5. С. 36–43.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.

Bogdanova-Beglarian N.V., Yeh Hsiang-Lin. Faddies of modern russian speech etiquette, or about one typical dissonance in the exchange of remarks in a conversation // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). 2023. Vol. 8, iss. 1. Pp. 34–44.

THE WORD VSYO AS AN ETIQUETTE OF FAREWELL IN EVERYDAY COMMUNICATION IN RUSSIAN

Arina S. Zagrebelnaya

Bachelor of Russian Philology (Russian Language and Literature)

Saint Petersburg State University

This article examines the word *VSYO*, which functions as a farewell etiquette formula in everyday speech. Two speech corpora served as sources for the analysis: the oral speech subcorpus of the Russian National Corpus (RNC) and the "One Speech Day" corpus of everyday Russian. The analysis revealed the frequency of use of the formal farewell with the component *VSYO* in various communicative situations characteristic of formal and informal speech, as well as the variability of the formation of chains in which the word *VSYO* functions as a farewell in combination with other conversational end markers. These observations are important for speech culture, lexicography, translation, and the teaching of Russian as a foreign language.

Keywords: farewell etiquette formula; communication culture; everyday discourse; speech corpus; chains of farewell etiquette formulas.

УДК 81-114.4

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЯ *НАЧИНАЯ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анна Андреевна Шапошникова

студент бакалавриата филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9-11В. shaposhnikovaan.an@gmail.com

В статье рассматривается процесс грамматикализации деепричастия *начиная* в современном русском языке. Исследование проведено на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и включает анализ этапов перехода деепричастия от знаменательной части речи к служебной (по модели деепричастие → предлог → союз). Особое внимание уделено механизму грамматикализации: утрате связи с семантическим субъектом, семантическому «выветриванию» исходного значения, морфологической специализации и появлению новых моделей управления. Установлено, что деепричастие *начиная* активно используется в роли служебной единицы, что подтверждается его систематическим употреблением в письменной речи в такой функции.

Ключевые слова: грамматикализация; деепричастие; предлог; союз; семантическое «выветривание».

Введение

Грамматикализация представляет собой один из механизмов эволюции языка, обеспечивающий преобразование лексических единиц в грамматические средства или изменение грамматических свойств единицы, что позволяет языку адаптироваться к потребностям носителей. Под **грамматикализацией** в данном случае понимается «процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую или развитие у языковой единицы большего числа грамматических свойств» [Майсак 2007: 615]. Грамматикализация – это однонаправленный процесс, на крайних «точках» которого стоят источник грамматикализации (слово, словоформа, словосочетание, конструкция) и грамматический показатель. Отмечается также, что у любого грамматического показателя при «реконструкции» можно обнаружить лексический источник [Майсак 2005: 84], исключением из этого принципа считаются только демонстративы, для которых установить источник зачастую оказывается невозможным [Himmelman 1992: 5].

В последние десятилетия феномен грамматикализации активно изучается в отечественной и зарубежной лингвистике. В русистике особый интерес вызывает роль деепричастий, которые обладают высокой степенью функциональной подвижности и способны трансформироваться в служебные слова, включая предлоги (пропозиционализация) и союзы (конъюнкционализация). Практическая значимость изучения этого явления заключается в возможности применения ре-

зультатов исследования при анализе текстов, разработке курсов русской грамматики для русскоязычной и иностранной аудитории, а также в практике перевода и машинного обучения.

Одной из единиц, проходящих процесс грамматикализации, является деепричастие *начиная*. Анализ его употреблений на материале основного подкорпуса (ОП) Национального корпуса русского языка позволяет зафиксировать, как данная единица утрачивает глагольные черты и приобретает служебные функции в современной письменной речи. В настоящем исследовании рассматривается 25 случайно отобранных контекстов из ОП НКРЯ. Поиск в корпусе производился по стержневой словоформе (*начиная*). В настройках поисковой выдачи указывалось, что в тексте может быть максимум 1 пример (чтобы охватить 25 разных контекстов), в способе сортировки указывались случайные тексты (чтобы исключить возможные субъективные факторы при формировании подкорпуса рассматриваемых контекстов).

На этапе формулировки гипотезы о возможном пути грамматикализации рассматриваемой единицы за основу была принята идея о переходе деепричастия сначала в предлог, а затем в союз. Деепричастие *начиная* было взято для анализа как единица, проходящая оба этапа: <*начиная* → *начиная с/от* → *начиная с того что*>. Важно отметить, что конструкции с деепричастием *начиная* в функции предлога часто присоединяют к себе аналогичную конструкцию с деепричастием *заканчивая* или синонимичным ему *кончая*, в чем особо четко отражается функционирование дее-

причастия в качестве ограничительных предлогов типа *от, до* и других.

Стоит оговорить, что в настоящем исследовании союзные единицы орфографически оформлены без запятых, так как в примерах употребления этих союзов запятые используются носителями языка не всегда, что может рассматриваться как дополнительное доказательство того, что процесс конъюнкционализации еще не завершен.

В ходе анализа применялись следующие научные методы:

- 1) описательный (контекстный и дискурсивный анализ);
- 2) логико-дедуктивный;
- 3) квантитативный (простейшие количественные подсчеты).

Критерии, по которым можно определить, подвержена ли та или иная единица грамматикализации, до сих пор находятся на стадии разработки. Анализ рассматриваемых единиц в настоящей работе заключался в их характеристике по следующим параметрам:

- 1) «выветривание» лексического значения (метафоризация);
- 2) нарушение связи с семантическим субъектом;
- 3) морфологическая специализация по отношению к словам того же ряда;
- 4) наличие морфосинтаксических вариантов.

Первый параметр отмечали многие ученые, начиная с теоретического описания грамматикализации на примере разных европейских языков [Lehmann 2002] и заканчивая новейшей работой о частных процессах в современном русском языке [Виноградова 2016]. Вторым параметром – основным формальным показателем грамматикализации деепричастий [Биккулова 2011]. Третий и четвертый параметры являются, на наш взгляд, убедительными в связи с их формальностью, «материальной» показательностью. Рассмотрим эти параметры подробнее.

Семантическое «выветривание»

Метафоризация – ключевой признак грамматикализации, при котором лексическое значение деепричастия «выветривается». Исходное «фазовое» значение глагола *начинать* («затянуть, приступить» [МАС 1986: 414-415, 416]) подвергается сильной редукции и трансформируется в маркер границы (временной, пространственной или тематической). В анализируемых контекстах форма *начиная* обретает обстоятельственное значение, близкое к значению предлогов *от* или *с*, ср.:

- 1) *Начиная с центрального железнодорожного вокзала г. Гамбурга, далее туалет Реепербан, далее туалет Альтона, т. е. вся центральная*

ось города [Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)].

В контексте (1) *начиная* указывает на начало перечисления, а не действия субъекта. Это свойство делает форму *начиная* удобной для использования в текстах, где требуется четко обозначить границы перечисления, например, в научных статьях, публицистике или деловой переписке.

Семантический сдвиг к форме *начиная с того что* аналогичен предложному: деепричастие становится маркером границы, приобретая обстоятельственное значение, ср.:

- 2) *Еще будучи в России, я слышал много версий на эту тему, начиная с того, что он – жулик, выдающий себя за Бога, и заканчивая тем, что он есть Бог* [И. Шухов. Кто же такой на самом деле Саи Баба или как материализовать пепел // «Пятое измерение», 2002].

Видно, что и в случае с союзом конструкция *начиная с того что* «притягивает» к себе вторую – *заканчивая тем что*, т. е. фактически образуется двухместный (двойной) союз/коннектор¹ по типу *не только..., но и...; хотя..., но...; как..., так и...; и под.* (см. о них подробнее: [Инькова, Попкова 2016])².

Нарушение связи с семантическим субъектом

Основным формальным показателем грамматикализации является нарушение связи с семантическим субъектом. В проанализированных контекстах пользовательского подкорпуса для *начиная с/от* это происходит регулярно (в 84 %), ср.:

- 3) *В связи с этим не кажется удивительным тот факт, что ожирение повышает риск развития множества других возрастных болезней, начиная с диабета и заканчивая атеросклерозом, инфарктом, инсультом и раком* [П. Лосева. Против часовой стрелки: Что такое старение и как с ним бороться (2020)].

В примере (3) *начиная* не соотносится с субъектом предложения, и, что важно, утрачивает таксисное значение одновременности, характерное для деепричастий несовершенного вида.

Грамматикализация деепричастия *начиная* продолжается в составе союза *начиная с того что*, который формируется по модели: <деепричастие – предлог – союз>. В 24 из 25 случайно выбранных контекстов из ОП (96 %) нарушается связь с семантическим субъектом, ср.:

- 4) *Начиная с того, что если в детстве у одной из нас болел зуб, скоро зубной болью начала мучиться и вторая* [С. Ткачева. Блиц-опрос: Звезды тоже ревнуют (2003) // «100% здоровья», 14.02.2003].

Здесь *начиная с того что* вводит придаточную часть, а не обозначает действие субъекта.

Выше уже отмечалось, что *начиная с того что* часто сочетается с *заканчивая тем что* или синонимичной *кончая тем что*, образуя двухместный союз, ср. еще пример такого типа:

- 5) *Начиная с того, что хочу выделиться из массы, кончая тем, что со мной таким легче жить* [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)].

Это подчеркивает «наследование» сочетаемости от предлога *начиная с/от... заканчивая...*, что делает данную структуру еще более устойчивой.

Морфологическая специализация

В данном разделе рассматривается возможность замены исходного деепричастия на синонимы или сходные по одной семе слова (например, *ходить* и *бегать* – глаголы движения) без утраты смысла предложения. Невозможность замены деепричастия свидетельствует о его специфическом значении в предложении, о специализации его функций.

Морфологическая специализация проявляется в невозможности замены *начиная* на синонимичные единицы, такие как *затевая* или *принимаясь*, без потери смысла. В примере (8) (см. ниже) замена *начиная кроватями* на **затевая кроватями* или **принимаясь кроватями* делает предложение бессмысленным. Это подчеркивает, что форма *начиная* приобрела специфическую функцию предлога, отличающую ее от других слов того же семантического ряда. Важно, что подобная специализация неразрывно связана с семантическим «выветриванием». Разрушение смысла предложения обуславливается тем, что «семантически опустошенный» элемент предложения заменяется на полнозначное слово.

Аналогично, замена *начиная* на *затевая* или *принимаясь* в союзных контекстах разрушает смысловую структуру предложения, ср.:

- 6) **У нас это хит, а на Западе он никому не интересен, что и понятно: я сознательно делал фильм для русского зрителя, затевая с того, что в нем вся музыка наша* [А. Балабанов: «Я снимаю не для вечности» // «Культура», 2002.04.01].

Наличие морфосинтаксических вариантов

Процесс грамматикализации способен приводить к появлению у бывшего деепричастия нового управления, отличного от управления исходного глагола. Например, исходное управление глагола *благодарить* – Вин. п., в то время как предлог *благодаря* управляет Дат. п. (в контексте подчеркнуто):

- 7) *Где-то мы выкручиваемся, преуспеваем благодаря вранью, даже сами себе мы зачастую врем* [Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)].

В случае с предлогом *начиная с/от* падеж управляемого имени задается непроизводным предлогом. Если же *начиная* употребляется в качестве предлога без непроизводного предлога, то бывшее деепричастие может управлять творительным падежом (вместо исходного винительного) (в контексте подчеркнуто), ср.:

- 8) *Почти все – начиная кроватями и заканчивая тумбочками – покрылось в этом году кожей, замеченной у многих фабрик еще в прошлом году* [Ю. Пешкова. Ярмарка тщеславия // «Домовой», 2002.06.04].

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что деепричастие *начиная* проходит две последовательные стадии грамматикализации, утрачивая исходные глагольные характеристики и приобретая свойства предлога и союза/коннектора. Основными доказательствами данного процесса являются: утрата связи с семантическим субъектом, семантическая редукция исходного фазового значения, морфологическая специализация, а также формирование новых моделей управления (в случае пропозиционализации). Зафиксированные в корпусе примеры демонстрируют, что *начиная* имеет потенциал функционирования как служебная единица, что подтверждается систематическим ее употреблением в подобной роли носителями русского языка. Научная новизна работы заключается в комплексном описании механизмов грамматикализации конкретного деепричастия в современных текстах, что позволяет более детально проследить динамику его перехода от знаменательного слова к служебному. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставительном анализе грамматикализации других деепричастных форм, а также в изучении частотности и стилистической закреплённости подобных конструкций в разных типах дискурса.

Примечания

¹ Строго говоря, **коннектор** противопоставлен **союзу** «на том основании, что главное свойство коннектора состоит в том, что он может связывать не только высказывания, но и т.н. “сверхфазовые единства”» [Урысон 2012: 640]. Формально коннекторы и союзы – это неизменяемые слова, «обладающие схожими функциями», и если упростить и обобщить эти функции, то можно сказать, что «и те, и другие связывают между собой предложения» [там же: 638]. Однако несмотря на такую схожесть, союзы в иерархии служебных единиц находятся ниже и включаются в класс коннекторов. В рамках настоящей работы эта разница малосущественна, и данные термины употребляются как синонимы.

² В современном русском языке в области служебных слов наблюдается активизация процессов такого структурного усложнения, что связано с «большим количеством и разнообразием языковых средств, участвующих в их образовании» [Завьялов 2008: 87]. Ядерную позицию в классе двухместных коннекторов занимают «коннекторы, представляющие собой классические коррелятивные пары, члены которых связаны анафорическим отношением» [Инькова 2018: 168]. Повседневная речь выявляет целый ряд подобных единиц, не зафиксированных в словарях и рождающихся во многом в результате **гиперкоррекции**: желания носителя языка говорить красиво и по-книжному, ср.: *не в том плане/смысле, что... – а в том плане/смысле что...* и под. Об этой особенности современной речи писал, в частности, В.Г. Костомаров: «Поиск образованного языка осложняется его представленностью в двух разновидностях: книжной и звуковой. <...>. Однако сближение двух разновидностей образованного языка – сегодня уже очевидный факт, причем заметное и, мягко говоря, не вызывающее восторга вторжение разговорности в книжность слабее, нежели **явное “вокнижение” разговорности...**» (выделение мое. – А. Ш.) [Костомаров 2014: 9].

Список источников

МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К – О. Изд. третье, стер. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Список литературы

Биккулова О.С. Деепричастие // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru/Деепричастие> (дата обращения: 16.12.2024).

Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к пред-

логу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016, № 1. С. 25–50.

Завьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ, 2008. 242 с.

Инькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под науч. ред. О.Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 5–23.

Инькова О.Ю. Попкова Н.А. Структура двухместных коннекторов русского языка в свете корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016». М.: РГГУ, 2016. С. 200–214.

Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 91 с.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

Майсак Т.А. Грамматикализация // Большая российская энциклопедия. Том 7. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2007. 767 с.

Урысон Е.В. Союзы, коннекторы и теория валентностей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 5 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: РГГУ, 2012. С. 627–638.

Himmelmann, N. Grammaticalization and grammar. Cologne: Institut für Sprachwissenschaft, 1992. 38 p.

Lehmann, Ch. Thoughts on Grammaticalization: a Programmatic Sketch. Erfurt: Seminar für Sprachwiss. der Univ., 2002. 214 p.

THE GRAMMATICALIZATION PROCESS OF THE RUSSIAN GERUND *NACHINAYA*

Anna A. Shaposhnikova

Bachelor Student, Philological Faculty
Saint Petersburg State University

The article explores the grammaticalization process of the Russian gerund *nachinaya* ('starting') in contemporary written discourse. Based on the data from the Russian National Corpus, the study analyzes the transition of the gerund from a lexical to a functional unit, specifically its evolution into a preposition and a conjunction. The research highlights key mechanism of grammaticalization, including semantic bleaching, loss of connection with the semantic subject, morphological specialization, and the emergence of new syntactic patterns. The findings demonstrate that *nachinaya* increasingly functions as a grammatical marker. The novelty of the study lies in its comprehensive description of this linguistic transformation and the identification of factors influencing the integration of *nachinaya* into the system of Russian functional words.

Key words: grammaticalization; gerund; preposition; conjunction; semantic bleaching.

УДК 811.161.1

«СЛИНГОМАМЫ ВСЕХ СТРАН, ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!»: ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ И МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ксения Андреевна Пересыпкина

лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9-11В. xeniaperesyapkina@mail.ru

Настоящая статья посвящена теоретическому осмыслению феномена прецедентности, в фокусе исследования – обсуждение понятий «прецедентный текст» и «модифицированный прецедентный текст», а также комплекса сопутствующих терминов. Основным аспектом в работе становится рассмотрение процесса и результата бытования в коммуникативной практике прецедентного текста, который, в силу конститутивно присущих ему особенностей, способен порождать не только единичные модификации, но и устойчивые модели трансформаций. В работе упоминается частный случай соотносимого явления, связанный с заменой элемента и/или элементов исходного прецедентного текста, который было решено обозначать словосочетанием «комические паспарту».

Ключевые слова: современная коммуникация; повседневная речь; прецедентность; прецедентный текст; модифицированный прецедентный текст.

Введение

В лингвистической традиции сложилось представление о том, что «языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”» [Гаспаров 1996: 14], в связи с чем «диалогическое взаимодействие двух величин: передаваемой (“чужой”) речи и передающей (“авторской”) речи» [Васильчикова 2016: 190] представляет для исследователей исключительный интерес и осмысливается в свете разнообразных научных концепций.

В настоящей статье обсуждается **феномен прецедентности** (характерный пример изучения явления «апеллирования субъекта к не принадлежащему ему (или созданному им ранее) тексту (классу текстов)» [Дядечко 2002: 149]) в коммуникативной практике и содержании терминов «прецедентный текст» (ПТ) и «модифицированный прецедентный текст» (МПТ).

Прецедентный текст как модель функционирования

Прецедентность – «очень многозначный, 모호ый и диффузный образ» [Феномен прецедентности 1998: 8], исчерпывающее определение которого трудноформулируемо, ср.: «мне пришлось в голову, что прецедентность – это такая специфика отношений, когда за А однозначно следует Б» [там же] (в рамках дискуссии, состоявшейся в 1998 г. в Институте языкознания РАН, в которой участвовали Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гуд-

ков, В.В. Красных и Н.П. Вольская, было признано, что культурный предмет, имеющий статус прецедентного, обладает следующими признаками: 1) является фактом; 2) представляет собой ассоциативную цепочку; отличается 3) повторяемостью, 4) клишированностью, 5) маркированностью, 6) рефлексированностью и 7) шкальностью оценок, а «прецедентность, таким образом, очевидно, представляет собой совокупность данных признаков» [там же: 33]).

В настоящей работе феномен прецедентности понимается как категория, присущая определенным вербальным текстам, их типам и фрагментам, обладающим свойством, которое в самом общем виде можно обозначить как ‘ценность’, ‘значимость’. Также в исследовании используется термин **«прецедентный текст»** (ПТ) – именно он был изначально предложен Ю.Н. Карауловым в 80-е гг. XX в. Ю.Н. Караулов под прецедентным текстом понимает «текст, (1) значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, (3) такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010: 216]).

Введенное понятие оказалось актуальным и востребованным: первоначальное содержание термина «прецедентный текст» уточнялось, до-

полнялось и корректировалось. На данный момент эволюционного развития термина по содержанию он может быть равен, например, понятиям «прецедентный феномен», «инвариант восприятия прецедентного феномена», «инвариант восприятия прецедентного текста» и «прецедентное высказывание» (ПВ).

Релевантное для настоящего исследования понимание термина «прецедентный текст» коррелирует с содержанием термина «прецедентное высказывание»: это «сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда “шире” простой суммы значений», «к числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня! Кто виноват? и Что делать? Ждем-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь – дальше будешь*)» [Красных 2003: 173].

Важно отметить, что функционирование ПТ вне зависимости от степени ограничительности или расширительности выбранной трактовки соотносится с антиномией «потенция – реализация» (ср.: «под любой реализацией лежит потенция, иначе говоря: в основе действительности находится возможность» [Гийом 1992: 201]). Восприятие ПТ «оставляет в сознании невербальный след и/или ведет к перестройке тезауруса знаний адресата» [Слышкин 2000: 27], а «воспринятый текст (целиком или фрагментарно) остается в сознании адресата и, затем, включается во вновь порождаемые тексты в виде трансформаций или прямых цитат, являясь при этом предметом рефлексии» [там же].

Так, одними из основных приемов обращения к прецедентным текстам в дискурсе [там же: 106] являются апелляция цитацией и апелляция квазичитацией.

Модифицированный прецедентный текст как функционирующая модель

Необходимо подчеркнуть, что, согласно одной из формулировок, прецедентный текст – это «осознанная или неосознанная, точная или преобразованная цитата или иного рода отсылка к более или менее известным ранее произведенным текстам» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297], следовательно, этим термином может быть обозначен как контекст с цитацией, так и контекст с квазичитацией. Однако в настоящей работе термин «прецедентный текст» соотносится со способом апелляции цитацией (контекстуально синонимичный термин «канонический прецедентный текст», т. е. прецедентный текст, употребляющийся без изменений [Активные процессы 2022: 61], не используется), а «модифицированный прецедентный текст» (МПТ) – со способом апелляции квазичитацией.

Значимо, что как использование прецедентных текстов «происходит не из текста-донора, а из культурного тезауруса языковой личности, приобретшей опыт обращения с прецедентным текстом не только по причине знакомства с его исконной текстовой средой, но и в результате собственной коммуникативной практики» [цит. по: Щибря 2011: 57], так и использование МПТ связано с коммуникативной практикой личности.

Опыт восприятия модифицированных прецедентных текстов может актуализировать в сознании носителей языка не только реализации модификаций, но и потенции модификаций, ср.: «при увеличении количества реализаций языковой единицы увеличивается и количество ее потенций» [Шустова 2023: 51].

Так, на основе прецедентного текста создаются не только единичные модификации, напрямую связанные с текстом-источником, но и **модели трансформаций**, также являющиеся прецедентными. В связи с широкой употребительностью они могут получать метаязыковое осмысление и описание носителями языка, а факт их наличия может эксплицироваться:

– напр., <Вкусно – и точка> =>

(1) После создания бренда «Вкусно – и точка» стал замечать баннеры с рекламой торговых предприятий с похожим названием «А –...и точка», «В ... и точка» // **Имхо, выражение «имярек ... – и точка» зашло и стало не только мемом, но и неким образом, шаблоном** (https://vk.com/wall708172679_374);

(2) Понятно стало одно, **всем понравилось сочетание "и точка"** (<https://tenchat.ru/media/434961-kreativno-i-tochka>);

– напр., <Потому что он герой, которого Готэм заслуживает, но не тот, который нужен городу сейчас> =>

(3) Мы заслужили // **Выражение "Х, который мы заслужили" стало затасканным штампом.** // – Киберпанк, который мы заслужили. // – Футбол, который мы заслужили. // – Релиз, который мы заслужили. // – Пайплайн, который мы заслужили. // Блин, кто мы? Чем и как заслужили? // Лет пять назад это было туда-сюда, но сегодня терпеть уже невозможно (https://t.me/igrishaev_blog/476);

(4) **Что это за мем, когда пишут о чем-то, а дальше: "который мы заслужили"?** (<https://otvet.mail.ru/question/204754719>).

Для лингвистического описания подобных контекстов был предложен термин «комические паспарту» (главная в понятийной единице лексема *паспарту* была выбрана из ряда синонимов (*шаблон, рамка, фрейм* и др.) в связи с характерным для нее широким коннотативным полем, а лексема *комический* – в связи со свойственной ей семантической полнотой).

Комические паспарту как результат функционирования прецедентных текстов и модифицированных прецедентных текстов

Комические паспарту (КП) – феномен, характеризующийся возникновением и функционированием инвариантов-конструкций, сформировавшихся на основе определенных прецедентных текстов, и вариантов-реализаций, созданных на базе инвариантов-конструкций. Предполагая, что на базе ПТ могут возникать не только трансформации, но и модели трансформаций. Следует признать, что явление комических паспарту может считаться типом модели, связанным с субституцией элемента и/или элементов текста-источника. Нельзя не отметить, что исследователи фиксировали, что одним из наиболее частотных способов модификации ПТ является замена их компонентов, при этом «в большинстве случаев <...> сохраняются часть речи и форма слова, которые были использованы в исходном варианте для того, чтобы прецедентный феномен был легко узнаваем» [Активные процессы 2022: 65]).

Механизм формирования комических паспарту можно представить следующим образом: бытование некоторого ПТ (<Пролетарии всех стран, соединяйтесь!>) => образование и бытование соотносимых МПТ одной типовой модели, созданных за счет субституции элемента и/или элементов => образование комического паспарту вследствие существования множества соотносимых МПТ одной типовой модели, созданных за счет субституции элемента и/или элементов (<X всех стран, V>) и его бытование – инвариантно и вариативно.

Выведенная в название настоящей работы цитата *Слингомамы всех стран, присоединяйтесь!* – один из многочисленных примеров трансформации интернационального лозунга, которые были обнаружены в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [НКРЯ: электр. ресурс].

По запросу <Request line 1: **всех** + Request line 2: **стран** на расстоянии от 1 до 10 от Слова 1 + Request line 3: **V & pl & 2p** на расстоянии от 1 до 10 от Слова 2> в подкорпусе «Социальные сети» было найдено 87 примеров, после устранения дублей их количество уменьшилось до 60, после удаления контекстов, соответствующих запросу, но очевидно не связанных с ПТ, – до 49.

В 19 случаях из 49 (38,78%) прецедентный текст цитируется дословно (как прямая цитация трактуется и контекст с вероятной опечаткой *Алтейарии всех стран соединяйтесь!* [vk (17.02.2015) (ebb44ee1e626b1971739236a6884ec4a:4:1)]), в ставшихся 30 контекстах (61,22%) апелляция происходит способом квазичитации (в 3

случаях заменяется только глагол, в 3 – оба элемента, но большинство трансформаций (24 из 30; 80%) реализуют конструкцию <X всех стран, соединяйтесь/объединяйтесь>):

(5) *Любители джазовой и свинговой музыки всех стран объединяйтесь, и приходите на концерты Большого Джазового Оркестра!* [vk (17.11.2013) (28daec57d9a13447b53b23081b0b9f38:0:5)];

(6) *Сегодня международный день больного!!! Больные всех стран объединяйтесь! В этот день вы совершенно обосновано можете на всех начхать!* [Леха Ростовский. Блог Ростова (01.02.2016) (be70f5709e1323a32c75452d8b854802:1036:1)].

Идентичный запрос в «Газетных» подкорпусах показал следующие результаты:

– «Центральные СМИ»: найдено 232 примера, после устранения дублей – 201, после удаления контекстов, соответствующих запросу, но очевидно не связанных с ПТ, – 193; цитация – 113 из 193 (58,55 %), квазичитация – 80 из 193 (41,45%) (замена только элемента X – 72 из 80 (90%), замена только элемента V – 4, замена обоих элементов – 4):

(7) *Второй международный фестиваль в честь козла под девизом «Козловы всех стран, соединяйтесь!» пройдет в Твери 20 мая.* [В Твери пройдет фестиваль козлов и Козловых // lenta.ru, 15.05.2017 (503939:0:9)];

(8) *Доходы всех стран, соединяйтесь* [Юрий Панченко. Доходы всех стран, соединяйтесь // Коммерсант, 24.07.2013 (2500763:0:1)];

– «Региональные СМИ»: найдено 11 примеров; цитация – 9 из 11 (81,82%), квазичитация (замена только элемента X) – 2 из 11 (18,18%).

Спецификой явления комических паспарту и особенностями метаязыкового осмысления моделей МПТ носителями языка (примеры см. выше) объясняется актуальность вопроса о соотношении содержания термина «комическое паспарту» и понятия «мем», изначальная трактовка которого характеризуется тотальностью: «единица передачи культурного наследия» [Докинз 2013], «примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [там же].

В ходе эволюционного развития у понятия «мем» появилось множество разнородных определений: пример расширительной трактовки – «мемом называют информацию (фото, видео, фразу и т. д.), распространяющуюся по сети от одного пользователя к другому» [Пишкова, Смирнова 2019: 181]; пример ограничительной трактовки – «интернет-феномен, имеющий стандартизированную форму (вербальный и визуальный компоненты в квадратной рамке)» [Канашина 2018: 122].

Однако в рамках настоящего исследования релевантным является следующее понимание термина «мем»: «информационно-коммуникативная единица, <...> при воспроизведении которой в процессе коммуникации участниками коммуникативного процесса производится ее творческая доработка» [Выналек 2014: 53] (ср.: «по своей природе мем является некой “заготовкой”, шаблоном, которые требуют от участника коммуникативного акта доработки и “досоздания”» [там же]).

Представляется возможным признать комические паспарту мемами, им свойственна интерактивность и fascinativnost':

– напр., <Слово пацана. Кровь на асфальте> =>

(9) *Скорее слово ам няма, карамелька на асфальте* (<https://pin.it/7J3gIsSBd>);

(10) *Можно было еще «слово салфетки хенджин на асфальте» ахаха* (<https://pin.it/2GWmupqW>).

Однако вопрос соотношения содержания лексемы «мем», которой свойственны функциональная и семантическая широта, с понятием «комическое паспарту» требует дальнейшего анализа.

Заключение

В настоящем исследовании аккумулированы результаты теоретической разработки понятий «прецедентный текст» и «модифицированный прецедентный текст», функционирование которых в коммуникативной практике представляет актуальную научную проблему, входящую в сферу интересов лингвокультурологии, лингвокогнитивистики, психолингвистики и этнопсихолингвистики.

Ключевым термином в работе является понятие «комические паспарту», содержание которого связано с фактом существования сформированных на основе прецедентных текстов лингвокультурных единиц, присутствующих в ментальном пространстве носителей языка в качестве инвариантов и реализующихся в повседневной речи в качестве вариантов.

Перспективным направлением исследования комических паспарту может быть установление прагматики их использования (ср.: Прагматикон (<https://pragmaticon.ruscorpora.ru>)), специфики употребления КП (способы введения в повседневную речь, реакции коммуникантов и т. д.), а также применение методов смежных с лингвистикой областей научного знания.

Примечание

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.10.2025).

Прагматикон. [Электронный ресурс]. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

Список литературы

Активные процессы в русском языке новейшего периода: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова и др. / Отв. ред. Т.Б. Радбиль. М.: ФЛИНТА, 2022. 232 с.

Васильчикова Т.Н. Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 1(2). С. 189–194. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-interteksta-v-filologii-osnovnye-etapy-istoricheskogo-formirovaniya/viewer> (дата обращения: 10.10.2025).

Выналек (Слободян) Е.А. О природе интернет-мема // Современный русский язык в интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 51–60.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Сб. неизданных текстов, подготовленный под руководством Р. Валена / Перев. с фр. П.А. Скредина, отв. ред. Л.М. Скредина. М.: Прогресс, 1992. 220 с.

Докинз Р. Эгоистичный ген / Перев. с англ. Н. Фоминой. М.: Из-во АСТ, CORPUS, 2013. 512 с.

Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Киевский ун-т», 2002. 291 с.

Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник ТГПУ. 2018. №4 (193). С. 26–31.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. С. 297–302.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Пишкова Е.Ю., Смирнова М.С. Интернет-мемы: коммуникативный и транслатологический аспекты // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. №3 (139). С. 180–187.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В. и др. Феномен прецедентности и прецедентные феномены. Устная дискуссия в ИЯ РАН 28.01.98 // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–33.

Шустова С.В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. №11. С. 49–61.

Щибря О.Ю. Прецедентный текст как уникальная единица концептосферы текста // Культурная жизнь Юга России. 2011. №3(41). С. 56–58. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16899151> (дата обращения: 10.10.2025).

**“SLINGOMAMY VSEKH STRAN, PRISOEDINYAJTES’!”:
THE PRECEDENT TEXT AS A FUNCTIONAL MODEL & A MODEL OF FUNCTIONING**

Xenia A. Peresypkina
Research Assistant
Saint-Petersburg State University

The present article is devoted to a theoretical conceptualisation of the precedence phenomenon. It focuses on a discussion of the concepts of “precedent text” and “modified precedent text”, along with a range of related terms. The central aim of the work is to examine the process and outcomes of the circulation of a precedent text in communicative practice. By virtue of its inherently constitutive features, such a text can generate not only individual modifications but also stable models of transformation. The paper also considers a particular instance of a related phenomenon, which involves the replacement of one or more elements of the original precedent text. This specific case has been termed “the phenomenon of comic passe-partout”.

Key words: modern communication; everyday speech; precedence; precedent text; modified precedent text.

УДК 81'282

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ С ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В КОМОНИИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермь, Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются названия небольших прикамских деревень (комонимы) – прежде всего, с выраженной патронимической семантикой, т. е. содержащие отсылку к имени родителей или предков. Эти названия, в которых отражены в том числе семейные профессии и род деятельности предков, их национальность, родовые прозвища (связанным с архаичными культами), исследуются по ареалам бытования, по особенностям внутренней формы и мотивировки. Цель исследования – выявление причин активности отдельных топонимических моделей с патронимическими формантами, их особенностей, истоков происхождения. В работе рассмотрен ойконимический и антропонимический материал XX – начала XXI вв. При этом особое внимание уделяется названиям, в которых идея предков / родителей основная. Это прежде всего комонимы с формантами *-ят(а)*, *-ич(и)*, *-ёнк(и)*. Делаются выводы об отраженности в комонимах с патронимическими значениями особенностей старообрядческого мировосприятия и отношения к имени.

Ключевые слова: антропонимика; топонимы; словообразовательные модели; культурная семантика.

Проблемы диалектной ономастики остаются актуальными, несмотря на нивелирование диалектных форм языка. В языковом сознании жителей современной деревни еще сохраняются диалектные формы имен, географических названий, специфических по характеру образования. Активное обращение к диалектному ономастическому материалу особенно заметно в этнолингвистических и лингвокогнитивных исследованиях. Диалектный ономастикон рассматривается как «хранитель и транслятор особого, в первую очередь культурно-исторического и локально-этнического знания» [Щербак 2014: 18].

Повышенную диалектную окрашенность имеют названия небольших деревень (многие из них исчезают к началу XXI в., покинуты жителями или включены в состав других населенных пунктов). Негативные последствия современной урбанизации – зарастающие лесом пространства и – соответственно – утрата целых массивов традиционной топонимии. С 1996 г. на территории только Карагайского района Пермского края исчезло более 30 деревень: *Галанино*, *Бичули*, *Селезни*, *Чаньшер*, *Кыши*, *Солодяна*, *Головихино*, *Осетры*, *Бараново*, *Торгушино*, *Мухино*, *Звяга*, *Перино*, *Демино*, *Субботята*, *Афонята*, *Зонята*, *Дюята*, *Калинята*, *Киченята*, *Гавята*, *Викулята*,

Сидорята, *Тимиата*, *Маслята* и др.). В Сивинском районе за это время не стало деревень *Глазовская*, *Кулизени*, *Зуево*, *Крутята*, *Еремята*, *Прохорята*, *Русята*, *Гаврята*, *Демонята*. С карт уходят «говорящие» названия: на имена предков-основателей указывает комоним *Тимиата* (образован от диалектной формы имени Тимофей *Тимиа*), название *Русята* (Сива), которое свидетельствует о том, что в деревне жили потомки русского пришельца: в сивинский район с XVI в. проникали русские, территория относилась к контактной зоне русских и представителей племен поморской и ломоватовской культур (ср. также образованное от этнонима название *Руссково* в Ильинском районе, название деревни обрусевших манси *Вогюлята* в Соликамском районе, коми-пермяков – *Пермяки*, ныне *Пермяково*, в Осинском). Оскудение топонимического ландшафта к XXI в. – одно из наиболее заметных изменений пермской топонимической системы. Именно в топонимических, как известно, находит вербальное отображение геокультурное пространство территории.

В статье рассматриваются названия небольших прикамских деревень (комонимы), представленные в открытых источниках [Населенные пункты Пермского края 2010; Список населенных мест Пермской губернии 1905], прежде все-

го – единицы с выраженной патронимической семантикой, т. е. содержащие отсылку к имени родителей или предков: *Сидорята* – потомки Сидора, *Зоти́чи* – потомки Зотей, *Гаврёнки* – наследники Гаврилы-Гаври. Названия, упоминающие предков, в том числе по их семейным профессиям и роду деятельности, исчезают (*Коновалы́та*, т. е. потомки ветеринара, *Кузнецы*, *Шерстобиты*, *Черепаны*, т. е. горшечники, *Бурлаки* – Усолье). Это же касается указаний на национальности (деревни *Пермяки*, *Вотяки*). Цель исследования – выявление причин активности отдельных топонимических моделей с патронимическими формантами, их особенностей и истоков происхождения.

Способность указывать на предков-родителей сохраняют разные топомодели. Так, названия с формантом *-и*, соответствующим окончанию множественного числа, могут потерять семантику множества и стать формальным показателем топонимичности: д. *Парамоны*, *Епиши*, *Макары*, *Романы*, *Даньки*, *Вани*, *Иваши*, *Ваньки́* (Ильинский район). Плурализация как способ создания топонимов здесь используется в «чистом» виде. В основе лежит имя, имя-прозвище, в том числе образованное от фамилии или нехристианского имени: *Батаи* от тюркского имени Батуй, *Петухи* от прозвища задиристого человека, *Рябки*, *Дятлята* от Дятлы. Птичьи, звериные прозвища, возможно, восходят к родовым. Таковы и названия *Собольки* (Добрянский район) от прозвища Соболь, *Зайцы* от прозвища Заяц (Оханский уезд), *Волчата* (Соликамский уезд) – от прозвища Волк. Родовые имена, передающиеся от поколения к поколению, не только отмечали особые черты человека, но и наделялись сверхъестественными защитными функциями:

Я вот – Воробушек. В Молёвке все с прозвищами живут: Воробушки, Синички;

Мы, например, Зайчата, дед был Заяц, отец Заяц. Я вот даже боюсь калитку на ночь закрывать (д. Морозково Кишертского района).

Вероятно, в прошлом это явление было достаточно масштабным: «В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий» [Унбегаун 1995: 148]. Отпрозвищными являются названия деревень *Метляки* (от диалектного *метляк* ‘бабочка’, мотылек (прозвище суетливого), *Ермаки* (от диалектной характеристики отчаянного, известно как тюркское имя). Название от прозвища может указывать на национальность, место, откуда вышли предки (*Казанцы* – Оханский уезд, *Пермяки*, *Вотяки*, *Мезенцы* – Ординский район, *Сибиряки* – Оханский район), на их род деятель-

ности, привычки (*Курилы* от *курила* ‘тот, кто курит’, *Саламаты* – по вкусовым пристрастиям, саламатом называют мучную кашу с ягодами), на профессиональную деятельность (*Шерстобиты*, *Черепаны*, *Бурлаки* – Усолье, *Кузнецы*, починок *Белопахы*, или *Беляев* на Яйве – от *белая пашия* ‘свободная от податей земля’). Название д. *Канда́лы* (рядом с д. *Арестантка*, ныне Чернушинский район), очевидно, связано с названием реки – от заимствованного арабского (через тюркское посредство) обозначения петли [Фасмер 2: 178]; по местной легенде, здесь когда-то жили каторжане. Формант *-и*, представляющий совокупность суффикса и окончания, постепенно теряет притяжательное значение, десемантизируется, становится лишь общим показателем «топонимичности» слова. Он способен опосредованно участвовать в ряде комонимов с семантикой родителя-первопредка.

Не всегда указывают на предков комонимы на *-их(а)*. Словообразовательная модель с этим суффиксом (топоформантом) образует большое количество комонимов (по подсчетам Е.Э. Ивановой, только в бассейне реки Чусовой фиксируется 135 топонимов типа *Максими́ха*, *Авдеи́ха*, *Троши́ха* [Иванова 1996]). Автор исследования связывает активность модели с тем, что она распространена в зоне, заселенной старообрядцами (расширение значения «жена по мужу»). Патронимическая семантика, которая очевиднее всего выражается в отчествах и фамилиях, может проявляться в топонимах типа *Романи́ха*, *Шуми́ха* (от прозвища Шум), *Кропачи́ха* (от фамилии Кропачев), *Лари́ха* (от имени Ларя / Илларион), *Тулумбаи́ха* от тюркского имени Тулумбай (Осинский район). Впрочем, в этих случаях трудно определить основание комонима – это может быть и предок, и первопоселенец, основатель деревни. То же можно сказать о северных названиях деревень типа д. *Анти́тина*, *Бы́чина* (Красновишерский район), *Баянди́на*, *Вили́сова* (Чердынский район) с формальным показателем *-а* (родительный падеж принадлежности; в основе таких комонимов лежит, скорее всего, фамилия основателя, первожителя деревни).

Более конкретны названия с формантами *-ич(и)*, *-онк(и)* / *-ёнк(и)*, *-ат(а)*, *-ят(а)*: *Степи́чи*, *Дорони́чи*, *Никише́нки*, *Гаврё́нки*, *Романя́та*, *Серги́ята*.

Значительный по объему ряд топонимов образован по модели «имя + формант *-(н)ичи* / *-(н)ычи*»: *Троши́чи* – Ильинский район, *Аксени́чи*, *Афрн́ичи*, *Иомичи*, *Николи́чи*, *Лари́чи*, *Паши́ковичи*, *Зини́чи* (от старой формы Зина – Зиновий), *Юди́чи* (от Юда / Иуда), *Степи́чи*, *Дорони́чи*, *Потани́чи* (от Потаня – Потапий, Потап) – Кунгурский уезд).

Суффикс, оформляющий отчество, используется для обозначения лиц по отношению к своему отцу. Топонимы с ним и с основой – именем основателя рода, владельца или первоначального поселенца в Прикамье широко распространены – *Абрамичи, Бигичи, Веденичи, Ганичи, Ерёмичи, Зотичи, Калининичи* (от Калина), *Николичи, Омельичи* (от Емельян), *Поличи, Савичи, Фомичи, Харичи* (от Харитон). Отдельные названия такого рода сохранились до наших дней и используются в том числе и для именования крупных селений. Рассмотрим, например, название микрорайона г. Перми *Ераничи*. Это бывшее место поселения Герасима Верхоланцева. Распространенная версия о связи названия с этнонимом *еране* – названием вымышленного племени (или русским названием ненцев [Бординских 2021: электр. ресурс]) – сомнительна: в названии кроме суффикса *-и(ч)и*, указывающего на отцовство, используется народная уменьшительная форма имени на *-ань* (как в именах *Мишаня, Васяня*).

Активность этой модели выражается через ее распространение на другие названия. Неофициальная форма названия карагайского села Юрич – *Юричи* (нередко с огласовкой, коми-пермяцкой аффрикатой *дж* – *Юриджи*) связана, скорее всего, с именем Юра / Юрий (в известном с 1647 г. как деревня селе Юрицком была построена Георгиевская церковь). Поскольку территория округа долго заселялась коми-пермяками, возможно, название связано и с коми *юр* ‘верхняя часть, верховье реки’ (метафора от коми *юр* ‘голова’). Последний компонент – связанный корень *-ыдж-* общепермского происхождения со значением ‘большой’ – употреблялся самостоятельно, без суффикса [Лыткин, Гуляев 1970: 329], и, как и слово *ыджит*, означает ‘что-л. большого размера’. В районе села река Юрич действительно протекает по широким лугам. Действием патронимической модели можно объяснить также появление ойконима *Янычи* (станция, поселок в Пермском районе). Первоначально селение было названо по потомкам татарина Яныша, жившего на реке Бабка. Согласно переписи населения 1623–1624 гг., деревня сначала называлась *Янышева*; имя Яныш образовано от татарского Джан (душа) + *иш* (друг), т. е. «сердечный друг».

Прямое указание на родителей выражает модель с использованием форманта *-онк(и) / -ёнк(и)*, значение «невзрослость» в нем выражается с уменьшительно-уничижительным смыслом, что указывает на образование комонимов из коллективных прозвищ: *Захарёнки, Никишёнки* (от Никиша – Никита; Верещагинский район), *Петрушёнки* (с. Сива), *Гаврёнки, Митёнки, Орёнки* (от Оря / Орина). Широко представлена эта модель в северных районах Удмуртии (*Ванёнки, Васютенки,*

Полишонки – Базезинский район республики Удмуртия; кроме форм *Полюша, Поляша, Полюся* в народной речи встречается *Полиша*), *Савенки* (Воткинский район), *Васютенки* (Базезинский район). Модель также отмечена в топонимии Вятки (д. *Артемёнки, Ванёнки, Кирёнки, Киришонки, Митёнки, Петрунёнки; Самчонки, Симачонки, Степанёнки, Танёнки*). Формант может также присоединяться к основе прозвища: *Кагушонки* (от *кага* ‘маленький’). Развитие модели (суффикс начинает присоединяться к основе не только личного имени или прозвища, но и к основе топонима) показывает история названия пос. *Рассолёнки* (Лысьвенский район). Недалеко от поселка расположен хребет, разделяющий бассейны рек Сылвы и Чусовой, где берет начало речка Засольная. Через эту старообрядческую деревню проходила «Соляная дорога», по которой шли за солью из Сибири на запад, к Кунгуру [Латышев 2018: электр. ресурс].

Топонимов патронимического типа с отмеченными формантами немало на тех территориях России, откуда русские приходили на Урал. Названия с *-и* типа *Дубенки, Глушенки, Гуленки, Копытенки, Лисенки, Сыченки* фиксируются в Нижегородской области. Возможно, эта модель была привнесена старообрядцами, пришедшими с Ветлуги и Керженца (притоков Волги, Нижегородская губерния).

Самая частотная модель для создания комонимов с указанием на отца / деда представлена в топонимах с суффиксом *-ат(а) / -ят(а)*: *Пузята* (станция в Верещагинском округе), поселок и станция *Оверята* (от Аверьян – Оверя; название упоминает Еверьяна как Оверина, деревня была основана Аверкой Чешихиным в 1719 г. [Тарасова 1962]). Этот суффикс имеет общеславянское происхождение, первоначальное его значение – указание на молодое существо (во множественном числе). Названия деревень *Афонята, Викулята, Еремьята, Ильята, Калинята, Прохорята, Сидорята, Тимшата* (ср. Тимоша), *Маслята* (скорее всего, из прозвища), *Субботята* (редкое имя Суббота связано с представлением о святости этого дня недели) отражают процессы отселения взрослых детей от родителей на новые земли. К середине XIX в. набирает силу распад патриархальной семьи, сложные (двупоколенные) семьи уступают место нуклеарным. Суффиксами *-ата / -ята* в диалектах издавна оформлялись прозвища, которые даются потомкам по имени их отца. Такие образования очень часто встречаются в диалектной ономастике различных районов Урала. По своему значению в топонимике суффикс *-ат(а) / -ят(а)* совпадает с патронимическим суффиксом *-ыч(и) / -ич(и)* и указывает на потомков лица, имя которого лежит в основе названия. Иногда в таких комонимах фиксируются и матронимические отсылки: *Маланичи*

от Мелания – *Маланья*, *Веденичи* – редкое нехристианское женское, очевидно, прозвищное имя, от *ведающая* – знахарка. Ссылки на имя женщины-прародительницы содержатся в комониме *Ульята* от Ульяна – Уля, в названии *Танёнки* (Удмуртия). Предположительно, в число таких комонимов входит и название *Канюсята* (из диминутивной формы от Каня *Канюся* – по типу Нина – *Нинуся* либо из мужского имени Никанор – *Каня*), *Ценята* (исключительно редкое женское и мужское имя *Ценя*, давшее фамилию *Ценёв*). Единицы, изначально бывшие коллективными прозвищами, с течением времени в результате переноса значения (имя определенной группы лиц распространяется на название селения) становятся топонимами. Такие названия населенных пунктов, засвидетельствованные на территории Пермского края, образованы, главным образом, от полных и кратких христианских имен: *Андронята*, *Антонята*, *Романята*, *Саввинята*, *Сергията*, *Баталята* (от фамилии тюркского происхождения Баталов), от прозвищ, созданных для оценки характера, места жительства родителя: *Бабушнята*, *Бадожата*, *Барышата*, *Бахарята* (от *бахарь* ‘говорун, пустомеля’), *Бельчата*, *Бобрята*, *Зуята* (от переносного *зуй* ‘шалун’).

По своему топонимическому значению суффикс *-ат(а)/-ят(а)* указывает на потомков лица, имя которого лежит в основе названия. В Пермском крае модели комонимов с указанием на предков особенно частотны в зонах активного расселения старообрядцев – Сивинский, Карагайский, Ильинский, Нытвенский, Верещагинский, Очерский районы. Только в Ильинском районе Пермского края выявлено более 29 топонимов с формантом *-ат(а)/-ят(а)*: *Егоршата*, *Полунята* (от греческого имени Полувий, Поливий), *Трисанята* (от имени Трисан из Тристан, легендарный рыцарь из романов о короле Артуре). В Верещагинском районе бытовало 12 названий: д. *Алешата*, *Андронята*, *Москвята* (последнее название от прозвища-топонима: д. Мосино и ее жителей в шутку называли Москва в силу ее отдаленности и по созвучию). В Очерском районе отмечено 9 комонимов на *-ят(а)*: *Комарята*, *Осипята*, *Осташата*, *Феклистята*, *Фофонята* (последнее от просторечной формы церковного имени Феофон). Встречаются подобные названия в Нытвенском районе, имеется 14 названий: *Андрята*, *Голубята*, *Городничата*, *Егоршата*, *Климята* и др.). Модель особенно активна в Сивинском районе, там зафиксировано 36 названий: *Алешата*, *Бровилята*, *Габята* (от фамилии Габов), *Гаврята* (от Гаврила), *Епишата*, *Корольята* (от фамилии Королев), *Полюдята* (от имени Полюд из нарицательной оценки общительного человека). В Добрянском районе зафиксировано 8 названий типа *Осташата*, *Баташата*, *Феклята*.

Названиями на *-ат(а)* в прошлом был особенно богат Кунгурский уезд, в котором имелось более 60 комонимов этого типа: *Макарята*, *Инатята*, *Воронята*, *Зайчата*, *Марчата* (от Марко), *Падерята* (от прозвища Падера от диалектного *падера* ‘буран’, переносно ‘о ненужном хламе’, ср. отпрозвищная фамилия Падерин). В XVIII в. значительное число сторонников «старой веры» проживали не только в лесах, но и на уральских горных заводах. Старообрядцы приходили на Урал в основном из Поморья, северных областей России, с р. Керженец. Любопытно, что на р. Язьве (притоке Вишеры), в затерянных среди лесов местах было много староверческих деревень, там также фиксируется большое количество (20) топонимов на *-ят(а)*: *Усынята* (от имени Усыня, т. е. сын, мальчик), *Левчата*, *Аристята* (последнее название известно также на р. Обва, на Вятке, на Вохме в Костромской области)). Встречаются такие топонимы (в небольшом количестве) и в Свердловской области, на востоке Кировской области: *Праздничата*, *Гришунята*, *Костерята*, *Симонята*, *Алешата*, *Афонята*, *Володята*, *Гришата*, *Доронята*, *Мишата* и пр. (см. об активности отпатронимических топонимов на *-онк(и)*, *-ят(а)*, *-ич(и)* в [Головина 1970]), в северо-восточных районах Удмуртской Республики (на пограничье с Сивинским, Верещагинским районами Пермского края).

Исследованную модель следует считать региональной особенностью топонимии Пермского края. Она частично отмечена и в Нижегородской области (*Березята*, *Праздничата*, *Бердничата* на Ветлуге; д. Бердничата была приобретена промышленником И.И. Бердниковым у князей Мещерских). Отметим также д. *Головята* (в честь головы – должностного выборного лица), *Колдырята* (скорее всего, от фамилии либо прозвища, ср. диалектное и позднее жаргонное *колдырять* ‘жадно пить’ явно звукоизобразительного характера, имитирующее звуки глотания). Название деревни *Коменята*, очевидно, указывает на топоним *Комкино* – вблизи ее и располагались *Коменята* (она была названа либо по фамилии первопоселенца Комкин, либо из-за обилия около нее небольших камней-комьев). Образования на *-ят(а)* известны и на Новгородчине: *Мстята* от Мстислав, *Гостята* от Гостислав, *Скорята* от фамилии Скорятин [Чайкина 1993].

На наш взгляд, в таких ойконимах наглядно отразилась история и особенности расселения тех русских, которые пришли в Прикамье как носители старообрядческой традиции. Старообрядцы глубоко верили в неповторимость, индивидуальность человеческой личности, осознавали личную ответственность перед самим собой и перед Богом за деяния и веру. Как отмечает Г.Н. Чагин, они жили

в молитвенном уединении и самоуглублении, «старались селиться в стороне от людных путей и густонаселенных мест» [Чагин 1991: 20.]

Обилие частных моделей с патронимической семантикой – одно из проявлений системности топонимии. Исследованные наименования универсальны, своей внутренней формой (богатой, часто затемненной) они порождают объемное интерпретационное поле. Наделяя осваиваемые места именами предков, старообрядцы воспроизводили традиционное восприятие пространства в антропологических, отражающих взаимодействие людей характеристиках окружающей природной среды. Помимо указания на единичность, названия-патронимы выполняют адресную и мемориальную функции. В культурной семантике таких комонимов отражается архаичная идея имени первопредка как оберега, покровителя.

¹Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

Список источников

Населенные пункты Пермского края // Энциклопедия «Рувикс». 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Населённые_пункты_Пермского_края (дата обращения: 23.10.25).

Список населенных мест Пермской губернии / Пермское губернское земство. Пермь, 1905. 1526 с.

Список литературы

Бординских Г. Исчезнувший народ ераны. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/YWVKy4_XxDDtJZn6?ysclid=mjlnhp0f2i119738047 (дата обращения: 21.10.25).

Головина Э.Д. Семантические и структурные сдвиги в названиях населенных пунктов бывшей Вятской губернии (по письменным источникам XVII–XX вв.) // Вопросы топонимстики / отв. ред. А.К. Матвеев; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1970. Вып. 4. С. 3–14. (Ученые записки Уральского государственного университета. Сер. Филологическая. 1970. № 90, вып. 13. С. 3–14).

Иванова Е.Э. Старообрядческая топонимия в бассейне реки Чусовой // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / отв. ред. М.Э. Рут; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 44–51.

Латышев М. Рассольная – Сухая. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2018/03/03/1377?ysclid=mh36iftzuq445477636> (дата обращения: 20.10.25).

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М: Наука, 1970. 386 с.

Тарасова Н.И. Названия населенных пунктов Пермской области на *ата*, *ята* // Вопросы ономастики. 1962. Вып. 1. С. 47–49.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1995. 443 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 2. 671 с.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь: Изд-во Том. ун-та. Перм. отд-ние, 1991. 112 с.

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: насел. пункты. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1993. 474 с.

Щербак А.С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4(41). С.18–22.

WORD-FORMATION MODELS WITH PATRONYMIC SEMANTICS IN THE COMONYMY OF PERM KRAI

Ivan A. Podjukov

**Professor, Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

This article analyses the names of small villages (comonyms) in the Kama region, primarily those with conspicuous patronymic semantics, i.e., containing a reference to the name of parents or ancestors. These names, including their family professions and occupation, nationality, and family nicknames (associated with archaic cults), are examined by their areas of use, internal form, and motivation. The purpose of the description is to identify the reasons for the activity of particular toponymic patterns with patronymic formants, their characteristics, and their origins. Conclusions are drawn about how common names with patronymic meanings reflect the characteristics of the Old Believer worldview and attitude toward names.

Key words: anthroponymy; toponyms; formation patterns; cultural semantics.

УДК 81'37

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ПЕРМСКОЙ НАРОДНОЙ ЗООНИМИИ¹

Екатерина Николаевна Свалова

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания,

русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В статье рассматривается реализация некоторых культурных кодов в пермской зоонимии: цветового, растительного, звукового и др. Охарактеризованы способы именования питомцев, приводятся фрагменты записей живой речи информантов, содержащие краткие истории возникновения современных зоонимов и в ряде случаев наблюдения по поводу их (не)соответствия, например, «стилю поведения» животного. Иллюстрируется своеобразная «шлифовка» номинации, обусловленная особенностями повседневного использования имени.

Ключевые слова: ономастика; зоонимия; зооним; картина мира; культурный код; мотивация.

Наделение животного именем носит не утилитарный характер, хотя в начале «пути» владелец преследует прагматическую цель: член семьи должен иметь имя, чтобы с ним можно было взаимодействовать. Однако даже незнакомец, интересуясь кличкой собаки на прогулке и получая, как правило, мгновенную дружелюбную реакцию, формирует представление о живом существе, в том числе как бы фиксируя «уровень отношений» человека и питомца, например: [Соб.:] *Как зовут собаку* [порода сиба-ину, г. Пермь]? [Хозяин, мальчик-подросток, улыбаясь:] «*Кириуша*». Безусловно, «оценка» клички включает в себя «анализ» ее формы, звучания (интонации говорящего) в момент произнесения (эмоциональный уровень) и расшифровку тех культурных кодов, которые в ней отражаются (психологический, когнитивный). В ситуациях, когда животное «досталось» уже с кличкой, хозяин, вероятно, может оценить одновременно закладываемый изначально в номинацию потенциал и сложившийся характер питомца. Так, кроткий и покладистый сиба-ину (выведенный из разведения в возрасте 7 лет, г. Пермь) получил домашнюю кличку *Котя* от официального имени *Мокото*: японское слово *макото* соотносится с истинностью, правдивостью (см. подробно [Матвеев 2012]), *котя* – в русском языке ласковое обращение от слова *котенок*. Кличка *Мамото* даже у далекого от восточной традиции человека вызывает ассоциации с японским языком и культурой. Исследователи рассматривают зоонимы и в художественных текстах, «как объект изучения литературной ономастики» [Ковалев 2023: 119]. Например, Г.Ф. Ковалев отмечает, что зоонимы

«наглядно показывают пристрастия писателей к определенным животным, помогают показать истинные чувства человека в природе» [там же].

В рамках статьи остановимся на кличках животных, в которых реализуется тот или иной культурный код русской языковой картины мира. Е.О. Опарина отмечает, что «термин “культурные коды”, или “коды культуры”, имеет в лингвокультурологии различные определения» [Опарина 2023: 95]. Предложенная Н.Н. Изотовой дефиниция кода кажется нам лаконичной и в полной мере отражающей суть понятия: «Код – ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой» [Изотова 2020: 125]. Культурные коды непосредственно связаны с понятием языковой картины – отраженным в языке способом видения мира. Имена животных, в которых реализуются культурные коды, имеют национально-культурную специфику и иллюстрируют ономастическую картину мира. Е.И. Сьянова замечает, что «онимы шифруют всю картину мира сельского социума во всех ее составляющих и потому несут многослойную культурологическую информацию и выполняют разнообразные функции, свойственные культуре» [Сьянова 2007: 5], при этом «зоонимический код служит реализации следующих культурных кодов: физиологического, цветового, поведенческого, антропоморфного, темпорального [там же: 19–20]. С.А. Марудова, анализируя реализацию антропоморфного кода в зоонимии, констатирует: «в сельской местности для номинации домашних животных часто используются имена людей, как правило, хозяев или друзей. Для городской сфе-

ры характерно преобладание в номинации домашних животных имен выдающихся деятелей культуры, литературы, искусства, отмеченных высоким уровнем известности» [Марудова 2016: 57]. Перспективы исследования зоонимов ученые связывают с их функционированием в текстах разных функциональных стилей: «Интересным представляется дальнейшее изучение коннотативных зоонимов как эффективного средства создания образности и экспрессии в текстах публицистического, художественного, рекламного дискурсов [Васильева 2019: 21].

Ранее нами были рассмотрены антропонимические зоонимы [Подюков, Свалова 2025]. Приведем несколько примеров, не вошедших в упоминаемую работу, и проиллюстрируем реализацию **антропоморфного кода** в зоонимии. В живой речи Пермского края в качестве кличек животных используются полные имена людей: *Светлана* – кличка коровы (с. Ашап Ординского р-на); *Лада* – собака, чихуахуа, 1,5 г. (г. Пермь) и собака, пудель (г. Пермь); патронимические формулы: *Василий Васильевич* – кот без породы (д. Кузнечиха Осинского р-на); *Никита Сергеевич* – кличка быка в честь Н.С. Хрущева (с. Ашап Ординского р-на); формы имени: *Настя* – кличка коровы (с. Ашап Ординского р-на); *Лёва* – собака, кличка образована от имени *Лев*, в ней отражена особенность шерсти (*была очень пышной*) (с. Ашап Ординского р-на); *Тося* – кошка без породы (г. Пермь); *Жора* – собака породы шарпей: *В детстве родители купили клубную собаку породы шарпей. По документам пса звали Джордж Пампиду. Мы звали его по-русски Жора, так как его официальная кличка была сложной для произношения* (г. Пермь). Непростым для восприятия является и паспортное имя собаки породы сибаину *Wadzin Saniiro Куо* ‘замечательный рыжий японец’, 7 лет (г. Пермь). Вспоминая уже ушедшую из жизни собаку с топонимической кличкой *Дон*, владелец дал японцу краткое и звонкое имя *Дан* (возникает ассоциация со словом *дан* – японский разряд в боевых искусствах, настольных играх и других занятиях). Обратим внимание также на пример клички, которая мотивирована не личным именем владельца животного, а лица, причастного к появлению питомца в доме: *Фёса* – кличка кошки, дана в честь человека, который подарил котенка – *Анфиса* (г. Пермь).

Отдельно следует отметить антропоморфные клички, образованные от личных имен любимых персонажей фильмов и мультфильмов, поскольку информанты охотно ностальгируют по поводу «имянаречения»: *Шмёня* – кличка крупного сибирского кота бело-серого окраса: *Дома появился котенок, нужно было его назвать. Все члены семьи думали над кличкой, в это время по*

телевизору шел мультсериал «Гравити Фолз», в котором есть персонаж – гном с забавным именем Шмебьюлок. В течение времени кличка сократилась до Шмени (д. Большая Мось Пермского р-на); *Китти* – кошка, без породы, 10 месяцев: *Мы очень долго не могли придумать имя нашей кошечке, она очень грациозная, поэтому хотелось для нее что-то красивое. В итоге я начала называть ее Китти, как персонажа из “Hello, Kitty”* (г. Чайковский); *Фунтик* – кличка кота без породы: *Кота назвали в честь поросёнка из любимого мультика родителей* (г. Пермь); *Леопольд* – кличка рыжего кота (г. Пермь); *Кэсси* – кличка кошки: *Назвала кошку Кэсси в честь героини популярного сериала про подростков «Эйфория»* (г. Пермь); *Басингэй* – кличка кошки, *Ба Синг Се* – город из вселенной «Аватара», название которого переводится как «неуязвимый город» (д. Кузнечиха Осинского р-на); *Цзян Чен* – кот без породы, приют «Матроскин» (г. Пермь), персонаж манги, аниме и новеллы «Магистр дьявольского культа»; *Том* – кличка американского короткошерстного кота: *Был так назван из-за мультика «Том и Джерри»* (г. Пермь); *Шуня* – кличка кота: *Папа моей подруги, назвал кота Шуня (сокращение от Шерхан) в честь героя мультфильма «Маугли» – тигра Шерхана* (г. Пермь). Любопытно, что слово *Шуня* известно в русском языке как уменьшительно-ласкательная форма имени Александр(а) и как диалектное (в олонецких говорах), обозначающее пристройку к дому (из карельск. *šuniŋa* ‘кладовая’ [Фасмер 4: 487].

Активно в зоонимии используется **цветовой код**. Часто кличка животного по окрасу – первая реакция на его внешний вид: *Рыжуха* – кличка коровы рыжей масти: *Рыжая шерсть, сразу видно – Рыжуха* (д. Савлек Кунгурского р-на); *Белянка* – кличка коровы белой масти: *Белая вся, поэтому Белянка* (д. Бурдино Очерского р-на); *Сівка* – кличка лошади сивого цвета или седой: *Мать сивая у нее, сивка-бурка – старинная, добрая* (с. Плеханово Кунгурского р-на); *Уголёк* – кличка беспородного чёрного кота. (г. Пермь); *Дымок* – кличка кота – серого или дымчатого (д. Поповка Кунгурского р-на).

Ассоциация по цвету зачастую иллюстрирует взаимодействие культурных кодов – цвет как постоянный «атрибут» предмета или явления и сам предмет как носитель цветового признака (чаще природные объекты или погодные явления): *Снежка* – кличка белой лошади: *Она сама белая и шерсть такая мягкая, как будто снег* (д. Бым Кунгурского р-на), ср.: *Снег* – собака, корги светлого окраса (г. Пермь); *Иней*, *Инюша* – кличка белого персидского кота с голубыми глазами (г. Пермь); *Соломка* – кличка коровы светлого

окраса (г. Кудымкар); *Персик* – кичка кота без породы: *Кличку дали по окрасу кота – светло-светло рыжему* (д. Большая Мось Пермского р-на). Это одна из самых распространенных кличек котиков светло-рыжего окраса. Любопытна кличка попугая *Ліма*: *Назвали так, потому что его пёрышки полностью жёлтого цвета* (г. Чайковский). Она соединяет в себе **цветовой код** (желтый цвет) и **географический / топонимический** (Лима (исп. Lima) – город на тихоокеанском побережье Южной Америки, столица Республики Перу).

Особенности окраса могут обыгрываться в кличках, акцентируя внимание на оригинальной внешности питомца: *Дóля* – кличка кошки сиамской породы: *Назвали так, потому что у неё был необычный окрас: ровно половина морды кремовая, вторая дымчатая, глаза разного цвета и половинки носа разные по цвету* (г. Пермь); *Фіфа* – кличка кошки-богатки: *Морда кошки наполовину чёрная, наполовину рыжая, поэтому взяли английскую фразу fifty-fifty (50/50), первые буквы из этой фразы и получилась – Фифа* (г. Пермь). В последних примерах проявляется **ономастическое творчество**, характерное для зоонимии вообще.

Темпоральный и растительный коды активно применяются, например, в именовании сельскохозяйственных животных: появившиеся на свет двойняшки-козы названы *Весна* и *Марта*, потому что родились в начале марта (г. Кунгур). Реализация **темпорального кода** часто объясняется временем появления животного (теленка, козленка, поросенка) на свет: *Утро* – кличка лошади: *Родилась очень рано, с рассветом* (д. Бым Кунгурского р-на); *Ночка* – кличка коровы: *Наша Ночка родилась ночью, вот недолго думая и назвали Ночкой* (д. Бым Кунгурского р-на). Кличка могла быть мотивирована также окрасом животного, но в контексте об этом информация отсутствует.

Популярные имена для коров – травоядных жвачных животных – часто мотивированы номинациями растений: *Ромашка* – кличка коровы: *Ромашки очень любит жевать, вот и Ромашка* (с. Плеханово Кунгурского р-на); ср. также распространенные повсеместно клички коров *Верба*, *Роза*, *Фиалка*, *Травка*. Все примеры иллюстрируют особенное отношение человека к животному, проявляющееся в необходимости наделения именем, за которым в традиционной культуре закреплена продуцирующая и/или обережная символика: *роза* – «символ красоты и здоровья, чистоты, жизненной силы, плодородия; одно из наиболее ценных и воспеваемых растений» [Усачева 2009: 468], *фиалка* в христианстве символизирует смирение и, в частности, смирение

Христа как Сына Божия [Словарь символов], *верба* – «кустарник или дерево, в народной культуре символизирующие быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие» [Толстой, Усачева 1995: 333], «как символ воплощает представление о быстром росте, витальной силе и используется в том числе в продуцирующей магии» [Агапкина 2014: 283]; ср.: повсеместный обычай первый раз выгонять скотину на выпас веточкой вербы, способствуя ее благополучному возвращению. В кличке *Травка* (в отличие от нейтрального – трава) суффикс *-к-* имеет уменьшительно-ласкательное значение, в зоониме таким образом выражаются нежные чувства говорящего к называемому объекту. Растительный код реализуется также, к примеру, в кличках: *Калинка* – кошка без породы (г. Пермь); *Ёлка* – собака без породы (г. Пермь); *Физалис* – кот без породы (приют «Матроскин», г. Пермь).

Реализуется в кличках и **звуковой код**. В зоониме в этом случае может отражаться желание владельца наградить питомца, например, способностью оказывать на окружающих сильное воздействие: кличка кавказской овчарки *Гром*: *Назвали Гром потому, что у папы в детстве была любимая собака, которую звали Гром* (г. Пермь); очевидно, что подобное имя дается собаке внушительных размеров (щенку – потенциально, «с заделом» на будущее). Своеобразно информанты комментируют распространенную кличку для кота *Тишка*: 1. *Назвали так, потому что кот до него звали Тишка. Он был тихий* [тихий – Тишка], *ласковый, любил спать с хозяевами. Кот, которого завели сейчас, совершенно другого характера – наглый, громкий, кусается и царапается* (г. Пермь); 2. *Очень шумный, постоянно говорили: тихо-тихо, и он стал откликаться, в итоге смягчили до Тишки* (г. Пермь). Приведенные примеры кличек котиков демонстрируют своеобразную словесную магию: «тихое» имя должно усмирить громкое и непокорное животное. Такая «усмирительная тактика» характерна не только для «звуковых» зоонимов, но и проявляется, например, в кличке *Малыш*, которая дважды зафиксирована нами как пример контраста имени и объекта, который оно называет: *Малыш* – конь, тяж (тяжеловес): *Назвали Малышом, потому что он был большой, но добрый. И мы решили назвать его в противоположную сторону и более ласково* (г. Пермь); *Малыш* – козел альпийской породы: *Назвали так маленького козлёнка, но вымахал он невероятных размеров, чуть не с лошадь. Кличка стала больше похожа на шутку, но характером он её оправдывает: очень ласковый и тихий, так и хочется Малышом назвать* (г. Кунгур). Часто эту кличку дают и собакам крупных пород.

Кличкой, в которой реализуется звуковой код, является зооним *Піскля* – кошка, без породы: *У кошки был очень тонкий и высокий голос, она пищала, а не «мяукала», бабушка, недолго думая, дала кошке подходящее имя* (д. Большая Мось Пермского р-на). Напомним, что в русском языке слово используется неодобрительно применительно к человеку с писклявым голосом или к человеку, который жалуется на что-либо пискливо. В основе клички кота *Ўфик* лежит междометие, которое обычно выражает усталость: *Назвали так, потому что кот издавал звук «уф, уф»* (д. Кузнечиха Осинского р-на). Основанное только на слуховых ощущениях имя таким образом становится примером языковой игры, а уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик* в нем делает кличку нежной и «уютной».

В кличках домашних животных активен **пищевой** код, когда животное получает имя – номинацию любимой еды или лакомства, вызывая при этом у владельца лишь положительные эмоции: *Булка* – кличка собаки, помесь акиты и дворняги: *Назвали так, потому что был цветом как хлеб и пухленьким* (г. Чайковский); *Бублик* – кличка кота без породы, 12 лет: *Когда привели кота домой, дочь хозяйки кушала бублик, когда у неё спросили: «Как будем называть?», она ответила: «Бублик»* (г. Пермь); *Батон* – кличка кота без породы: *Его так называли, потому что шерсть на его спине была таким же рисунком, как батон* (г. Пермь); *Печенька* – кличка хомяка (д. Кузнечиха Осинского р-на); *Кекс* – кличка кота: *Племянник любит сладкое, и решила назвать кота так* (г. Пермь); *Ириска* – кличка кошки и кличка собаки (г. Пермь); *Чипс* – кличка кота без породы, 7 лет: *Назван в честь любимых сладостей мамы, которая подобрала кота и привела домой* (г. Пермь); *Пельмень* – кличка хомяка: *Так как хомяк полностью белого окраса* (г. Пермь); *Чипс* – кот, без породы, окрас в полоску, как *рифленый чипс* (г. Пермь); *Чипсик* – собака: *Так как хозяин любит чипсы* (г. Пермь); причем сокращается кличка до *Чип*, что невольно отсылает либо к герою мультфильма бурундуку по имени Чип («Чип и Дейл спешат на помощь»), либо к англ. *chip* – обломок, осколок, кусочек – фрагмент полупроводниковой или диэлектрической пластины.

Интересно мотивация кличек объясняется в следующем контексте: *Назвала своего кота Шаня, а кошку Плюша. Это сокращения от национальных пермских блюд (плюшка и шаньга)* (г. Пермь). В кличке собаки породы золотистый ретривер *Медок* соединяются **пищевой код** (мед) и **цветовой**: *Назвали так из-за окраса* (г. Пермь). Клички могут отражать и алкогольные пристрастия хозяев, например: *Чивас* – среднеазиатская овчарка: *Папа назвал пса в честь своего любимого*

напитка (г. Пермь), *Бурбон* – такса (г. Пермь), *Вискарик* – кот породы мейн-кун (г. Пермь) и *Віски* – кошка без породы (г. Пермь). Ср.: у одной дамы [формулировка информанта] в Перми собаки породы йоркширский терьер носят клички-названия игристых вин *Боска* и *Асти*. Все примеры иллюстрируют тенденцию к присвоению престижного, через подобную атрибуцию владелец животного условно повышает свой социально-экономический статус (ср.: в деревенской среде находим пример номинации – отнюдь не элитного алкоголя: *Настойка* – кличка коровы (с. Карагай)).

Стремление хозяина зафиксировать в кличке питомца свои интересы и желания реализуется и в именовании домашних любимцев марками брендовых автомобилей: *Лексус* – собака, среднеазиатская овчарка: *Сначала называли в честь марки любимой машины хозяйки, но потом кличка плавно перешла в более простую и удобную – Лёша* (г. Пермь) (*Lexus* – марка премиальных автомобилей, производимых японской корпорацией Toyota Motor); *Хамер* – собака породы американский питбуль (г. Чернушка) и собака породы ротвейлер (г. Пермь) (*Hummer* – ребрендинговое название для гражданского автомобиля, созданного на базе военного автомобиля HMMWV); *Мерс* – собака, мопс (г. Пермь); *Инфинити* – собака, йоркширский терьер (г. Пермь) (японский автопроизводитель, принадлежащий компании Nissan Motor.); *Камри* – собака, той-терьер (г. Пермь) (Toyota Camry – автомобиль компании Toyota, производится на заводах в Японии), *Гелендваген* – бенгальский кот (г. Пермь) (серия полноразмерных люксовых внедорожников марки Mercedes-Benz); ср. отражение материального в кличках *Бакс* – собака, йоркширский той терьер (г. Чайковский) и *Баксик* – декоративный кролик: *Покупала его специально для фотосессий. Кличку дали для того, чтобы приносил деньги* (г. Пермь); *Карат* – собака без породы (г. Пермь) (единица, которая применяется в ювелирном деле для выражения массы драгоценных камней и жемчуга). Интересно, что в нейминге автомобилей есть обратная стратегия, когда в официальном названии транспортного средства используется название животного: «Шевроле *Импала*» – модель названа в честь антилопы, которая водится в Африке и внешне напоминает газель; «Форд *Мустанг*» – спорткар назван в честь одичавшей лошади; «*Ягуар*» – не отдельная модель, а целая серия авто, названная в честь хищного представителя семейства кошачьих². Некоторые примеры кличек так или иначе связаны с технической сферой, но являются пока лишь единичными примерами, не образующими семантические группы: *Дизель* – кот, без породы (г. Пермь) и *Трактор* – кот без породы: *Рычит как трактор* (г. Пермь).

Рассмотрим группу кличек, которые в нашей коллекции немногочисленны, но, безусловно, отражают особенности современной ономастики. С развитием компьютерных технологий повсеместно распространилась компьютерная терминология. Так, кличка собаки породы джек-рассел терьер *Піксель* (г. Пермь) мотивирована названием наименьшего элемента двумерного цифрового изображения в растровой графике (джек-рассел – энергичная собака небольшого размера); кличка кота тайской породы *Капс*, 6 лет (г. Пермь) – компьютерным жаргоном, в котором слово *капс* именует клавишу Caps Lock. Так или иначе связана с компьютерной сферой кличка кота *Фдуч*: *Назвали так, потому что писали его имя ветеринару с компьютера на русской раскладке Alex, получился Фдуч* (г. Пермь). Условно к этой группе можно отнести и кличку кошки *Симка* (г. Пермь). Со слов хозяйки в основе имени отсылка к sim-карте, однако напрашивается и ассоциация с уменьшительно-ласкательной формой женского имени Серафима, и с именем героини российского анимационного многосерийного проекта «Фиксики», ср. кличку попугая *Баюша*, производную от имени *Баюн*, в которой за счет использования аффиксов появляются те или иные коннотации: *Чирикание навеивает сон* (г. Пермь); *Мартик* – кот без породы: *У кошки моей бабушки в начале февраля родились котята, одного из которых я выбрала. Однако забрать котёнка получилось только в марте, потому что он был ещё очень маленький* (г. Кунгур), *Соничка* – кошка без породы: *Недавно я поняла, что неправильно пишу кличку своей кошки. По правилам нужно писать «Сонечка». Но чисто визуально мне больше нравится «СонИчка»* (г. Пермь); ср. приведенные выше *Уфик*, *Медок*, *Кирюша*, *Инюша*, *Печенька*. Сама кличка без коннотативного аффикса может выражать концентрацию любви и нежности к питомцу: *Пуся* – шотландский кот, 4 года: *Назвали так, потому что миленький* (г. Пермь); *Милка* – не связано с формой имени Людмила и брендом шоколада Milka, кошка без породы (г. Пермь) и собака породы американский кокер-спаниель (г. Пермь). Выраженные в кличке *Милка* нежные чувства к питомице как бы «продляются» в ее потомстве: *Шесть щенков было, последнего вообще мы еле выходили – Степана. Ну имен-то ни у кого нет, потом назовут хозяева. А на этого посмотрела... Такой кудрявенький – ну Степан, Стёпа* (помесь пород коккер спаниель и кавалер-кинг-чарльз-спаниель (г. Пермь).

Приведенные в статье примеры показывают, как кличка изначально принимает вид сокращения (*Шаня* – Шаньга и *Плюша* – Плюшка) или со временем «корректируется» (*Шмебьюлок* – *Шме-*

ня, *Чипсик* – *Чип*, *Лёша* – *Лексус*). Анализ современных зоонимов демонстрирует, что имя собственное не просто номинирует объект, оно, опираясь на сформировавшийся в языковой картине мира тот или иной культурный код (или несколько кодов), отражает систему взглядов говорящих, потенциал номинации как связующего звена между внутренним (эмоциональным) миром человека и окружающей действительностью.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

² «Порше *Кайман*» – автомобиль назван в честь аллигатора, который обитает на юге и в центре Америки; «Додж *Рам*» – серия автомобилей-пикапов, в названии которых слово *ram* означает «баран»; «Де Томасо *Пантера*» – автомобиль назван в честь дикой кошки; «Ламборджини *Урус*» – внедорожник назван в честь диких быков, которые были известны еще с первобытных времен и вымерли в XVII в.; «Фольксваген *Тигуан*» – названии кроссовера заложены названия сразу двух зверей – тигра и игуаны; «Фиат *Панда*» – автомобиль назван в честь знаменитого китайского медведя; «Мицубиси *Колт*» – японская модель, получившая имя Colt, то есть «жеребенок»; «Додж *Вайпер*» – автомобиль назван в честь рептилии, одно из значений английского слова *viper* – «змея» или «гадюка» [Зоопарк на колесах...: электр. ресурс].

Список литературы

Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2014. С. 283–302.

Васильева О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой 'свинья': автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2019. 23 с.

Зоопарк на колесах: звериные названия авто. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/WpPjhD3Ot9j5rx5P> (дата обращения: 24.10.2025).

Изотова Н.Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 1А. С. 122–127.

Ковалев Г.Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 2(49). 2023. С. 113–120.

Марудова С.А. Реализация антропоморфного кода культуры в зоонимии Белорусского поозерья // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 2. С. 54–58.

Матвеев В.А. Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокоро) // Ойкумена. 2012. № 3. С. 145–150.

Опарина Е.О. Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873). С. 94–99.

Подюков И.А., Свалова Е.Н. Отантропонимические зоонимы в живой речи Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 6–13.

Словарь символов. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvo1/927> (дата обращения: 20.10.2025).

Сьянова Е.И. Ономастический код в менталь-

ном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихопёрья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 24 с.

Толстой Н.И., Усачева В.В. Вербa // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). С. 333–336.

Усачева В.В. Роза // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 468–470.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 4: Т–Ящур. 860 с.

THE REALIZATION OF CULTURAL CODES IN PERM FOLK ZOONYMY

Ekaterina N. Svalova

Associate Professor, Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods
Perm State Humanitarian Pedagogical University

This article examines the realization of certain cultural codes in Perm zoonymy: color, plant, sound, and others. Animal naming methods are characterized. Based on the informants' live speech, brief histories of the origins of modern zoonyms are presented, along with observations on how they reflect animal behavior and physical characteristics. The article also illustrates the unique "polished" nature of nominations, conditioned by the peculiarities of everyday name use, some instances of language play are mentioned. Conclusions about the relationship between nicknames-zoonyms and the human psychoemotional world are drawn.

Key words: onomastics; zoonymy; zoonym; worldview; cultural code; motivation.

УДК 279.99(470.53)+27-564+27-565.79+392.143+811.161.1'373.23

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ЛИЧНЫХ ИМЕН СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВВ.¹

Евгения Владимировна Запольских

младший научный сотрудник Центра этнолингвистики народов Прикамья кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермь, Сибирская, 24. zapolskih.ev@mail.ru

Статья посвящена типологическому описанию вариантов личных имен старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. общим числом 6948 (всего имянаречений). Варианты представляют разные формы личных имен (церковнославянские, народные), которые зафиксированы в официальной записи (в регистрации рождений метрических книг). Описаны конвертированные, освоенные, унифицированные, контаминированные и трансонимизированные варианты имен. Классификация типов вариантов имен осуществлена с опорой на причину их трансформаций – системный фактор, поскольку языковая система, антропонимическая и агеоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию имен.

Ключевые слова: антропонимы; вариативность имен; типы вариантов имен; старообрядцы; метрические книги; Прикамье.

Введение

Вариант имени – «это видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» (Подольская 1988). Под вариативностью личных имен мы понимаем их способность видоизменяться, т. е. менять свою форму, что проявляется в виде рядов вариантов, которые можно зафиксировать как в синхронии, так и в диахронии (при сопоставлении разных хронологических срезов именика). Вариативность антропонимии напрямую связана с историей языка, его фонетики и грамматики, поскольку видоизменения имен происходили на разных этапах развития языка. Соответственно исследование вариативности личных имен представляет интерес для изучения исторического развития языка, поскольку часто антропонимия, как особый класс лексики, дольше других хранит следы языковых процессов прошлых эпох.

Своей спецификой обладает вариативность антропонимии у старообрядцев – обособленной конфессиональной группы, не принявшей реформы в русской православной церкви сер. XVII в. и вследствие этого разорвавшие с ней связь. Эта специфика обусловлена закрытостью старообрядческой культуры и самобытностью ее традиций наречения. Для вариативности антропонимии старообрядцев характерны такие черты, как насыщенность народными формами имен, их

архаичность и особый статус в книжно-деловой письменности. В связи с этим старообрядческие именословы можно рассматривать как концентрированный и исторически содержательный материал для изучения антропонимной вариативности, что говорит об актуальности нашего исследования.

Вариативность русской антропонимии и ее исторические предпосылки отмечены в работах по истории русского языка у исследователей с кон. XIX в. [Шахматов 1893, Соболевский 1907]. С советских времен данной теме посвящены уже отдельные исследования [Никонов 1969, Суперанская 1969, Успенский 1969, Толкачев 1973, Суслова, Суперанская 1991]. В частности В.А. Никонов пишет об адаптации иноязычных христианских имен и о влиянии на этот процесс ряда факторов, приводящих к вариативности (фонетика языка, антропонимные модели, народная этимология и пр.). В монографии А.В. Суперанской приводится классификация типов вариантов личных имен (орфографические, фонетические, фонологические, морфологические типы). На структуру слога, как на коренную причину фонетических изменений заимствованных имен на почве древнерусского языка, указывает А.И. Толкачев. Б.А. Успенский выделяет две традиции канонического именования – старую «великорусскую» и новую «ожно-западную», варьирование которых началось с книжной реформы патриарха Никона. П.Т. Поротниковым собраны материалы

для словаря народных форм личных имен [Поротников 1979]. Освещается вариативность региональных именников [Барышникова 1969, Сими́на 1970, Устинович 1970, Добряк, Поротников 1974], что продолжается в постсоветское время [Алабугина 1996, Семькин 2000, Скребнева 2008, Кюршунова 2019, Ганжина, Черненко 2020]. А.В. Суперанской составлен обширный словарь народных форм русских имен [Суперанская 2017]. Прикамская специфика народных форм личных имен отражена в работах Е.Н. Поляковой [Полякова 2007, 2010] и И.А. Подюкова (в том числе в антропонимии старообрядцев) [Подюков 2020]. Вариативность региональной старообрядческой антропонимии фиксируется в исследованиях с конца XX в. [Муратова 1994, Кузнецова 2006, Abramowicz 2007, Назаров 2009, Боровик 2019, Ziółkowska-Mówka 2018, Плотникова 2019, Архипова 2021]. Проанализирована вариативность именника старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. [Запольских 2023]. Данная статья является обобщающим исследованием вариативности антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья, куда с самого начала раскола церкви в сер. XVII в. на протяжении столетий переселялось большое число последователей старой веры из разных регионов России.

Материал исследования – записи в архивных метрических книгах о рождениях за XIX – первую треть XX вв. (ГАПК, КПОГА) и в метриках современных старообрядческих общин с записями рождений за 1925–2024 гг. Общее число извлеченных из метрик старообрядческих имен – 6948 (с повторами и вариантами), из которых 3378 – это мужские имена, 3570 – женские.

Самая информативная доля именослова – это личные имена из метрик старообрядческих общин (2791 имя или 40% именослова). Собственноручно записанные наставниками общин, именно они наиболее точно отражают старообрядческие особенности антропонимии. Примерно тот же удельный вес у личных имен из метрических книг православных церквей (3211 имен или 46% именослова), в которых зафиксированы имена старообрядцев при присоединении «из раскола» к РПЦ. Имена в них записывали священнослужители РПЦ, поэтому православные метрики не точно отражают старообрядческие особенности антропонимии. По записям метрических книг единоверческих церквей РПЦ исследуются имена старообрядцев, перешедших в единоверие, т. е. принявших священство РПЦ (946 имен или 14%).

Современные общины расположены в Лысьве, Очере и Перми. Общины столетней давности наиболее концентрированно представлены в Среднем Прикамье² – это Богородская, Больше-Лысьвен-

ская, Васильевская, Куминская, Мало-Загарская, Морозовская, Очерская, Пермская, Стряпунинская общины (Ильинский, Очерский, Лысьвенский р-ны, Краснокамский муниципальный округ Пермского края и г. Пермь). В Северном Прикамье исследуются Антипинская и Голяшевская общины (Красновишерский, Соликамский р-ны), в Южном – Землягашская община (Кудинский р-н). Антропонимия присоединенных «из раскола» к РПЦ старообрядцев и единоверцев из православных метрик также распределяется по всему Пермскому Прикамью: в Северном Прикамье (Гайнский, Соликамский, Усольский, Чердынский, Юрлинский и др. р-ны), в Среднем Прикамье (Курашимский завод в Пермском р-не, Лысьвенский завод в Лысьвенском р-не, Рождественский завод в Частинском р-не, Юго-Кнауфский завод в Кунгурском р-не), в Южном Прикамье (Камбарский завод в Камбарском р-не Удмуртии³).

В сословном составе преобладают крестьяне (78%), выделяется прослойка мастеровых и работников заводов (9%) и пр. Разнообразно представлены старообрядческие согласия: австрийцы (РПСЦ, Белокриницкая иерархия), беспоповцы, поморцы, беглопоповцы, федосеевцы, часовенные, странники, единоверцы.

Таким образом, объектом исследования выступают личные имена старообрядцев преимущественно крестьянского сословия из разных согласий (как беспоповских, так и беглопоповских) и общин, которых объединяет проживание на территории Пермского Прикамья, края исторического распространения старообрядчества.

Особенности вариативности личных имен старообрядцев Пермского Прикамья

А.В. Суперанская, описывая вариативность личных имен общерусского именника, строго разграничивает неофициальные формы имен (народные, разговорные, семейные и т.п.) и официальные, подчеркивая, что «официально записанная форма не терпит варьирования» [Суперанская 1969: 171]. Однако это правило не вполне применимо в отношении старообрядческой антропонимии. Старообрядческая традиция допускает вариативность личных имен не только в живой речи или бытовой письменности, но и в книжно-деловой письменности. Записи метрических книг помимо церковнославянских форм имени (менее адаптированных к нормам русского языка) также содержат большое число народных форм (более адаптированных к нормам русского языка): при крещении могли записать как *Агаѡя* и как *Огафья*, как *Ксеня* и как *Аксинья*, как *Иларіонъ* и как *Ларіонъ*, как *Мартиніанъ* и

как *Мартемьянь* и т. д. Такая допустимость опирается на многовековые устои: в Древней Руси в антропонимии действовал принцип допустимой вариативности, когда официальная запись (в богослужебных книгах и летописях) допускала варьирование антропонимов, причем даже в пределах одного текста [Запольских 2023: 149–151]. Отсюда в старообрядческой культуре иное отношение к народным формам имен, которые рассматриваются как допустимые и легитимные для официальной записи в метрики. Иными словами, отличительная черта вариативности старообрядческой антропонимии – это официальный статус народных форм имен. Данное положение вещей подкрепляется отсутствием в старообрядческой традиции единого канона именования: в разных старообрядческих календарях состав поминаемых святых и варианты их имен не тождественны и включают в том числе народные формы. К примеру, имя святого Иамвлиха Ефесского (память 4 августа, 22 октября по старому стилю здесь и далее) в святцах 1910 г. (КУ) выглядит как *Аливлихъ*, в святцах 1915 г. (КБ) – *Амблихъ*, в святцах 1945 г. (КАМ) – *Амелих*, в святцах 2024 г. (КДКЕ) – *Амблих* (*Иамблих*, *Иамвлих*) и т. д. Отсутствие в старообрядческой традиции единого канона именования можно противопоставить никонианской традиции, где есть единые канонические святцы с каноническими формами имен святых.

Другой характерной особенностью вариативности старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья является насыщенность народными формами имен. Вместе с церковнославянскими формами они образуют длинные ряды вариантов имен: *Мариамия* – *Маріямія* – *Мареамия* – *Мареомия* – *Мариомія* – *Маріамма* – *Мариамна* – *Мариамна* – *Маремъяна* – *Маремьяна* – *Маремъяна* – *Марімъяна*; *Семеонъ* – *Семионъ* – *Семйонъ* – *Семень* – *Симеонъ* – *Симіонъ* – *Сѣмеонъ* – *Сѣмионъ*; *Евдокіа* – *Евдокія* – *Евдакія* – *Евъдокія* – *Евьдокія* – *Едокія* – *Авдотья*; *Пулхерія* – *Пулхерія* – *Пулхирія* – *Полхерія* – *Полухерія* – *Полухерья*, *Агриппина* – *Агрипина* – *Агрепина* – *Аграпина* – *Огрофена* и т. д. Именники старообрядческих сельских общин Пермской губернии XIX – нач. XX вв. демонстрируют более высокий уровень вариативности (от 21% до 83% народных форм в именниках отдельных общин или 37% в среднем по 10-ти общинам) при сопоставлении с именниками единоверцев (7–8% народных форм) и православных того времени [Запольских 2024: 56]. А.И. Назаров, сравнивая старообрядческий именник Уральского казачьего войска и православный именник Петропавловска первой трети XIX в., также отмечает, что народные (разговорные) формы имен в метриках у ста-

рообрядцев встречаются чаще, а у православных – реже [Назаров 2009: 93].

Еще одна особенность вариативности старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья – это архаичность народных форм имен, что выражается в наличии старинных, в том числе реликтовых форм имен, которые в исследуемый период времени уже не были характерными для русского именослова. К примеру, в записях метрик первой трети XX в. (Богородской, Землягашской, Стряпунинской общин) встречаются формы имен, у которых между согласных – буквы *ъ/ь*, передававшие до падения редуцированных гласных сверхкраткие звуки: *Евъдокія*, *Евъсий*, *Ерьмолай*, *Корьнилей*, *Марьяфа* и т. д. Эти имена были преобразованы под влиянием общеславянского закона открытого слога еще в старославянском языке [Запольских 2023: 154–156]. Многочисленны мужские имена с преобразованной финалью *-ей<-и*, которые встречались в древнерусских текстах: *Артемей*, *Василей*, *Демитрей*, *Корнилей*, *Мерькулей* и т. д. [там же: 152]. Таким образом, стратиграфия вариантов старообрядческих антропонимов по времени их образования (трансформации) простирается вглубь веков – к южнославянским протограммам и древнерусским текстам.

Указанные особенности антропонимной вариативности складывались в культуре, которая ориентирована на почитание старых книг, не «оскверненных» справщиками Никона в ходе книжной реформы. Именно поэтому наречение в честь святых по старым богослужебным книгам (по до реформенным календарям Миней, Часословов, Требников и т. д.), которые содержат большой объем старинных народных форм агеоантропонимов, на многие века определило специфику вариативности старообрядческой антропонимии.

Вместе с тем, такие факторы, как время и городская среда, не остаются в стороне от старообрядческой традиции имянаречения, которая непрерывно развивается. Эти факторы влияют на снижение вариативности антропонимии: в первой четверти XX в. (1908–1918) в городских именниках общин Перми и Очера доля народных форм имен составляет 7% и 11% соответственно (ср. с показателями в 21–83% в сельских именниках старообрядческих общин Пермского Прикамья). Примерно такой же низкий уровень вариативности остается и в современных городских общинах: в метриках Перми – 11% народных форм имен, Очера – 7%. В метриках Лысьвы доля народных форм доходит только до 15%. Снижение вариативности антропонимии связано использованием в городских общинах современных старообрядческих святцев, которые содержат меньшее число народных форм имен в отли-

чие от старых богослужебных книг (в сельской местности доступность современных святцев ниже). Меняется и статус народных форм имен: настоятели современных городских старообрядческих общин Белокриницкой иерархии в Лысьве, Очере и Перми в интервью 2024 и 2025 гг. говорят о необходимости «правильной» записи имен в метрики, что означает запись имени в форме, указанной в современных святцах [Запольских 2025: 144] – преимущественно церковнославянской. В связи с этим можно говорить о том, что в современных условиях развития городского именника старообрядцев Пермского Прикамья выявлена тенденция сглаживания его особенностей (снижение доли народных форм имен и их делегитимизация).

Типы вариантов личных имен старообрядцев Пермского Прикамья

Антропонимная вариативность развивалась в

процессе адаптации иноязычных имен в принимающем языке (старославянском, древнерусском и т.д.) и их функционирования в русском именослове, христианский пласт которого формировался из агеоантропонимии православного календаря. Соответственно вариативность старообрядческой антропонимии развивалась системно: языковая система, антропонимическая и агеоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию личных имен. О влиянии на вариативность личных имен фонетики, лексики (факторов языковой системы), антропонимных моделей (факторов антропонимической подсистемы) писали многие предшествующие исследователи (например, см. [Никонов 1969, Алабугина 1996]). К этому добавим факторы агеоантропонимической подсистемы – контаминацию агеоантропонимов и трансонимизацию календарной онимии (см. Таблицу).

Таблица

Влияние различных систем на антропонимию старообрядцев Пермского Прикамья и типы ее вариантов

Система/подсистема	Системный фактор	Типы вариантов антропонимов
Языковая система	→ Транскрибирование, транслитерация, калькирование	→ Конвертированные
	→ Исторические языковые процессы, образование аллегорфимов, народная этимология	→ Освоенные
Антропонимическая подсистема	→ Влияние антропонимных основ и формантов	→ Унифицированные
Агеоантропонимическая подсистема	→ Контаминация агеоантропонимов	→ Контаминированные
	→ Трансонимизация календарной онимии	→ Трансонимизированные

При определении типов вариантов личных имен мы ориентируемся не на характер трансформаций (данная классификация типов представлена А.В. Суперанской [Суперанская 1969]), а на их причину – системный фактор трансформаций. Рассмотрим влияние каждой системы/подсистемы на трансформации антропонимов и их результаты (типы вариантов имен) отдельно.

I. Языковая система

Христианские имена иноязычного происхождения (греческого, латинского, еврейского и т.д.) встраивались в систему принимающего языка, подчиняясь его законам и нормам. А поскольку язык обладает возможностью различным образом передавать одни и те же факты иноязычной фонетики и орфографии [Суперанская 1969: 172], это приводило к различным результатам адаптации одного и того же антропонима.

На первоначальном этапе адаптации иноязычные имена передавались через транскрип-

цию, транслитерацию и калькирование. Самый частый способ передачи – транскрипция, но отдельные буквы и их сочетания могли передаваться в транслитерации. Например, в транскрипции греч. Μάρθα – это *Марфа–Марта*⁴ (разные варианты передачи греч. θ – тэты), а *МарѠа* – вариант с транслитерацией тэты славянской фитой: Ѡ<θ; в транскрипции греч. Εὐπραξία – это *Евпраксия*, а *Еупраξиѡа* – вариант с транслитерацией ξ<ξ, ευ<ев (греч. ευ на момент заимствования имени уже звучал как [ev]) [Толкачев 1973: 258, SJS]. Калькирование – самый редкий способ передачи иноязычного имени путем буквального перевода его значения. Например, имена *Вера*, *Надежда* и *Любовь* – это буквальный перевод греч. Πίστις, Ἐλπίς и Ἀγάπη (SJS). Вместе с тем в старых книгах имена этих святых встречались и в транскрипции: *Вист(a)* (описка в<п), *Ел'нида–АлтидѠа(а)–ГѠл'ниад(а)* и *Агани(а)–Ани(а)* (ВМЧ). Все эти способы можно обобщенно назвать «конвертацией», что означает передачу ино-

язычного имени в принимающем языке через его фонетику, графику или семантику. В соответствии с этим варианты имен первичной адаптации (транслитерированные / транскрибированные / калькированные) в старообрядческом именослове мы классифицируем как **конвертированные**.

Главной задачей конвертации является передача заимствованного имени близко к иноязычному оригиналу, поэтому такие варианты имен по своей морфологической и фонетической структуре обычно отличаются от слов языка-преемника, воспринимаясь в нем как инородные включения. Примечательно то, что конвертация одного имени может быть вариативной в зависимости от ее вида и разного способа передачи одних и тех же фактов иноязычной фонетики и орфографии.

Конвертация имен связана с первым южнославянским влиянием, когда после крещения Руси распространялась славянская письменность, созданная на основе южнославянского диалекта святителями Кириллом и Мефодием, из которой мы получили имена святых. Также нам известно о втором южнославянском влиянии XIV–XVI вв., когда в потоке новой южнославянской литературы русские христианские имена подверглись «исправлению» или «восстановлению» по южнославянским образцам. Имена святых заново транскрибировались, транслитерировались и калькировались с греческого языка.

Появившиеся в письменном церковнославянском тексте конвертированные варианты имен не были еще освоены языком, т.е. не подверглись видоизменениям в народной речи. В антропонимических словарях такие варианты часто идентифицируются как церковнославянские, церковные или полные календарные формы имен. Конвертированные варианты имен составляют большинство в старообрядческих календарях и в прикамском старообрядческом именослове: *Авраамій, Агавія, Дарія, Димитрій, Евѡимій, Їеремія, Їоаннь, Любовь, Сисой, Стефанъ, Татіана, Теодоръ* и т.п.

Дальнейшая адаптация имен происходила через их «огранку» в речевой стихии и народном сознании. В антропонимических словарях такие варианты идентифицируются как народные, разговорные, просторечные формы имен, что подразумевает их бытование в живой речи (заметим, что к народным формам относятся и последующие типы вариантов имен, трансформированные под влиянием факторов антропонимической и агдиоантропонимической подсистем). В словаре русской ономастической терминологии заимствованные имена, которые в языке-преемнике освоены лексически, морфологически и фонетически, названы **освоенными** [Подольская 1988]. Для

них характерны трансформации разного рода, нередко комбинированные и асинхронные, что говорит об их глубокой интеграции в русский язык.

Основным фактором трансформации антропонимов в системе языка выступают исторические языковые процессы, хронология которых начинается с заимствования имен святых в старославянский язык. Приведем те из них, которые в разное время оказали влияние на дореформенный русский именослов (с примерами, сохранившимися в антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья):

- Действие общеславянского закона открытого слога – имена со вставкой между согласными для «открытия» слогов букв ъ/ь, передававших до падения редуцированных гласных сверхкраткие звуки: *Акинѡдин, Арѡкадеи, Арѡтемей, Варѡвара–Варѡвара, Гевѡгенія, Георѡгій–Гегорѡгій, Евѡдокия–Евѡдокия, Евѡсий, Евѡсегній–Евѡсегній, Ерѡмолай* и т.п., в том числе с надстрочным написанием: *Авѡтономъ, Анѡна, Евѡдокія, Евѡсевій*. Преобразования этого типа можно проследить начиная с ранних богослужебных текстов еще южнославянского происхождения, в которых есть те же имена с ъ/ь в тех же позициях, что и в рассмотренных метриках [Запольских 2023: 155], где такие написание имен были данью старой орфографической традиции;
- Устранение нехарактерного для славянских языков зияния – имена со стяжением тождественных гласных: *Гаврило* вместо *Гаврииль*, где [i]<[ii], *Аврамъ, Исакія* вместо *Авраамъ, Исаакія*, где [a]<[aa]; имена с упрощением двойных сочетаний гласных: *Денись, Димитъ, Семень, Федоръ, Федось, Федосья, Федотъ* и т.п. вместо *Деонись, Диомитъ, Семеонъ* и т.д., где [e]<[eo] / [i]<[io]; имя с упрощением тройного сочетания гласных: *Акимъ* вместо *Иоакимъ*, где [a]<[ioa]; имена со вставкой интервокального согласного: *Гегорѡгій* вместо *Георгій*, где [ego]<[eo], *Андріанъ, Доментіанъ, Емеліанъ, Іуліянія, Їяковъ, Кипріянь, Лукіянь, Маріямія, Мартиніянь, Олимпіяда* и т.п. вместо *Андріанъ, Доментіанъ, Емеліанъ* и т.д., где [ija]<[ia], *Іванъ* вместо *Іоаннь* (через *Іованъ*), где [iva]<[iova]<[ioa], *Івоило* вместо *Іоуиль*, где [ivoj]<[ioi]. Данные трансформации достаточно частотно и территориально равномерно представлены в старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья;
- Упрощение нехарактерных для структуры древнерусского слога групп согласных – имена со стяжением тождественных согласных: *Агей, Генадій, Їоанъ, Калиникъ, Калистратъ, Филипъ* и т.п. вместо *Аггей, Геннадій, Їоаннь*

и т. д.; имена с выпадением согласных: *Аксентий*, *Алексадръ* – *Алесадръ*, *Алексадра* – *Алесаандра*, *Васились*, *Евлапій*, *Елеферій*, *Клеметей*, *Констатинъ*, *Ксенефат*, *Лукирія* и т. п. вместо *Авксентий*, *Александръ*, *Васились* и т. д.;

- Тенденция к изотональности слогов – имена с межслоговой ассимиляцией по тону: *Аграпина*, *Дементій*, *Ксенефатъ*, *Нестеръ*, *Никиферъ*, *Палагія*, *Өалалей* вместо *Агрипина*, *Доментій*, *Ксенофатъ*, *Несторъ*, *Никифоръ*, *Пелагія*, *Өалелей*;
- Древнерусская передача *v* (ижицы) – имена *Акулина*, *Анфуса*, *Лукирья*, где первоначальная *v* в именах (из греч. *v* – ипсилон) звучит как [u], вместо *Акилина*, *Анфиса*, *Ликурья*, где более поздний вариант произношения *v* – [i];
- Древнерусское оканье, которое сохранилось в севернорусских говорах, – имена с заменой [o]<[a] вследствие диалектного произношения: *Аностасія*, *Афонасей*, *Афонасія*, *Елизовета*, *Никоноръ*, *Огафья*, *Огрофена*, *Поросковья* и т. п. вместо *Анастасія*, *Афанасей*, *Елизавета* и т. д.;
- Исправление чуждой для древнерусского языка фонетики – имена с заменой звука [f], который изначально отсутствовал в древнерусском: *Евгравъ* (<*Евграфъ*), *Їосивъ*, *Матвей*, где [v]<[f], а также *Степанъ*, *Степанида*, где [p]<[f];
- Падение редуцированных гласных – имена с трансформацией финали -ей<-ий и -ея<-ия в связи с изменением напряженного редуцированного [i] в положении перед [j] [Толкачев 1973: 258, Добряк 1974: 82]: *Антоней*, *Артемей*, *Афанасей*, *Василей*, *Внифантеи*, *Григорей*, *Гурей*, *Демитрей*, *Евгеней*, *Ефимей* и т. п., где [ej]<[ij], и *Пелагея*, *Аскитрея*, *Соломея*, где [eja]<[ija] (здесь же *Афанасть*, *Прокопъи*, *Сергъи* и *Ефимъя*, *Клавдъя*, *Маръя*, *Наталъя*, *Ефимъя* – при смешении е//ѣ); женские имена с трансформацией финали -ья<-ия в связи с утратой редуцированного [i]: *Агафья*, *Анастасья*, *Анисья*, *Аѳанасья*, *Гликерья*, *Дарья*, *Евфросинья*, *Зиновья*, *Ксенья*, *Марья* и т. п., где [ja]<[ija]. Данные трансформации наиболее частотно и территориально равномерно представлены в старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья;
- Оглушение звонких согласных на конце слова после падения редуцированных гласных – имена *Давытъ*, *Димитъ*, *Леонитъ* вместо *Давыдъ*, *Димидъ*, *Леонидъ*;
- Старорусское аканье, которое сохранилось в южнорусских говорах, – имена с заменой [a]<[o] вследствие диалектного произношения: *Автаномъ*, *Евдакія*, *Ирадион*–*Радионъ*,

Капеталина, *Фамаида*, *Якав* вместо *Автономъ*, *Евдокія*, *Иродион* и т. д.

Другим фактором трансформации антропонимов в системе языка была необходимость образования аллегрформ – форм имен в быстрой речи [Суперанская 1969: 123–124], которые сокращались через выпадение фонем и их групп:

- Аферезис (усечение начала): имена *Ларіонъ* (<*Иларіонъ*), *Настасія* (<*Анастасія*), *Сидоръ* (<*Исидоръ*), *Стафей* (<*Евстафей*), *Филактъ* (<*Феофилактъ*);
- Синкопа (стяжение середины): имена *Евсіи* (<*Евсевій*), *Секлитія* (<*Секлитикія*);
- Апокопа (усечение финали): имена с усечением финали -ий, воспринимаемой формообразующим аффиксом, – *Антонъ*, *Ефимъ*, *Епифанъ*, *Ермъ*, *Макаръ*, *Назаръ*, *Парфенъ*, *Пахомъ*, *Потапъ*, *Софронъ* и т. д.

Отдельную роль в трансформации антропонимов в системе языка сыграл семантический фактор – стремление осмыслить непонятное значение иностранных имен, т.е. народная этимология. Имена подвергались декомпозиции по семантическим аналогиям: *Ведениктъ* (ср. *ведать*) вместо *Венедиктъ*, *Костенкинъ* (ср. *костенки*, *кости*) вместо *Константинъ*, *Селиверстъ* (ср. *селѡ*, *верста*) вместо *Сильвестръ*, *Февруса* (ср. *февраль*) вместо *Фервуса*, *Филинцата* (ср. *филин*) вместо *Фелицата*. Декомпозиция осуществлялась в основном через метатезу (*Ведениктъ*<*Венедиктъ*: -ден<-нед-; *Февруса*<*Фервуса*: -вр<-рв-), а также через выпадение и вставку согласных фонем (*Костенкинъ*<*Константинъ*: выпадение [n], *Филинцата*<*Фелицата*: вставка [n]), субституцию фонем (*Костенкинъ*<*Константинъ*: [e]<[a], [k']<[t']) и ассимиляцию гласных (*Филинцата*<*Фелицата*: -или<-ели-).

II. Антропонимическая подсистема

Появившись на Руси, христианские имена должны были встраиваться в местную систему дохристианских имен, и еще несколько столетий они существовали параллельно (резкое сокращение дохристианских имен отмечается только в XVII в.). В то же время во взаимодействие друг с другом приходили заимствованные имена. Так взаимодействия приводили к внутрисистемному выравниванию имен по одному типу – к адаптации под влиянием антропонимных основ и формантов. Результатом этих процессов была унификация групп антропонимов, т.е. «приведение имен собственных к единой системе, форме (к единообразию)» [Подольская 1988], поэтому в старообрядческом именнике мы классифицируем такие варианты имен как **унифицированные**.

Унификация имен в антропонимической подсистеме под влиянием антропонимных формантов приводила к морфологическим трансформациям:

- Влияние славянского форманта финали -ило (как в славянских именах *Судило*, *Будило*, *Гостило* и т.д.) – имена с трансформацией финали -ило/-йло<-иль/-иль: *Гаврило*, *Ермило*, *Ивойло*, *Кирило*, *Михаило*–*Михайло* вместо *Гавриль*, *Ермилъ*, *Иоиль* и т. д.;
- Влияние славянского форманта финали -ей/-ѣй (как в славянских именах *Малей*, *Поздей*, *Вепргѣй* и т.д.) – имена с уже упомянутой трансформацией финали -ей/-ѣй<-ий: *Антоней*, *Василей*, *Прокопѣй* и т. п., поскольку их адаптация могла протекать многофакторно;
- Влияние славянского форманта финали -анъ (как в славянских именах *Губан*, *Ждан*, *Лобан* и т. д.) – имена с трансформацией финали -анъ<-онъ: *Конан*, *Тиханъ* вместо *Конон*, *Тихонъ* (<греч. Κόνων, Τύχων (SJS));
- Влияние форманта финали -ина (как в именах *Агрипина*, *Марина*, *Ирина* и т. д.) – имя *Домнина* с заменой финали -ина<-ика вместо *Домника*;
- Влияние форманта финали -ида (как в именах *Зинаида*, *Ираида*, *Стефанида* и т. д.) – имя *Антонида* с заменой финали -ида<-ина вместо *Антонина*;
- Влияние флексии христианских имен -ий/-ей, воспринятой как антропонимный формант, – имена с заменой финали -ий/-ей<-ъ/-а: *Климентій*, *Кондратій*, *Силантей*, *Фокій* вместо *Климентъ*, *Кондратъ*, *Силан* (*Силуанъ*), *Фока*;
- Влияние флексии христианских имен -ья (-ия), воспринятой как антропонимный формант, – имена с заменой финали -ья<-а: *Валентинья*, *Христинья* вместо *Валентина*, *Христина*.

Также имена унифицировались под влиянием антропонимных основ, в связи с чем происходила гиперкоррекция:

- Восприятие групп согласных нт/нд/ндр как структурно опорных в христианских именах [Суперанская 1969: 181] – имена со вставкой «недостающих» согласных: *Арсентей*, *Андріанъ* – *Андреянъ*, *Внифантій*, *Мелентий*, *Силантей*, *Плантонида* вместо *Арсений*, *Адріанъ*, *Внифатій* и т. д.;
- Восприятие групп фонем евф/еф/ев как эквивалентных в христианских именах – имена с варьированием евф/еф/ев: *Евфтихій* – *Ефтихій* вместо *Евтихій*, *Евросинія* – *Ефросинія* вместо *Евфросинія*, *Ефрасія* вместо *Евфрасія*, *Ефимія* вместо *Евфимія*, *Ефимій* вместо *Евфимій* (ср. с *Евфарест* – *Еварест*, *Ефст-*

рат – *Евстрат*, *Евросим* – *Ефросин* – *Евфросин* в словаре [Суперанская 2017]);

- Уподобление по фонетической близости – имя *Полухеря* (ср. *Полуян*, *Полукет*, *Полукарп*) вместо *Пульхерія*, а также уже упомянутое имя *Селиверстъ* (ср. слав. *Селимир*, *Селислав*, *Селибор* и т.д.) вместо *Сильвестръ*, поскольку его адаптация могла протекать многофакторно.

III. Агиоантропонимическая подсистема

Под агиоантропонимической подсистемой мы подразумеваем совокупность агиоантропонимов, способ их организации (дни памяти святых годового круга) и совокупность агиографических источников (календари-святцы, Минеи, Прологи и т. д.). Традиция имянаречения в честь христианских святых по именинам календаря, отмененная после революции 1917 г., непрерывно сохраняется в старообрядчестве. Поэтому агиоантропонимическая подсистема не только влияла на именослов в момент его наполнения христианскими именами, но и взаимодействовала с ним на протяжении столетий: к календарю обращаются каждый раз при выборе имени.

Результатом такого взаимодействия являются **контаминированные** имена, которые появились вследствие наречения в честь таких христианских святых, имена которых или отдельные компоненты их именных формул подверглись смешению. Примеры прикамских старообрядческих имен, появившихся в результате контаминации агиоантропонимов:

- *Марковей* – это смешение агиоантропонимов, которое появилось вследствие почитания святого *Маркелла Маккавея* (1 августа), два компонента именной формулы которого (личное имя *Маркелъ* и родовое имя *Маккавей*) сомкнулись в одно имя по схеме Марк- (<Маркелль) + -вей (<Макка-вей);
- *Евпроксинія* – это смешение агиоантропонимов *Евпраксія* и *Евфросинія*, которое появилось вследствие почитания святой *Евфросинии Полоцкой* (25 июня), в житии которой упоминается имя ее двоюродной сестры и ближайшей соратницы – *Евпраксии*, что могло спровоцировать смешение этих имен по схеме Евпрок- (<Евпрак-сія) + -синія (<Евфро-синія). Другим примером влияния агиоантропонимической подсистемы на именослов выступают имена, появившиеся вследствие трансонимизации – перехода онима одного разряда в другой [Подольская 1988], поэтому мы классифицируем такие варианты имен как **трансонимизированные**.

Подобные примеры антропонимов в русском именослове отмечал еще В.А. Никонов, характе-

ризуя их как «анекдотичную» форму ошибочной адаптации имен, при которой указанные в календарях сведения о должности или происхождении святых – их прозвища – принимались за личные имена и использовались в наречении. Так прозвище по должности святого Федора *стратила-та* («полководца») дало жизнь имени *Стратилат*. Аналогична история происхождения у имени *Нотарий*, которое переводится как «канцелярист» [Никонов 1969: 73]. Попавшим в русский антропонимикон «по недоразумению» В.И. Супрун называет имя *Воин*, которым нарекали по именинам мучеников Зосимы Аполлониадского Воина (19 июня) и Иоанна Воина (30 июля), у которых *воин* – это прозвище по деятельности [Супрун 2023: 14].

В нашем именослове к данному типу относится имя *Макавей*, наречение которым было совершено по именинам 1 августа, когда празднуется память семи братьев *Маккавеев* (по имени их предка Иуды Маккавея). Родовое имя *Маккавей*, указанное в календаре, перешло в разряд личных имен (ср. отантропонимные фамилии *Маккаев*, *Макавенко*, *Макавейн* и т. д.).

Еще один случай – переход календарного экклезионима – названия «места совершения обряда, места поклонения любой религии» [Подольская 1988] – в разряд антропонимов вследствие ошибочного принятия его за агеоантропоним. По именинам 22 февраля именем *Евгенія* названа старообрядка 1910 г.р. Формулировка в календаре на эту дату «Обрѣтеніе мощей св. м-къ въ Евгеніи» (КУ) (т. е. празднование обретения мощей мучеников, найденных у *Евгениевых* ворот в Царьграде, где впоследствии был построен храм) могла сбить с толку и спровоцировать наречение по названию священного места обретения мощей («*Евгеніи*» – форма экклезионима, которая похожа на классическое календарное упоминание имени святого в родительном падеже).

Результаты

Исследование показало, что вариативность антропонимии у старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. обладает своей спецификой, которая обусловлена закрытостью старообрядческой культуры и самобытностью ее традиций наречения. Среди ее характерных черт: насыщенность народными формами имен, их архаичность и официальный статус в книжно-деловой письменности. Данные черты определило наречение в честь святых по старым богослужебным книгам (по дореформенным календарям Миней, Часословов, Требников и т.д.), тексты которых содержат большой объем старинных народных форм агеоантропонимов. В современных условиях развития городского именника старообряд-

цев Пермского Прикамья выявлена тенденция сглаживания его особенностей (снижение доли народных форм имен и их делегитимизация).

Вариативность старообрядческой антропонимии развивалась системно: языковая система, антропонимическая и агеоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию личных имен. Разные системные факторы (конвертация имен, исторические языковые процессы, образование аллевроформ, народная этимология, влияние антропонимных основ и формантов, контаминация агеоантропонимов, трансонимизация календарной онимии) определили разные результаты трансформации антропонимов. Классификация типов вариантов имен включает конвертированные, освоенные, унифицированные, контаминированные и трансонимизированные варианты прикамских старообрядческих имен.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

² Деление Пермского края на историко-этнографические зоны (Северное, Среднее и Южное Прикамье) производится по классификации А.В. Черных [Черных 2020: 12–13].

³ Камбарский район Удмуртии (Камбарская волость) по административно-территориальному делению в Российской империи XIX в. находился в составе Осинского уезда Пермской губернии.

⁴ Имя *Марта* не встречается у прикамских старообрядцев. Оно приведено здесь в качестве примера вариативной конвертации, которая встречается в самых ранних старославянских текстах: Зографское, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие, Саввина книга и пр. Греческая тэта, звука которого не было в славянском языке, при конвертации могла передаваться разнообразно славянскими фонемами и буквами (был даже вариант *Марха*).

Список источников

ВМЧ – Минеи-Четьи митрополита Макария. [В 12 т.: сентябрь–август], сер. XVI в. // Государственный исторический музей. Инв. № Син. 986–997.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. ф. 37, 352, 420, 719. Метрические книги.

КАМ – Старообрядческий церковный календарь на 1945 г. Издание Старообрядческой архиепископии Московской и всея Руси. М.: 1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. 40 с.

КБ – Старообрядческий календарь на 7423–7424 лето. М.: Изд-во Моск. Старообр. Братства Честного и Животворящего Креста Господня, 1915. 58 с.

КДКЕ – Православный старообрядческий церковный календарь на 2024 г. Ростов-на-Дону: изд. Донской и Кавказской епархии. 162 с.

КПОГА – Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. ф. 19, 21. Метрические книги.

КУ – Старообрядческий месяцеслов-календарь. Уральск: Изд-во Уральской Старообр. тип., 1910. 92+XXIV с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVIII веков. Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. 464 с.

Поротников П.Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен. I–II // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 5–28. 1982. С. 90–115.

Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: «ЛИБРОКОМ», 2017. 368 с.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1–4. Lexicon linguae palaeoslovenicae / hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha: Nakl. Československé Akad. Věd, 1958–1997.

Список литературы

Алабугина Ю.В. Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов / отв. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 91–96.

Архипова Н.Г. Антропонимы в речевой практике старообрядцев Южной Америки // Ономастика Поволжья: мат-лы XIX Междунар. науч. конф., посвященной 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля, Оренбург, 11–12 ноября 2021 г. / ОГПУ. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. С. 90–95.

Барышникова Э.Д. Трансформация личных собственных имен иноязычного происхождения и уменьшительные формы от них в говорах Кировской области // Уч. зап. Уральск. гос. ун-та. Филология. 1969. Вып. 8, № 80. С. 68–74.

Боровик Ю.В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 30–47.

Ганжина И.М., Черненко М.Ю. Личные имена и прозвища средневековой Твери // Ономастика Поволжья: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Кострома: КГУ, 2020. С. 263–270.

Добряк А.А. Диалектные явления в ономастической лексике нижнетагильских памятников деловой письменности XVIII–XIX вв. // Вопросы ономастики. 1974. № 7. С. 80–86.

Добряк А.А., Поротников П.Т. Варианты полных личных имен в составе фамилий жителей Верхотурского и Нижнетагильского районов Свердловской области // Вопросы ономастики. 1974. № 8–9. С. 57–76.

Запольских Е.В. Вариативность именника пермских старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 144–163.

Кузнецова Я.Л. Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, прагматика (на материале Первой всероссийской переписи 1897 г.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 17 с.

Кюришнова И.А. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV–XVII веков // Научный диалог, 2019. № 9. С. 123–129.

Муратова Е.Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 21 с.

Назаров А.И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. С. 54–78.

Плотникова А.А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 48–60.

Подюков И.А. Формы личного имени в пермской диалектной речи // Социо- и психолингвистические исследования, 2020. Вып. 8. С. 132–137.

Полякова Е.Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь: ПГУ, 2010. 280 с.

Семыкин Д.В. Антропонимия Чердынской ревизской сказки 1711 года: К проблеме становления официального русского антропонима: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.

Симина Г.Я. Бытовые варианты личных имен (по материалам древних письменных памятников и современной антропонимии Пинежья) // Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 189–194.

Скребнева Т.В. Антропонимная вариативность: проблемные вопросы, специфика проявления в региональном именнике // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Гуманитарные науки, 2008. № 7. С. 236–243.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Унив. тип., 1907. 309 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственно-го. Фонология и морфология М.: Наука, 1969. 207 с.

Супрун В.И. Русская и болгарская антропонимические системы: к проблемам сопоставитель-

ной ономастики // К юбилею Зои Кузьминичны Шановой. XXVII Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Сб. мат. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2023. С. 10–20.

Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Изд. 3-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.

Толкачев А.И. Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, 1973. М.: Наука, 1973. С. 252–271.

Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. III. // Этимология, 1976. М.: Наука, 1978. С. 112–135.

Успенский Б.А. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения рус-

ских собственных имен) // Вопросы языкознания. № 5. 1969. С. 80–103.

Устинович А.К. Мужские личные имена в Гродненских и Брестских актах XV–XVII вв. // Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 262–266.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Мужская одежда. СПб: Изд-во «Маматов», 2020. 540 с.

Шахматовъ А.А. Исслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1893. 317 с.

Abramowicz Z. Imiona chrześcijańskie staroobrzędowców polskich (charakterystyka fonetyczna) // Białostockie Archiwum Językowe, 2007. № 7. Pp. 17–28.

Ziółkowska-Mówka M. System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziółkowska-Mówka. Toruń: EIKON, 2018. 469 p.

TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF PERSONAL NAME VARIANTS OF OLD BELIEVERS OF PERM PRIKAMYE IN THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURIES

Evgeniya V. Zapolskih

Junior researcher, Philological Faculty

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The paper is devoted to the typological description of 6948 personal name variants among the Old Believers in Prikamye from the 19th to the first quarter of the 21st centuries (a total of naming). These variants represent various forms of personal names (Church Slavonic and popular name forms) recorded in official records (in birth registers of metric books). Converted, adopted, standardized, contaminated and transonymized name variants are described. The classification of name variant types is based on the cause of their transformations – a systemic factor – since the linguistic system, anthroponymic and hagioanthroponymic subsystems influenced name transformations.

Key words: anthroponyms; variability of names; types of name variants; Old Believers; metric books; Prikamye.

УДК 81'276=581:81'37

ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ЖАРГОНА: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Мария Андреевна Гранова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

Арина Артемовна Деменева

студент филологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, Букирева, 15. a58825794@gmail.com

Работа посвящена рассмотрению в семантико-мотивационном аспекте лексики китайского студенческого жаргона. Цель исследования – определение мотивационной базы данных единиц и построение мотивационных моделей, по которым происходит развитие их семантики. Материалом исследования послужил 31 жаргонизм, собранный в ходе анкетирования китайских студентов Пермского государственного национального исследовательского университета. Установлено, что мотивационную базу для лексики китайского студенческого жаргона составляют единицы 7 семантических сфер: наибольшее число жаргонизмов образовано от единиц мотивационной сферы «Человек»; на втором месте по объему образованных жаргонных единиц сферы «Природа» и «Питание»; отдельные жаргонизмы возникли на базе лексем сфер «Цвет», «Время», «Пространство» и «Информационные технологии». Выявлено, что жаргонизмы отражают суть важных явлений студенческой жизни китайцев, главное среди которых – гиперконкуренция между обучающимися.

Ключевые слова: семантико-мотивационный анализ; семантико-мотивационные модели; лексика; жаргонизм; студенческий жаргон; китайский язык.

Введение

Китайский язык имеет богатую и долгую историю развития длиной более чем в 4000 лет. На современном этапе развития он представляет собой неоднородное, гетерогенное образование со сложной социальной стратификацией, в котором наряду с литературным языком путунхуа есть и другие идиомы (формы существования национального языка), в т. ч. жаргоны.

В российской лингвистике жаргон в самом общем виде определяется как «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии <...>, положения в обществе <...>, интересов <...> или возраста» [Арапов 1990: электр. ресурс].

В китайском языкознании существует термин 行话 hánghuà «арго, жаргон; профессиональный язык», понимаемый именно как язык представителей определенной профессии [Ван Синхуа 2016а: 119]. Однако в XXI в. внимание ученых привлекает не только речь тех членов китайского общества, которые уже получили профессию и осуществляют профессиональную деятельность,

но и тех, кто только учится. Таким образом, объектом исследования становится студенческий жаргон.

Студенческий жаргон – это один из видов профессионального жаргона [Шугаева 2024: 20], разновидность молодежного жаргона, распространенная среди учащихся высших учебных заведений [Захарова, Шуваева 2014: 8–9]. Таким образом, ключевыми характеристиками носителей рассматриваемой формы существования языка являются молодой возраст и обучение в высшем учебном заведении.

Как и любой жаргон вообще, студенческий жаргон отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает собственной фонетической и грамматической системой [Орлов 2014: 4]. Таким образом, системность здесь прослеживается именно на лексическом уровне.

Исследователи выделяют следующие основные функции студенческого жаргона: кодифицирующую, коммуникативную, когнитивную, номинативную, экспрессивную, мировоззренческую, эзотерическую, а также функцию экономии речевых

усилий; важнейшей функцией жаргона является формирование групповой идентичности [Шугаева 2024: 21].

Поскольку социальной базой студенческого жаргона выступает молодое поколение, которое является «наиболее активной частью социума, четко реагирующей на изменения во всех сферах общественной жизни» [Ван Синхуа 2016а: 120], эта форма существования национального языка, как и молодежный жаргон в целом, «отличается стремительной изменчивостью, текучестью лексической системы, диффузностью и открытостью ее границ» [Ван Синхуа, Курьянович 2016: 10]. Следовательно, студенческий жаргон «можно рассматривать как феномен, отражающий в целом закономерности и тенденции, свойственные национальному языку» [Ван Синхуа 2016а: 120].

Поэтому в настоящее время неуклонно растет интерес лингвистов к изучению китайского студенческого жаргона.

Отметим, что исследование жаргона китайских студентов ведется как китайскими, так и зарубежными (в т. ч. российскими) учеными. Так, лексика китайского студенческого жаргона рассматривалась, например, в аспекте причин и механизмов ее пополнения и трансформации [Астрамечкий 2021; Ван Синхуа 2016а; 2016б; Волосова 2017; Сун Цинхуа 2010]; в аспекте ее тематической классификации [Ван Синхуа 2016а; 2017а]; в сравнительном аспекте – в сопоставлении с молодежными жаргонами других языков (русского [Ван Синхуа 2017а; 2017б; Ли Мэньчжэ 2013; Сун Цинхуа 2010; Чэнь Янань 2018], корейского и японского [Ю Кон-Сю, Ван Сяоци 2014], башкирского [Абдуллина, Гильманова, Султанбаева 2019; Гильманова 2024]); в функциональном аспекте [Гильманова 2024]; в аспекте особенностей ее использования китайскими студентами, изучающими русский язык в российских вузах, вместе с жаргонизмами изучаемого языка [Суслова 2020]; в аспекте ее использования в преподавании китайского языка как иностранного [Дрейлих 2021]; в аспекте ее заимствования и освоения русским языком [Чжу Шаохуа, Кондаков 2015]; в структурно-семантическом аспекте [Демина 2021; Сбоев 2018]; в словообразовательном аспекте [Джимбеева 2015]. Отметим, что осуществляется также лексикографирование единиц китайского студенческого жаргона: они нередко включаются в общие словари китайского сленга (см., напр., [Ли Шуцзюань, Янь Лиган 2009; Щукин 2003]).

Как видно из приведенного обзора, работы, посвященные китайскому студенческому жаргону, еще очень немногочисленны; при этом многие из них рассматривают либо китайский молодежный жаргон в целом, либо интернет-сленг –

явление, пересекающееся со студенческим жаргоном. Процессы мотивации в китайской студенческой жаргонной лексике ранее не были предметом специального рассмотрения. Между тем, такого рода анализ внутренней формы слов позволяет перейти к изучению картины мира китайских студентов, поскольку, как отмечают лингвисты, студенческий жаргон как форма существования языка «несет в себе некий совокупный общественный опыт, отражает структуры обыденного, житейского сознания, субкультурную групповую специфику языка, особенности мировосприятия и мироощущения представителей молодых групп» [Андросова 2006: 9], в нем отражены «определенные правила общественной жизнедеятельности и социального взаимодействия, групповые нормы, установки и ценности, образцы поведения и деятельности», принятые в китайском социуме [там же], поэтому лексика студенческого жаргона может рассматриваться «как некая форма рефлексии, отражения человеческих отношений» [там же] и в целом картины мира китайских студентов как представителей определенного этноса и носителей определенной национальной культуры.

Отметим, что нами обнаружено всего несколько работ, посвященных студенческому жаргону как отражению китайской культуры и мировидения ее носителей. Так, данная тема поднимается в статье Ван Синхуа и А.В. Курьянович [Ван Синхуа, Курьянович 2016], однако там большее внимание уделяется отражению в студенческой жаргонной лексике процессов американизации китайской культуры и, соответственно, более пристально рассматриваются именно англицизмы, пришедшие в жаргон китайских учащихся высших учебных заведений. Чуть более подробно ситуация с использованием жаргонизмов китайской молодежью, в т. ч. студенческой, рассмотрена в работе Ван Синхуа [Ван Синхуа 2017б], однако и здесь акцент делается не на анализе развития той или иной семантики жаргонных единиц и отражении в ней национальной культуры китайцев, а именно на рассмотрении тех процессов (больше – экстралингвистических), которые привели к тем или иным тенденциям в формировании данного пласта китайского языка; при этом жаргонная лексика сопоставляется с аналогичной лексикой жаргона русской молодежи.

Наиболее близка к теме нашего исследования работа Хэ Яньли и В.С. Елистратова, в которой ставится задача описания особенностей культурно-языковой личности китайских студентов, проявляющихся в использовании ими различных жаргонных выражений [Хэ Яньли, Елистратов 2025]. В

указанной статье анализируется синхронная семантика студенческих жаргонизмов. На основе такого анализа авторы выявили некоторые характеристики китайских студентов: независимость от коллектива, стремление «сохранить лицо» (т.е. молчание на занятиях из-за страха совершить ошибку), стремление «угодить» преподавателю, соглашаться с какой-либо принятой точкой зрения, чтобы сохранить хорошие отношения; культ еды, существующий среди китайцев; желание обучающихся зарабатывать деньги, но при этом нежелание подстраиваться под напряженный график учебной жизни; стремление стать госслужащим как критерий успеха.

Таким образом, картина мира китайских студентов, отраженная в их языке, к настоящему времени остается малоизученной, что делает актуальным настоящее исследование, объектом которого является лексика жаргона китайских студентов. Отметим, что результаты работы в дальнейшем могут быть использованы для сопоставительных исследований китайских жаргонизмов с лексикой других языков с целью найти общее в миропонимании представителей различных народов и выявить отличительные черты, связанные с условиями жизни этносов, их социально-историческим развитием, особенностями национального характера и культурой. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны при преподавании китайского языка как иностранного, составлении лексических минимумов и учебных пособий, а также при организации образовательных и культурных обменов между Китаем и другими государствами (прежде всего – Россией).

Материал и методы исследования

Цель настоящего исследования – определение мотивационной базы китайских студенческих жаргонизмов и построение мотивационных моделей, по которым происходит развитие их семантики, что позволит выявить особенности картины мира китайских студентов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1) поиск мотивирующих единиц для анализируемых жаргонизмов и группировка последних в зависимости от семантики мотивирующего компонента (если жаргонная единица содержит несколько таких компонентов, она включается сразу в несколько групп);

2) определение семантических сфер-доноров, единицы которых являются производящими для рассматриваемых жаргонизмов;

3) построение мотивационных моделей, в соответствии с которыми происходит процесс формирования семантики анализируемых жаргонных единиц.

Методом сбора материала для работы послужило анкетирование, в котором приняли участие 50 информантов – китайских студентов-филологов 2, 3 и 4 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета, изучающих русский язык, – 25 мужчин и 25 женщин.

Анкета была полностью на китайском языке. Информантам предлагалось ответить на ряд вопросов о знании ими студенческого жаргона и ситуациях его использования, а также указать конкретные жаргонизмы, которые они сами знают и используют в своей речи, кратко описав их значение и приведя синонимы из русского студенческого жаргона (если последние были известны респондентам). Таким образом, всего было получено 74 реакции, из них 43 уникальных китайских жаргонизма.

Стоит, однако, отметить, что из семантического анализа мы исключаем ряд единиц, которые не были образованы путем семантического переноса:

1) выражения (всего их – 6), пришедшие в студенческий жаргон без изменения семантики из литературного языка путунхуа (什么意思? *shénme yìsi?* «что значит?», «какой смысл?» [БКРС: электр. ресурс]; 字面意思 *zìmiàn yìsi* «буквальный смысл, в буквальном смысле» [там же]; 惰怠 *duòdài* «ленивый, разболтанный, несерьезный» [там же]; 调休 *tiáoxiū* «перенос выходного дня» [там же]) и из местных диалектов (так, выражение 最近咋样? *zuìjìn zǎyàng?* «как дела?» (досл. «в последнее время как?» – пер. наш, М.Г., А.Д.) представляет собой диалектный вариант литературного вопроса 最近怎么样? *zuìjìn zěnmeyàng?* с тем же значением, используемого в качестве приговора [БКРС: электр. ресурс])¹;

2) звукоподражания (1 единица – 呵呵 *hē hē* – звукоподр., саркастический смех);

3) заимствования из английского языка без изменения семантики (всего – 3 единицы) (嗨 *hāi* – «хай», приветствие, результат фонетического (и графического) освоения англ. “hi”), в т. ч. образованные путем аббревиации и усечения (ddl «крайний срок» ← *deadline*; pre «презентация» (файл в формате ppt или pptx) ← *presentation*);

4) единицы (всего – 2), относящиеся к «цифровому жаргону», который используется при коммуникации в сети Интернет и возник из-за большой распространенности слов-омофонов в китайском языке, что в свою очередь связано с относительно небольшим набором возможных слогов китайского языка (например, в литературном языке путунхуа их всего около 400, они могут произноситься с пятью тонами, следовательно, количество возможных планов выраже-

ния в китайском языке – около 2 000). К «цифровому жаргону» относятся слова и выражения, которые фонетически (только по составу слогов либо по составу слогов и тонам) созвучны произношению цифр в китайском языке и поэтому в жаргонной речи записываются с их помощью². Так, отмеченный в наших материалах жаргонизм 6 liù «круто» возник вследствие фонетического созвучия китайской цифры «6», произносимой как liù, и слова 溜 liú, которое в литературном языке имеет значение «свободно, бегло (о владении навыком)» [БКРС: электр. ресурс], а в жаргоне означает «проворный, ловкий, крутой», т. е. «обладающий мастерством» [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]; выражение 886 bā bā liù «пока», прощание, основано на созвучии чтения китайской цифры 8 bā и английского слова bye; цифра 6 liù здесь созвучна с частицей 了 le, обозначающей завершенность, результат действия [Интернет-канал провинции Хэнань: электр. ресурс].

Таким образом, материалом исследования послужил 31 жаргонизм.

Мотивационные сферы и модели образования лексики китайского студенческого жаргона

Перейдем теперь непосредственно к семантическому анализу. Как уже сказано, исследуемые единицы были разделены на группы в зависимости от компонентов, мотивирующих их значение. Затем группы были отнесены к той или иной мотивационной сфере. Рассмотрим каждую из них подробнее.

1. Мотивационная сфера «Природа»

Всего к единицам данной мотивационной сферы восходят 6 единиц, собранных в ходе проведенного эксперимента, которые были распределены нами в 3 подгруппы.

1.1. Мотивационная подгруппа «Животные»

Первая тематическая подгруппа лексических единиц в рамках мотивационной сферы «Природа» включает названия животных.

Так, например, жаргонизм 社牛 shèniú «экстраверт»³ включает компоненты 社 shè «общество, общественный» и 牛 niú «бык, корова» [БКРС: электр. ресурс]. Мотивационную модель здесь можно представить следующим образом: «бык как стадное животное» → «человек, любящий общение и легко устанавливающий социальные контакты». При такой трактовке главным мотивационным признаком является «стадность», коллективизм этих животных.

С другой стороны, бык – достаточно крупное и физически сильное животное, и признак наличия физической силы может переосмыслиться

как обладание развитыми навыками в чем-л. и уверенности в себе. (Ср. зафиксированную лингвистами в молодежном жаргоне единицу 牛 niú «Круто!» [Свищук 2013: электр. ресурс], также образованную от названия данного животного и служащую для высокой эмоциональной оценки чего-л.; представляется, что в данном случае семантика слова также развилась на базе смыслов физической силы, выносливости быка, затем слово стало обозначать нечто хорошее, достойное высокой оценки, восхищения). В случае с жаргонизмом 社牛 shèniú мотивационную модель можно представить таким образом: «бык как физически сильное, выносливое животное» → «человек, обладающий развитыми социальными навыками, могущий без стеснения начать общение и установить контакт с любым человеком».

Другой интересный пример, который мы включили в данную подгруппу, – шутовское самоуничтожение 鼠鼠我啊 shǔshǔ wǒ а «я мышка», где мотиватором выступает компонент 鼠 shǔ «мышь, крыса» [БКРС: электр. ресурс]. Отметим, что единица восходит к фразе одного из стримеров, который сравнил себя с крысой, живущей в канализации, которая, поднявшись на поверхность, вынуждена снова вернуться под землю [«Поколение подземелья»...: электр. ресурс], что является метафорой потери мотивации и надежд на лучшую жизнь китайской молодежью, которая вынуждена усердно учиться и работать в условиях все возрастающей конкуренции, чтобы оправдать ожидания родителей и добиться успеха, поэтому жизнь молодых людей превращается в бесконечную рутину («учиться – спать – учиться», затем «работать – спать – работать») [там же]; при этом особенно трудно приходится тем, кто не живет в больших городах и имеют низкое социальное положение и, соответственно, меньше возможностей устроить свою жизнь. В конце концов такой режим приводит к выгоранию и «лежанию плашмя» (об этом будет сказано ниже), что приводит к рутине другого рода: «спать – есть – лежать в кровати – спать», что тоже описывается в китайской молодежной среде как «жизнь крысы», т. е. затворничество (ср. жаргонизм 鼠人 shǔrén дословно «крысиный человек», перен. «затворник» [Пищерская, Рокицкая, Филиппова 2024: электр. ресурс]).

В наших материалах единица 鼠鼠我啊 зафиксирована с более общим значением: самоуничтожение, используемое говорящим при рассказе о собственных слабостях, проблемах и трудностях. Представляется, что в данном случае ключевым мотивирующим признаком выступает не столько место проживания мыши/крысы, сколько ее пугливость, стремление спрятаться от опасности, а

также маленький размер (неслучайно в жаргоне используется именно удвоенная форма 鼠鼠, которая в литературном языке обозначает детеныша мыши, мышонка [БКРС: электр. ресурс], а в составе жаргонизма призвана подчеркнуть «маленькость» говорящего в огромном и опасном мире). Таким образом, анализируемая фраза имитирует жалобную речь от лица маленькой мышки. Мотивационную модель в данном случае можно представить в следующем виде: «мышь как маленькое, слабое и пугливое животное» → «человек, считающий себя слабым и незначительным в мире».

1.2. Мотивационная подгруппа «Растения»

Среди собранных нами в ходе эксперимента китайских жаргонизмов есть единицы, восходящие к названиям растений.

Рассмотрим, например, жаргонизм 菜鸟 cǎiniǎo «новичок», включающий компоненты 菜 cǎi «овощ» и 鸟 niǎo «птица» [БКРС: электр. ресурс], т. е. буквально «овощная птица» – пер. наш, М.Г., А.Д. Стоит отметить, что слово 菜 в китайском языке также имеет значение «блюдо» [там же], а сам термин 菜鸟 изначально обозначал голубей, которых специально выращивали для употребления в пищу [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. По одной из версий, термин проник в интернет-сленг, когда один из пользователей, характеризуя свои неглубокие познания в одной из областей, хотел назвать себя 笨鸟 bènniǎo «глупая птица» – пер. наш, М.Г., А.Д., однако вместо иероглифа 笨 bèn «глупый» [БКРС: электр. ресурс] набрал на клавиатуре иероглиф 菜. По другой версии, термин в готовом виде был заимствован в интернет-сленг из жаргона баскетболистов NBA (National Basketball Association), где обозначал игрока, который недавно вошел в команду и еще не до конца знаком со всеми правилами [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. В компьютерном сленге выражение 菜鸟 обозначало прежде всего человека, который пока еще плохо освоил компьютер [там же]; кроме того, у компонента 菜 в сленге также развились значения «слабый, никчемный» [там же]. В наших материалах единица 菜鸟 зафиксирована со значением «новичок в какой-либо деятельности». Представляется, что мотиватором для развития такой семантики стал компонент 菜 со значением именно «овощ», а не «блюдо». При этом мотивировочным признаком можно считать незрелость плода овощных культур. Таким образом, мотивационную модель можно представить так: «овощ как нечто незрелое, зеленое» → «неопытный человек, новичок в каком-либо деле, «неоперившийся птенец».

Рассмотрим также жаргонизм 校花 xiàohuā «красивая девушка» (где 校 xiào «учебное заведение, школа, университет», 花 huā «цветок» [БКРС: электр. ресурс]), буквально «цветок школы/университета» – пер. наш, М.Г., А.Д. Изначально слово обозначало первую красавицу школы или вуза; сегодня значение несколько расширилось: теперь такая девушка должна быть не только самой красивой, но и самой популярной в своем учебном заведении [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Семантический перенос в данном случае можно представить следующим образом: «цветок как самая красивая часть растения» → «самая красивая и популярная девушка в учебном заведении».

1.3. Мотивационная подгруппа «Стихии»

Среди жаргонизмов, приведенных нашими информантами, есть такие, которые восходят к названиям стихий.

Во-первых, это единицы, включающие компонент 水 shuǐ «вода» [БКРС: электр. ресурс].

Так, отмечен жаргонизм 水课 shuǐkè «легкий курс, не требующий больших усилий для освоения». Слово включает компоненты 水 shuǐ «вода» и 课 kè «урок, предмет» [там же]. Таким образом, буквально единица переводится как «водный/водяной/водянистый курс» – пер. наш, М.Г., А.Д. Представляется, что ключевой мотивирующей семой компонента 水 здесь выступает значение «разбавленный, с низким содержанием чего-л.». Неслучайно в «Большом китайско-русском словаре» слово 水 зафиксировано также с жаргонным значением «плохой, никудышный; слабый; не отвечающий ожиданиям» [там же]. Таким образом, 水课 shuǐkè означает «устаревший, неэффективный и ненужный курс» [там же], содержащий мало полезного и, соответственно, не требующий от студента больших усилий при изучении. Развитие семантики компонента 水 «водянистый» в составе рассматриваемого жаргонизма можно представить следующим образом: «разбавленный» → «с низким содержанием чего-то полезного» → «неэффективный» → «ненужный» → «не требующий усилий для освоения».

Компонент 水 shuǐ «вода» встречается также в составе выражения 划水 huáshuǐ «бездельничать», однако, на наш взгляд, ведущим мотивирующим компонентом в нем является глагол 划 huá «грести/разрезать» [БКРС: электр. ресурс], поэтому данная единица будет рассмотрена ниже.

В рассматриваемую подгруппу отнесем также жаргонизмы, мотивированные названиями металлов, поскольку, в отличие от русской и европейских культур, где основных стихий четыре

(огонь, вода, земля и воздух), в китайской культуре выделяются пять стихий (или пять основных элементов): огонь, вода, земля, дерево и металл [Ван Хунвэй 2018: 107].

Рассмотрим единицу 老铁 *lǎotiě* «близкий друг», пришедшую в студенческий жаргон из северо-восточного диалекта и используемую для обозначения не только близких друзей, но и фан-групп [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. В «Большом китайско-русском словаре» даны следующие диалектные значения слова: «дружбан», «братишка», «братан» [БКРС: электр. ресурс], следовательно, 老铁 – это больше, чем просто 好朋友 *hǎo péngyou* «хороший друг» [там же], это почти брат. Жаргонизм включает компоненты 老 *lǎo* «старый» и 铁 *tiě* «железо» [там же] и буквально переводится как «старое железо» – пер. наш, М.Г., А.Д. Элемент 老 «старый» напрямую указывает на срок знакомства. Железо же в китайской картине мира ассоциируется с твердостью, нерушимостью, прочностью, надежностью (ср. значения прилагательного 铁, отмеченные в «Большом китайско-русском словаре» [БКРС: электр. ресурс]). Таким образом, модель развития семантики рассматриваемого жаргонизма можно представить так: «[старое] железо как твердый и прочный материал» → «верный друг, чья дружба крепка, как железо, и проверена временем».

2. Мотивационная сфера «Человек»

Второй важной мотивационной сферой для образования лексики китайского студенческого жаргона является сфера «Человек». К ее единицам восходят 17 жаргонизмов, которые распределены нами в 5 подгрупп. Рассмотрим их.

2.1. Мотивационная подгруппа «Части тела»

Как показывает проведенный анализ, для некоторых жаргонизмов мотиваторами выступают названия частей тела человека.

Так, например, единица 高手 *gāoshǒu* «мастер, знаток» состоит из компонентов 高 *gāo* «высокий; особенный; сильный; почетный, высокочтимый» и 手 *shǒu* «рука», а также «мастерство» [БКРС: электр. ресурс]. Мотивационную модель можно представить так: ««высокая», т.е. умелая рука» → «человек, чьи умения и навыки находятся на очень высоком уровне, мастер своего дела, специалист» → «студент, учащийся на «отлично»/имеющий успехи в каком-л. виде внеучебной деятельности (спорте, творчестве)/обладающий развитыми навыками решения проблем».

Другой пример – единица 脆皮 *cuìpí* «имеющий слабое здоровье», где 脆 *cuì* «хрупкий, ломкий», 皮 *pí* «кожа» [БКРС: электр. ресурс], т.е. дословно «хрупкая кожа» – пер. наш, М.Г., А.Д. В переносном смысле этот жаргонизм описывает

студентов, которые легко заболевают, часто получают травмы (например, при сдерживании смеха произошел разрыв носовых сосудов, при смехе была вывихнута челюсть, при чихании возникла грыжа позвоночника и под.) или физически слабы [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]; это происходит из-за снижения двигательной активности студентов, которые вынуждены все время сидеть над книгами и при этом не умеют правильно распределять свое время, поэтому не могут регулярно питаться и вовремя ложиться спать, а также справляться со стрессом. Мотивационная модель здесь следующая: «хрупкая кожа как то, что может легко рассыпаться от легкого прикосновения» → «физически слабый и болезненный студент с низким иммунитетом, часто получающий мелкие травмы».

2.2. Мотивационная подгруппа «Качества характера»

Мотивирующими единицами для лексем студенческого жаргона также могут являться номинации черт характера. Рассмотрим слово 厉害 *lìhai* «крутой». Его прямое значение в литературном языке – «невыносимый, нестерпимый; суровый, жестокий, безжалостный, зверский» [БКРС: электр. ресурс]. Отмечены также переносные значения «ярый, лихой», «сильный, потрясающий», «молodeц» и «сильно; ужасно, страшно» [там же]. В наших материалах фиксируется синкретизм всех указанных значений: «настолько сильный/потрясающий/обладающий настолько отточенными навыками, что это внушает трепет», т.е. единица имеет сугубо положительную коннотацию. Мотивационная модель в общем виде следующая: «суровый, жестокий, безжалостный, невыносимый» → «сильный» → «обладающий выдающимися навыками в какой-л. деятельности» → «потрясающий, вызывающий восхищение, трепет».

2.3. Мотивационная подгруппа «Эмоции»

Мотивирующими единицами для китайских студенческих жаргонизмов могут быть также обозначения различных эмоциональных состояний. Так, единица 社恐 *shèkǒng* «интроверт» состоит из компонентов 社 *shè* «общество, общественный» и 恐 *kǒng* «пугать; бояться» [БКРС: электр. ресурс], досл. «общество пугает» или «страх общества» – пер. наш, М.Г., А.Д. Стоит отметить, что жаргонизм является сокращением от выражения 社交恐惧症 *shèjiāo kǒngjùzhèng* «социофобия» [БКРС: электр. ресурс], которое пришло из психологии и описывает не просто интроверсию, а социальную тревожность. В рамках студенческого жаргона единица 社恐 обозначает не соответствующее психическое расстройство как медицинский диагноз, а просто описывает замкнутого сту-

дента, который не обладает развитыми социальными навыками и боится общения. Таким образом, жаргонизм выступает антонимом к рассмотренному выше слову 社牛. Мотивационную модель можно представить так: 'боязнь общества, социальная тревожность' → 'тот, кого пугает общество, социофоб' → 'студент с интроверсией или с неразвитыми социальными навыками, избегающий общения'.

2.4. Мотивационная подгруппа «Социальное положение»

В качестве мотивирующих единиц для студенческих жаргонизмов могут выступать названия различных социальных статусов и ролей, которые присущи человеку.

Наиболее простой пример – единица 新生 xīnshēng «первокурсник», состоящая из компонентов 新 xīn «новый» и 生 shēng «учащийся, ученик» [БКРС: электр. ресурс]. Таким образом, дословно выражение можно перевести как «новый студент» – пер. наш, М.Г., А.Д. Мотивационная модель: 'новый студент как только что поступивший в данное высшее учебное заведение' → 'первокурсник'.

Другой пример – жаргонизм 军爷 jūnyé «студент, проходящий военную подготовку». В словаре литературного языка единица зафиксирована как древняя вежливая форма обращения к военным, имеющая значение «господин, уважаемый» [БКРС: электр. ресурс], т.е. изначально единица имела отношение к военному жаргону. Она состоит из компонентов 军 jūn «армия» и 爷 yé «дед (по отцу), господин, хозяин, владыка» [БКРС: электр. ресурс]. Дословно выражение можно перевести как «армейский дед/владыка армии» – пер. наш, М.Г., А.Д. В студенческом жаргоне выражение получило шуточный, иронический оттенок [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Модель развития семантики рассматриваемой единицы в студенческой среде можно представить так: 'вежливое обращение к военным (устар.)' → 'шутл., ирон. обращение к студенту, проходящему военную подготовку'.

Еще одна единица, которая мотивирована обозначением социального статуса, – слово 学霸 xuébà «отличник», состоящее из компонентов 学 xué «учеба, учебный» и 霸 bà «гегемон, владыка, тиран» [БКРС: электр. ресурс], досл. «владыка учебы» – пер. наш, М.Г., А.Д. Стоит отметить, что рассматриваемый термин обозначает не просто того, кто усердно занимается, а того, кто испытывает любовь к самому процессу обучения и обладает выдающимися знаниями в какой-л. научной области [Энциклопедия Байду: электр. ре-

сурс]. Таким образом, мотивационная модель следующая: 'гегемон, владыка как тот, кто что-л. захватил, доминирует над другими классами, государствами и т.д.' → 'отличник как тот, кто доминирует над другими в учебной сфере, в академических дисциплинах, владеет выдающимися знаниями и навыками в какой-л. предметной области'.

В рассматриваемую подгруппу отнесем также единицу 宝宝 bǎobao. В литературном языке компонент 宝 bǎo функционирует со значением «сокровище, ценность» [БКРС: электр. ресурс], а в редуцированном варианте означает «маленький ребенок, младенец» [там же] (т.е. «маленькое сокровище» – пер. наш, М.Г., А.Д.). Как показывают данные проведенного эксперимента, слово 宝宝 bǎobao в студенческом жаргоне используется как ласковое обращение «малыш(ка)», выражающее нежность и заботу. Таким образом, непосредственным мотиватором для жаргонной единицы, по нашему мнению, служит именно значение «маленький ребенок». В общем виде механизм семантического переноса можно представить следующим образом: 'сокровище, ценность' → 'младенец, маленький ребенок как главное сокровище семьи' → 'ласковое обращение к близкому человеку (другу/подруге, девушке/парню), который воспринимается как сокровище, ценность для говорящего'.

2.5. Мотивационная подгруппа «Действия человека»

Анализ материала, собранного в ходе проведенного эксперимента, показал, что самую большую группу мотиваторов для лексики китайского студенческого жаргона составляют глагольные единицы, называющие различные действия человека.

Рассмотрим, во-первых, зафиксированные нами жаргонизмы 卷 juǎn «усердствовать» и 内卷 nèijuǎn «гиперконкуренция». Оба слова восходят к глаголу 卷 juǎn со значением «скручивать» [БКРС: электр. ресурс]. В «Большом китайско-русском словаре» указано, что данный глагол может иметь переносную семантику «быть вынужденным участвовать во внутренней конкуренции, быть в крысиной гонке» и в данном значении представляет собой сокращение от 内卷 nèijuǎn «инволюция, иррациональная конкуренция» [там же], где 内 nèi «внутренний», а 卷 juǎn «скручивать, свертывать» [там же], т.е. буквально «внутреннее скручивание/свертывание» или «скручивание внутрь» – пер. наш, М.Г., А.Д. Термин 内卷 изначально возник «в отрасли земледелия и выражает идею о том, что в обществе останавливается прогресс, несмотря на все старания тех, кто старается двигать его вперед. Движение прогресса при таком подходе на-

поминает колесо велосипеда, оторванное от земли – оно вращается, но не движется вперед» [Тельпов, Чэнь Инсюй 2021: 80].

Как единицы студенческого жаргона слова 卷 и 内卷 маркируют одно из ключевых явлений в китайской студенческой среде – гиперконкуренцию между учащимися. Она начинается еще в школе при подготовке к государственному экзамену 高考 gāokǎo для поступления в вуз, уже в это время «на китайцев оказывает огромное внутреннее давление стремление «не потерять свое лицо» и не опозорить честь своей семьи (в китайской культуре это описывается термином 面子 miànzi «лицо, достоинство, престиж, честь» [БКРС: электр. ресурс]) [Тельпов, Чэнь Инсюй 2021: 79]. Затем гиперконкуренция продолжается в вузе. Она представляет собой конкуренцию в учебе и внеучебной между учащимися одной группы/одного курса/одного университета с целью получения стипендии, поступления в магистратуру/аспирантуру и под., когда они вынуждены все больше и больше заниматься в ущерб здоровью и отдыху, участвовать во все большем количестве внеучебных мероприятий, чтобы опередить одноклассников; в какой-то момент конкуренция внутри замкнутой системы становится настолько интенсивной, что участники вынуждены прилагать все больше и больше усилий, но реальный прогресс и развитие отсутствуют [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Неслучайно в китайском языке это явление обозначается именно с помощью глагола 卷 juǎn «скручивать, свертывать», поскольку ключевым семантическим признаком здесь выступает идея сжатия, нагнетания давления, напряжения. Мотивационная модель в данном случае следующая: «скручивать, свертывать» → «двигаться внутрь и вниз по спирали, не получая развития, но испытывая все большее внешнее и внутреннее давление» → «участвовать в жесткой внутренней конкуренции, прилагая все больше усилий, но реально не развиваясь».

С другой стороны, нами зафиксировано несколько глагольных выражений, маркирующих противоположную тенденцию – бездействие как сознательный отказ китайских студентов от участия в «крысиной гонке».

Во-первых, эта идея может передаваться с помощью глаголов, обозначающих различные бессмысленные действия. Например, 划水 huáshuǐ «бездельничать», где 划 huá «гребти; разрезать», 水 shuǐ «вода» [БКРС: электр. ресурс], т. е. дословно «бить [по] воде/разрезать/рассекать воду» – пер. наш, М.Г., А.Д. Выражение изначально связано с спортивным плаванием на весельных

лодках, рассчитанных на несколько гребцов, и буквально означает «ударять веслами по воде, но не гребти по-настоящему, не двигать лодку вперед» [Энциклопедия Байду: электр. ресурс], т. е. не вносить вклад в общее дело, создавая только видимость деятельности. Таким образом, мотивационная модель выглядит так: «ударять веслами по воде, создавая видимость гребли, но не двигать лодку вперед вместе с другими гребцами» → «создавать видимость полезной деятельности, работать/учиться спустя рукава, лишь формально участвуя в выполнении заданий».

Другой подобный жаргонизм – 摸鱼 mōyú «бездельничать», однако он имеет несколько иную семантику. Единица включает компоненты 摸 mō «трогать, ощупывать» и 鱼 yú «рыба» [БКРС: электр. ресурс]. Все выражение в литературном языке имеет значение «ловить рыбу» [там же]. Как указывают Р.Е. Тельпов и Инсюй Чэнь в работе [Тельпов, Чэнь Инсюй 2021], единица происходит из чэньюй 浑水摸鱼 húnshuǐ mōyú «ловить рыбу в мутной воде», т. е. «воспользоваться всеобщей суматохой ради получения выгоды» [БКРС: электр. ресурс]. В речи молодых людей выражение 摸鱼 описывает их душевное состояние – «безразличие, равнодушие, отсутствие интереса к окружающей действительности», что созвучно философии буддизма [Тельпов, Чэнь Инсюй 2021: 79–80]. Будучи приверженными буддизму, молодые китайцы считают, что «существует много дел, более важных, чем работать, учиться и зарабатывать: любоваться цветами смоковницы, которые расцветают в ночи, нежиться под солнцем, забираясь под одеяло, читать роман после принятия душа, гулять по скошенному лугу, кататься на велосипеде после дождя. Намеренный план не нужен в жизни, будь что будет. Надо принять то, что уже произошло, жить настоящим, быть спокойным душой и телом» [там же: 81]. В этом смысле единица 摸鱼 описывает одно из развлечений – рыбалку, которой человек занимается во время учебы/работы вместо реально важных дел [Тань Юе 2022: 89]. Таким образом, можно предположить следующую мотивационную модель развития семантики рассматриваемого выражения в жаргоне китайских студентов: «ловить рыбу, добывая таким способом пропитание» → «заниматься рыбной ловлей для развлечения в свободное время» → «заниматься рыбной ловлей вместо выполнения важных и насущных дел» → «во время работы/учебы вместо выполнения учебных/рабочих задач заниматься делами, не имеющими отношения к работе/учебе, или развлекаться».

Среди реакций наших информантов встретились и жаргонизмы, которые прямо обозначают бездействие. Рассмотрим единицу 躺平 tǎngpíng

«лежать и перестать стремиться [к цели]», дословно «лежать ровно» или «лежать плашмя/пластом [от усталости]» – пер. наш, М.Г., А.Д. Эта единица возникла в начале 2000-х гг. и распространилась в 2021 г. через Интернет-платформу Weibo (微博 wēibó, китайский аналог Twitter) [Омелаенко, Яцкевич, Нурпеисова 2023: 28–29] и обозначала тенденцию, противоположную гиперконкуренции (прежде всего это касалось трудовой деятельности). В рамках студенческого жаргона выражение описывает поведение студентов, которые выгорели от напряженного ритма учебной жизни, обусловленного гиперконкуренцией, и сознательно отказываются от участия в «крысиной гонке», перестают стараться ради достижения высоких результатов, ничего не делают ради улучшения оценок, поступления в магистратуру и т. д. [Хэ Яньли, Елистратов 2025: 5]. Стоит отметить, что явление 躺平 «не имеет ничего общего с ленью» [Омелаенко, Яцкевич, Нурпеисова 2023: 30], а лишь является протестом студентов против гиперконкуренции, а также против родительского давления, поскольку родители ожидают, что их вложения в образование детей (особенно высшее) окупятся, и дети станут сотрудниками крупных компаний, быстро продвигутся по служебной и социальной лестнице. Однако в современных условиях, когда экономика Китая уже не переживает такого подъема, какой был в 1980-е гг., это очень затруднительно [там же]. При этом протест против гиперконкуренции нередко сочетается у китайской молодежи со стремлением к минимализму и антипотребительству [Морозова, Золотарева 2024: 9]. Модель развития семантики рассматриваемой единицы можно представить так: ‘лежать, не двигаясь, вследствие сильной усталости’ → ‘сознательно отказаться от конкурентной борьбы, «достигаторства», участия в «крысиной гонке», довольствуясь минимальными показателями’. Таким образом, главным мотивационным признаком здесь становится идея отсутствия движения, каких-либо действий вообще.

Следующее зафиксированное нами выражение – 摆烂 bǎilàn «опустить руки, ничего не предпринимать [для изменения неблагоприятной ситуации]» – имеет сходную, но не идентичную семантику. В «Большом китайско-русском словаре» также дается вариант перевода жаргонного значения «разлагаться» [БКРС: электр. ресурс]. В студенческий жаргон единица проникла через соцсети, первоначально она функционировала в жаргоне баскетболистов NBA, где связана «с намеренно проигрываемыми матчами» [Морозова, Золотарева 2024: 12]. Выражение отражает «ак-

тивное принятие негативной ситуации без попыток изменить ее к лучшему» [там же]. Дословно рассматриваемый жаргонизм можно перевести как «выставлять на показ [свою] гниль» или «медленно гнить/разлагаться» – пер. наш, М.Г., А.Д., где компонент 摆 bǎi в целом имеет семантику «выставлять напоказ, для всеобщего обозрения», а также «медленно двигаться» (ср. значения данного глагола в «Большом китайско-русском словаре» [БКРС: электр. ресурс]), а 烂 làn означает «разваливаться; разлагаться; гнить» [там же]. Анализ внутренней формы выражения указывает на то, что рассматриваемая единица подчеркивает именно демонстративное нежелание улучшать ситуацию, в отличие от простого 躺平 «лежания пластом», где нет акцента на демонстративности. Данные семантико-мотивационного анализа, таким образом, позволяют противопоставить само явление, обозначаемое словом 摆烂, стремлению китайских студентов сохранять лицо, их боязни совершать ошибки, о чем упоминалось выше. Мотивационная модель выглядит так: ‘(медленно) гнить, разлагаться («выставлять напоказ свою гниль»)’ → ‘намеренно проигрывать матч’ (в жарг. NBA) → ‘демонстративно отказываться от конкурентной борьбы, «достигаторства», участия в «крысиной гонке», ничего не предпринимать для улучшения сложившейся негативной ситуации, дожидаясь полного краха; пустить все на самотек’.

Жаргонизмы с глагольным компонентом могут описывать и другие ситуации, возникающие в жизни студентов. Например, единица 挂科 guàkē «провалить экзамен», содержащая компоненты 挂 guà «вешать, висеть; прицепить; надеть на себя; провалить» и 科 kē «дисциплина» или «система экзаменов» (в последнем из приведенных значений – сокр. от 科举 kējǔ «кэцзюй, отбор путем экзаменов (старая, до 1905 г., система государственных экзаменов в Китае для получения ученой степени и права поступления на должность)») [БКРС: электр. ресурс]. Таким образом, дословно жаргонизм можно перевести как «повесить [на себя] учебный предмет» – пер. наш, М.Г., А.Д., что передает идею наличия «хвостов», т.е. долгов по учебным дисциплинам, которые «повисают» на студенте как тяжелый груз. Мотивационная модель здесь такая: ‘повесить [на себя] предмет/экзамен’ → ‘провалить экзамен, оставшись с долгом по учебной дисциплине’.

Рассмотрим единицу 保研 bǎoyán «студент, приглашенный в магистратуру». Она включает компоненты 保 bǎo «охранять; сохранять; поддерживать, покровительствовать, рекомендовать, вы-

двигать» [БКРС: электр. ресурс] и 研 yán «изучать» [там же]. Мотивационную модель можно представить так: «сохранять/рекомендовать для [проведения] исследований» → «тот, кого сохраняют/рекомендуют для [проведения] исследований» → «магистрант». Таким образом, рассматриваемая единица отражает принятую в китайских вузах практику выдачи небольшому количеству выдающихся выпускников бакалавриата рекомендаций для поступления в магистратуру, что позволяет им поступить без вступительных экзаменов [Энциклопедия Байду: электр. ресурс].

Еще одно зафиксированное нами жаргонное выражение – 包的 bāode «конечно, разумеется». Мотиватором здесь выступает компонент 包 bāo со значением «заворачивать, упаковывать; гарантировать» [БКРС: электр. ресурс]; второй компонент – частица 的, образующая определения. Таким образом, дословно выражение можно перевести как «завернуто/упаковано» – пер. наш, М.Г., А.Д. На наш взгляд, ключевой здесь является идея заворачивания чего-л. путем соединения краев упаковки и закрытия какой-л. вещи упаковкой, что метафорически передает идею закрытия какого-л. вопроса путем прихода к консенсусу (ср. русское выражение заматано «ладно, хорошо; договорились» [БАС 6: 334], восходящее к глаголу заматать со значением «зашить крупными стежками» [там же: 337], в этом случае прослеживается сходная идея соединения краев материала). Мотивационную модель можно представить так: «заворачивать, упаковывать, т.е. уложить что-л. в пакет/сверток и, соединив его края, завязать» → «принять точку зрения другого, согласиться с кем-л., договориться о чем-л., прийти к общему мнению и закрыть вопрос».

3. Мотивационная сфера «Питание»

В наших материалах обнаружены несколько жаргонизмов, включающих названия продуктов питания, которые служат главными мотивирующими компонентами в составе данных единиц.

Во-первых, это жаргонизмы 小糖人 xiǎo táng rén (а также 糖人 táng rén или просто 糖 táng) «глуповатый человек». Эти единицы включают компоненты 小 xiǎo «маленький», 糖 táng «сахар, конфеты; сладкий», 人 rén «человек» [БКРС: электр. ресурс]. Кроме того, слово 糖人 táng rén также обозначает традиционную китайскую сладость – фигурный леденец (плоский или объемный), который выдувается из горячего сахарного сиропа или «рисует» им, может иметь форму людей, животных, растений и т.д. Изготовление таких сладостей представляет собой одно из традиционных ремесел китайцев [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Рас-

сматриваемый жаргонизм буквально можно перевести как «маленький сахарный человек/человек из сахара» – пер. наш, М.Г., А.Д. Необходимо сказать, что замечено использование данных терминов, не связанное с кулинарией. Единица 小糖人 служит в китайском языке обозначением для детей, больных диабетом, т.е. таких, у которых повышен уровень сахара в крови [там же]. Единица 糖人 táng rén является полным омонимом слова 唐人 táng rén, которое помимо общепринятых словарных толкований «китаец» и «житель империи Тан» [БКРС: электр. ресурс] имеет значение «человек с синдромом Дауна» [Энциклопедия Байду: электр. ресурс], где компонент 唐 является сокращением от названия болезни (唐氏综合征 tángshì zōnghézhēng) [БКРС: электр. ресурс].

Таким образом, в данном случае можно представить две мотивационные модели, которые отчасти схожи. Первая модель: «традиционная китайская сладость, изготавливаемая из сахара» → «ребенок с повышенным содержанием сахара в крови, больной диабетом» → «взрослый человек, наивный и глупый, как ребенок». Вторая модель: «традиционная китайская сладость, изготавливаемая из сахара» → «человек с синдромом Дауна» → «глупый человек».

Рассмотрим также жаргонизм 糖分超标 tángfèn chāobiāo «абсурд», в котором также присутствует компонент 糖 táng «сахар; сладкий». Этот медицинский термин переводится как «содержание сахара превышает норму» [БКРС: электр. ресурс] или «превышение нормы содержания сахара» – пер. наш, М.Г., А.Д. В речи пользователей сети Интернет эта фраза сначала использовалась со значением «милый» для характеристики романтических отношений, изображений с животными и т.д. [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Затем в рамках интернет-сленга, а затем и в речи студентов, единица стала обозначать нечто настолько «слащаво-глупое», что это уже выходит за границы разумного и становится абсурдным. Таким образом, мотивационная модель следующая: «превышение нормы содержания сахара» → «нечто милое» → «нечто настолько слащавое, что выходит за грани разумного» → «абсурд».

4. Мотивационная сфера «Цвет»

Анализ наших материалов показывает, что мотиваторами для единиц китайского студенческого жаргона могут выступать колоративы. Так, жаргонизм 开黑 kāi hēi «играть онлайн» содержит глагольный элемент 开 kāi «открывать; включать; основывать; содержать; регистрировать» [БКРС: электр. ресурс], однако, мотивирующим, на наш взгляд, выступает второй компонент – 黑 «чер-

ный, темный; тайный; преступный» [там же]. Буквально рассматриваемое выражение можно перевести как «открывать/включать тьму» – пер. наш, М.Г., А.Д. Нужно отметить, что в студенческий жаргон рассматриваемое выражение проникло из жаргона киберспортсменов, где обозначает негласное сотрудничество игроков между собой (т.е. объединение в тайную команду) с целью победить других игроков, которые не знают друг друга и играют «каждый за себя» [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Модель развития семантики рассматриваемого студенческого жаргонизма можно представить так: ‘открывать/включать тьму’ → ‘основывать тайное объединение (в т.ч. преступную группу)’ → ‘тайно объединяться в команду в онлайн-играх с целью победить игроков-одиночек’ → ‘играть в онлайн-игры’.

5. Мотивационная сфера «Время»

По данным проведенного эксперимента, в китайском студенческом жаргоне есть единицы, соответствующие к обозначениям различных временных отрезков. Так, отмечен жаргонизм 早八 zǎobā «ранние пары», который включает компонент 早 zǎo «утро; ранний» [БКРС: электр. ресурс] (из 早上 zǎoshang «ранее утро» [там же]) и 八 bā «восемь» [там же] (из 八点 bā diǎn «восемь часов» [там же]). Таким образом, единица 早八 представляет собой сокращение выражения 早上八点的课 zǎoshang bādiǎnde kè «занятие в восемь утра». Жаргонизм отражает страдания студента, вынужденного рано вставать. Мотивационная модель можно представить как ‘восемь утра как время, когда в китайских университетах начинается первое занятие’ → ‘само такое занятие’, что является частным случаем более общей модели семантического переноса – ‘время’ → ‘событие, происходящее в это время’.

6. Мотивационная сфера «Пространство»

К этой мотивационной сфере мы отнесли единицу 没座 méi zuò «опоздать». Она состоит из отрицания 没 méi «не, нет, не имеется» [БКРС: электр. ресурс] и компонента 座 zuò «сиденье; место для сидения» [там же]. Таким образом, дословно единицу можно перевести как «нет мест» – пер. наш, М.Г., А.Д. Единица могла проникнуть в студенческий жаргон несколькими путями. Во-первых, из литературного языка, где она используется для обозначения ситуации отсутствия билетов с местами на какой-л. транспорт (чаще – на железнодорожный) или когда при входе в транспорт обнаруживается, что все места заняты и сесть нигде [Энциклопедия Байду: электр. ресурс]. Во-вторых, распространение выражения может быть связано с видео-трансляцией блогера 四川芬达 Sichuān fēndá

(«Сычуаньская фанта» – пер. наш, М.Г., А.Д.), который в одной из видеотрансляций произнес фразу 没错 méicuo «верно, правильно, точно» [БКРС: электр. ресурс] с сычуаньским акцентом, так что получилось 没座, а затем заявил, что на его выступления необходимо приходить с собственным стулом, поскольку мест нет. Таким образом, фраза 没座 превратилась в интернет-мем [Энциклопедия Байду: электр. ресурс].

Актуальность рассматриваемой единицы в студенческом жаргоне и развитие у нее значения «опоздать на занятия» могут быть связаны с большой численностью студенческих групп (30 человек и более), соответственно, если студент опаздывает на занятие, то все места в аудитории оказываются уже заняты. Мотивационную модель для выражения 没座 можно представить следующим образом: ‘нет мест в транспорте/в зрительном зале’ → ‘нет мест для сидения в аудитории [поскольку все они заняты студентами, пришедшими вовремя]’ → ‘опоздать’.

7. Мотивационная сфера «Информационные технологии»

Данные проведенного эксперимента позволяют выделить еще одну мотивационную сферу для образования лексики студенческого жаргона – сферу «Информационные технологии». Сюда мы отнесли единицу 用豆包 yòng dòubāo «использовать искусственный интеллект». Прямое значение компонентов выражения такое: 用 yòng «использовать», 豆 dòu «бобы; горох; фасоль», 包 bāo – здесь – «паровой пирожок» (сокращение от 包子 bāozi) [БКРС: электр. ресурс], т.е. дословно сочетание можно перевести как «использовать паровой пирожок с бобовой начинкой» – пер. наш, М.Г., А.Д. Однако, на наш взгляд, жаргонное значение рассматриваемой единицы не связано с едой. Дело в том, что 豆包 – это также название популярного китайского чат-бота с искусственным интеллектом [там же]. Модель развития семантики анализируемого словосочетания выглядит так: ‘использовать [для выполнения каких-либо задач, в т.ч. домашнего задания и т.д.] Doubao как конкретную программу (нейросеть) с технологией искусственного интеллекта’ → ‘использовать [для выполнения каких-либо задач, в т.ч. домашнего задания и т.д.] любую программу, основанную на технологиях искусственного интеллекта’.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Лексический фонд жаргона современных китайских студентов пополняется несколькими путями. Во-первых, за счет прямого заимстования

ния английских слов (в т. ч. образованных путем аббревиации и усечения: ddl «крайний срок» ← deadline; pre «презентация» ← presentation) с их возможным последующим фонетическим и графическим освоением (嗨 hāi ← “hi”). Во-вторых, путем заимствования слов родного языка: это может быть общелитературная лексика (什么意思? shénme yìsi? «что значит?; какой смысл?»); 调休 tiáoxiū «перенос выходного дня»; 新生 xīnshēng «первокурсник»; диалектизмы (最近咋样? zuìjìn zǎyàng? «как дела?»); 老铁 lǎotiě «близкий друг»; термины из различных областей науки (психологии (社恐 shè kǒng «интроверт»), медицины (糖人 táng rén «человек с синдромом Дауна» → «глуповатый человек»; 小糖人 xiǎo táng rén «ребенок, больной диабетом» → «глуповатый человек»; 糖分超标 táng fēn chāobiāo «превышение нормы содержания сахара» → «абсурд»); биологии и социологии (内卷 nèi juǎn «инволюция» → «гиперконкуренция»)); слова из жаргонов различных социальных групп – военных (军爷 jūnyé «студент, проходящий военную подготовку»), баскетболистов (菜鸟 cǎi niǎo «новичок», 摆烂 bǎilàn «опустить руки»), киберспортсменов (开黑 kāi hēi «играть онлайн»).

Ключевым каналом для пополнения лексики студенческого жаргона сегодня следует считать сеть Интернет, что является следствием «политики реформ и открытости», провозглашенной Дэн Сяопином в 1979 г. [Ван Синхуа 2016а: 119].

2. Среди основных способов образования единиц китайского студенческого жаргона на базе лексем родного языка можно указать следующие: прямое заимствование выражения из литературного языка (字面意思 zìmiàn yìsi «буквальный смысл, в буквальном смысле») или диалектов (最近咋样? zuìjìn zǎyàng? «как дела?»); семантико-словообразовательный способ (это сокращения от единиц, относящихся к иным формам существования языка, которые изменили в студенческом жаргоне свое значение: 内卷 nèi juǎn «инволюция» → «гиперконкуренция» → 卷 juǎn «усердствовать, участвовать в “крысиной гонке”»; 社交恐惧症 shèjiāo kǒngjùzhèng «социофобия» → 社恐 shè kǒng «интроверт»; 早上八点的课 zǎoshang bādiǎnde kè «занятие в восемь утра» → 早八 zǎobā «ранние пары»); семантический перенос (это самый частый способ образования жаргонных единиц).

3. Мотивационную базу для лексики китайского студенческого жаргона составляют единицы 7 семантических сфер: «Природа», «Человек», «Питание», «Цвет», «Время», «Пространство» и «Информационные технологии».

Наибольшее число жаргонизмов образовано от единиц мотивационной сферы «Человек» (17), она включает самое большое количество мотивационных подгрупп – 5, из которых самой активной в мотивационном плане является подгруппа «Действия человека», от единиц которой образовано 9 жаргонизмов. Это говорит о том, что именно глагольная лексика позволяет наиболее ярко отразить ключевые процессы и поведенческие стратегии, имеющие место в студенческой среде (например, гиперконкуренцию и противопоставленное ей бездействие). В целом полученный вывод является ярким свидетельством антропоцентрического характера картины мира носителей китайского языка.

На втором месте по объему образованных жаргонных единиц оказываются сферы «Природа» (6 жаргонизмов) и «Питание» (4 жаргонизма). Как показывает проведенный анализ, для китайского языка характерны зооморфная и фитоморфная метафоры, а также образование лексики от названий стихий, что встречается во многих языках (в т. ч. в русском). Среди слов сферы «Питание» активно мотивирует студенческую жаргонную лексику лишь единица 糖 táng «сахар».

Жаргонизмы, образованные от слов сфер «Цвет», «Время», «Пространство» и «Информационные технологии», единичны.

4. Рассмотрение лексики студенческого жаргона в мотивационном аспекте позволяет перейти к анализу картины мира китайских студентов, отраженной в языке. Жаргонизмы маркируют ключевые явления в жизни учащихся китайских вузов:

– гиперконкуренцию между студентами, при которой им приходится заниматься все больше и больше, испытывая большое внутреннее и внешнее давление, а реального развития при этом нет (内卷 nèi juǎn «гиперконкуренция», 卷 juǎn «усердствовать»);

– напряженный график учебы (早八 zǎobā «ранние пары»);

– большую численность учебных групп (没座 méi zuò «опоздать»);

– необходимость зарабатывать рекомендации для поступления в магистратуру и аспирантуру (保研 bǎoyán «студент, приглашенный в магистратуру»);

– возникающие из-за перегрузок проблемы со здоровьем – физическим (脆皮 cuìpí «хрупкая кожа» → «имеющий слабое здоровье») и ментальным (鼠鼠我啊 shǔ shǔ wǒ а «я мышка» – восприятие себя как слабого, неспособного влиять на свою жизнь; 社恐 shè kǒng «интроверт» или «социофоб»);

– сознательный отказ от участия в «крысиной гонке» за оценками и местом в рейтинге как протест против гиперконкуренции, что передается глаголами, обозначающими либо бесполезные действия (划水 huáshuǐ «бить по воде» → «бездельничать»; 摸鱼 mōyú «ловить рыбу» → «бездельничать»), либо полный отказ от каких-л. действий (躺平 tǎngpíng «лежать плашмя/пластом», 摆烂 bǎilàn «гнить, разлагаться» → «опустить руки»); при этом число лексических единиц, функционирующих в жаргоне для обозначения безделья и прокрастинации, оказывается больше (всего – 4), чем число единиц, обозначающих гиперконкуренцию (всего – 3 жаргонизма).

Анализ лексики показывает, что жаргонные единицы часто маркируют явления, отступающие от «нормы», причем как в положительную, так и в отрицательную сторону:

– маркируются те, кто является новичком в университете (菜鸟 cǎiniǎo «новичок», 新生 xīnshēng «первокурсник»), и те, кто обладает развитыми навыками в каком-л. виде деятельности (学霸 xuébà «отличник», 高手 gāoshǒu «мастер, знаток», 厉害 lìhai «крутой»);

– те, кто не желает/не умеет общаться (社恐 shèkǒng «интроверт» или «социофоб»), и те, кто обладает развитыми социальными навыками (社牛 shèniú «экстраверт»);

– те, кого считают умным (学霸 xuébà «отличник»), и те, кого считают глупым (小糖人 xiǎo táng rén, 糖人 táng rén, 糖 táng «глуповатый человек»), или то, что считается глупым, абсурдным (糖分超标 tángfēn chāobiāo «абсурд»);

– те, кто обладает привлекательной внешностью (校花 xiàohuā «красивая девушка»), и те, кто имеет слабое здоровье (脆皮 cuìpí «имеющий слабое здоровье»);

– многие негативные ситуации, возникающие в учебной деятельности (挂科 guàkē «провалить экзамен», 没座 méi zuò «опоздать», 用豆包 yòng dòubāo «использовать для выполнения задания искусственный интеллект»; 水课 shuǐkè «устаревший, неэффективный и ненужный учебный курс, освоение которого не требует от студентов больших усилий», а также выражения, обозначающие гиперконкуренцию и прокрастинацию);

– некоторые позитивные явления студенческой жизни, такие как настоящая дружба (老铁 lǎotiē «близкий друг»).

Примечания

¹ Отметим, что подобные реакции информантов мы все равно рассматриваем как элементы

жаргона, поскольку сами информанты считают их жаргонизмами.

² Подробнее о китайском «цифровом жаргоне» см., например, [Астрамечкий 2021; Дрейлих 2021; Духнова 2020].

³ Здесь и далее значение жаргонизма, приводимое сразу после иероглифической записи единицы и ее транскрипции с помощью пиньиня, не сопровождается ссылками на словарные источники, представляет собой толкование этой единицы, данное самими информантами.

Список литературы с сокращениями

Абдуллина Л.Б., Гильманова Л.Р., Султанбаева Х.В. Молодежный сленг в русском, башкирском и китайском языках в сравнительном аспекте // Modern science. 2019. № 10–2. С. 290–294.

Андросова О.Е. Связь основных социально-демографических факторов со спецификой употребления жаргона учащейся молодежью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006. 22 с.

Арапов М.В. Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/151a.html> (дата обращения: 15.10.2025).

Астрамечкий В.С. Язык китайской молодежи: источники возникновения новых сленговых единиц // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. XLV Междунар. науч.-практ. конф. / Е.В. Грудева. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2021. № 4 (37). С. 35–45.

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2006. Т. 6: 3 – зятюшка. 827 с.

БКРС – Большой русско-китайский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 28.10.2025).

Ван Синхуа. Интернациональное ядро молодежного жаргона (на материале русского и китайского языков) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017а. № 21. С. 34–37.

Ван Синхуа. Лексические средства номинации лица в китайском молодежном жаргоне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016а. № 1(1). С. 119–123.

Ван Синхуа. Особенности пополнения лексического состава китайского молодежного жаргона // Наука и образование: матер. XX Междунар. конф. студ., асп. и мол. уч.: в 5 т. / ред. Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко и др.; Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2016б. Т. II. Филология, ч. 1. Русский язык и литература. С. 165–171.

Ван Синхуа. Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования // Сибирский филологический журнал. 2017б. № 3. С. 248–257.

Ван Синхуа, Курьянович А.В. Жаргонизмы в речи китайской молодежи: опыт лингвокультурологического описания // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. № 3(168). С. 9–14.

Ван Хунвэй. Природно-стихийный код культуры в русской и китайской лингвокультурах (на материале фразеологизмов с элементом *огонь*) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4(193). С. 106–110.

Волосова М.В. Иностранные слова в китайском молодежном сленге // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7, № 6. С. 19–26.

Гильманова Л.Р. Функции молодежного сленга в китайском, русском и башкирском языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 499–501.

Демина Е.Д. Студенческий сленг в китайском языке // Китайская цивилизация в диалоге культур: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.П. Багаева; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2021. С. 119–123.

Джимбеева Л.В. Особенности словообразования единиц сленга в китайском языке // Таврический научный обозреватель. 2015. № 1. С. 154–158.

Дрейлих А.В. К вопросу о необходимости изучения современного китайского сленга // #ScienceJuice2020: сб. ст. и тез. / сост. Е.В. Страмнова, С.А. Лепешкин. М.: Парадигма, 2021. Т. 1. С. 485–490.

Духнова М.А. Омонимия в китайском языке и ее влияние на культуру и традиции // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 62–68.

Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учеб.-метод. пособие. Томск: ИД Том. гос. ун-та, 2014. 126 с.

Интернет-канал провинции Хэнань. (中华网河南频道). [Электронный ресурс]. URL: <https://henan.china.com/tags/886shishimegeng.html> (дата обращения: 26.10.2025).

Ли Мэньчжэ. Молодежный жаргон в китайском и русском языках // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 207–208.

Ли Шуцзюань, Янь Лиган. Словарь современного китайского сленга (中国最新俚语词典). М.: Восточная книга, 2009. 256 с.

Морозова В.С., Золотарева А.А. Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1(2). С. 9–24.

Омелаенко Н.В., Яцкевич О.Е., Нурпеисова Г.Г. Тэнг пинг как новое социально-культурное явление, отражающее ценности современной молодежи // Гуманитарные науки. 2023. Т. 101, № 6. С. 28–32.

Орлов В.Б. Словарь спортивного жаргона: учеб. пособие. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 120 с.

Пищерская Е.Н., Рокицкая Е.М., Филиппова В.П. Китайская блогосфера как источник неологизмов в современном китайском языке // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 10(58). [Электронный ресурс]. URL: <https://rulb.org/archive/10-58-2024-october/10.60797/RULB.2024.58.12> (дата обращения: 20.10.25).

«Поколение подземелья» по-китайски // О китайском на русском. [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinese-russian.com/peking_joke/rat-people (дата обращения: 20.10.2025).

Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 220 с.

Свищук А.В. Классификация молодежного сленга китайского языка // Молодежь и наука: сб. матер. IX Всерос. науч.-техн. конф. студ., асп. и мол. уч. с междунар. участием / Сиб. фед. ун-т. Красноярск, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibr.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/11595/s052-026.pdf?sequence=1&ysclid=mhx8ynkfsp127782141> (дата обращения: 20.10.2025).

Справочник по новокитайскому сленгу (中国最新俚语词典手册) / сост. А.А. Щукин. М.: Муравей, 2003. 119 с.

Сун Цинхуа. Источники жаргона русского и китайского языков // Вопросы филологических наук. 2010. № 3. С. 119–120.

Суслова А.Д. Особенности сленга китайских студентов, обучающихся в российских вузах // Восточный калейдоскоп: матер. докл. и сообщ. I Всерос. науч.-практ. конф. мол. ученых-востоковедов / техн. ред. Е.В. Попова; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2020. С. 196–199.

Тань Юе. Зооморфная метафора в речи современной китайской и российской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4(859). С. 84–92.

Тельнов Р.Е., Чэнь Инсюй. Культура 内卷 (neijuan) vs культуры 摸鱼 (moyu) (опыт лингво-культурологического исследования настроений китайской молодежи) // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: мат. Всерос. науч.-практ. конф. / гл. ред. Ж.В. Мурзина; Чуваш. респ. ин-т обр. Чебоксары: Среда, 2021. С. 77–81.

Хэ Яньли, Елистратов В.С. Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга // Философия и культура. 2025. № 2. С. 1–20.

Чжу Шаохуа, Кондаков Б.В. Китайские элементы в русских аргю и жаргонах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: матер. III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 52–57.

Чэнь Янань. Молодежный сленг русских и ки-

тайских студентов Харбина // Восток – запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков: матер. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.П. Кобелева, Л.Н. Бузовская, Е.В. Лаврентьева; Сиб. гос. ун-т путей сообщения. Новосибирск, 2018. С. 74–81.

Шугаева Е.Н. Функциональный аспект студенческого жаргона // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 19–26.

Энциклопедия Байду. (百度百科). [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com> (дата обращения: 28.10.2025).

Ю Кон-Сю, Ван Сяоци. Молодежный сленг на русском и некоторых восточных языках // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей: сб. матер. XIV Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под. ред. Н.А. Качалова; Том. политехн. ун-т. Томск, 2014. Ч. I. С. 197–202.

VOCABULARY OF CHINESE STUDENT JARGON: MOTIVATIONAL ASPECT

Mariia A. Granova

Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Arina A. Demeneva

Student, Faculty of Philology
Perm State University

The article is devoted to the consideration of the vocabulary of Chinese student jargon in the motivational aspect. The aim of the study is to determine the motivational basis of these units and to construct motivational models through which their semantics develops. The research material was 31 jargonisms collected during a survey of Chinese students at Perm State University. It has been established that the motivational basis for the vocabulary of Chinese student jargon consists of words from 7 semantic spheres: the largest number of jargons are formed from words of the motivational sphere “Human”; The second place in terms of the volume of formed jargon units is occupied by the spheres of “Nature” and “Food”; some jargonisms arose from the lexemes of the spheres of “Color”, “Time”, “Space” and “Information Technology”. It is revealed that jargonisms reflect important phenomena of Chinese student life, the main one among which is hypercompetition between students.

Key words: semantic motivational analysis; semantic motivational models; vocabulary; jargonism; student jargon; the Chinese language.

УДК 81'371

ОБРАЗ ИСКУССТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на материале ассоциативного эксперимента)

Мария Владиславовна Пигалева

старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, Букирева, 15. pigaleva-m@yandex.ru

В работе представлены результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *искусство*/艺术 *yìshù*, проведенного с русскими и китайскими информантами. В рамках эксперимента участникам предлагалось написать цепочку ассоциаций общим объемом не менее 30 реакций. Возраст участников составил от 18 до 25 лет, все участники эксперимента – учащиеся или выпускники высших учебных заведений; выборка информантов сбалансирована по полу. Полученные данные были подвергнуты компонентному анализу с распределением реакций по семантическим группам.

Ключевые слова: эксперимент; ассоциация; компонентный анализ; семантическая группа; искусство; китайский язык.

Введение

Искусство – это сфера человеческой деятельности, неразрывно связанная с творческим созданием и отражением окружающей действительности в художественных образах. Многогранность искусства проявляется уже в разнообразии его определений с позиций разных научных направлений: философии, гносеологии, эстетики, культурологии, психологии, религии, семиотики и т. д. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» представлено следующее определение искусства: «первоначальное обозначение всякого мастерства более высокого и особого сорта (“искусство мышления”, “искусство ведения войны”); в общепринятом специальном смысле – обозначение мастерства в эстетическом плане и созданных благодаря ему произведений – произведений искусства, которые отличаются, с одной стороны, от творений природы (понятийная пара: искусственный – естественный), с другой – от произведений науки, ремесла, техники, причем границы между этими областями человеческой деятельности очень нечетки, так как в величайших достижениях в этих областях участвуют также и силы искусства» [ФЭС 2010: электр. ресурс]. Таким образом, в этом определении зафиксированы следующие признаки, важные для понимания феномена искусства: искусство как мастерство и искусство как создание культурных артефактов, отличных от творений природы или технических устройств.

В рамках гносеологического подхода искусство трактуется как одна из форм познания мира,

в основе которой лежит чувственное восприятие и способность человека отражать окружающий мир в художественных образах, при этом эмоциональное тесно сплетено с интеллектуальным, а абстрактное с чувственным [Петкова 2008: 7]. Произведения искусства рассматриваются как специфическая часть реальности, к которой не применимы критерии истины, поскольку «продукт творческой фантазии является сплавом воспринятого и вымышленного, реального и возможного» [там же: 8].

В культурологии искусство рассматривается не только в качестве совокупного результата человеческой деятельности и важнейшего способа освоения мира, но и как элемент культуры, связанный со способностью субъекта к эстетическому осмыслению жизненного мира и его воспроизведению в образно-символическом ключе с опорой на ресурсы творческого воображения [БТСК: электр. ресурс]. Об организующей силе искусства Д.С. Лихачев писал следующее: «Отражая мир, искусство вместе с тем его преобразовало, строило свои “модели” мира, боролось с хаосом формы и содержания» [Лихачев 2015: 7].

В рамках социокультурного подхода искусство рассматривается в двух аспектах: ценностном и коммуникативном. Ценностный аспект искусства проявляется в том, что оно провозглашает и отстаивает определенные ценности и производит оценку явлений. Ценностный аспект тесно связан с человеческими эмоциями, которые пронизывают как процесс создания произведения искусства, так и его восприятие. В рамках коммуникативного аспекта искусство выступает в роли вторичного

языка, передающего с помощью вербальных и невербальных знаков неутилитарное содержание произведения. Установка искусства на коммуникацию важна для понимания его как социального института [Петкова 2008: 9].

В той или иной мере искусство свойственно любому обществу и культуре и представляет собой «один из векторов освоения мира человеком» [БРЭ: электр. ресурс]. Ю.М. Лотман называет искусство и науку «глазами человеческой культуры», которые отвечают за «объемность» получаемого знания [Лотман 2010: 479].

Искусство во всем многообразии видов и жанров стремится к сохранению и трансляции культурного опыта. В то же время оно выступает и в роли определенной формы обновления социального опыта, т. к. в нем постоянно фиксируются актуальные для современных поколений исторические и социальные процессы. Искусство выступает как источник познания, духовного обогащения и формирования мировоззрения личности.

Исследование концепта ИСКУССТВО в разных языковых картинах мира представляет особый интерес, так как сравнение представленности концептов может выявить как универсальное в восприятии искусства, так и характерное только для представителей той или иной лингвокультуры. В настоящей статье рассматриваются результаты эксперимента, направленного на реконструкцию концепта ИСКУССТВО/艺术 yìshù в русской и китайской языковых картинах мира.

Китай и Россия – два государства с долгой историей и богатыми традициями в области искусства, которые внесли значительный вклад в мировую художественную культуру. Современное искусство Китая характеризуется двумя тенденциями: обращением к западному миру, а также осмыслением традиционной культуры Китая через современные формы художественного творчества [Тимофеева 2016: 38–39]. Русское же искусство, как и сама русская культура, тяготеет к синтезу западного и восточного: «самосознание русского начинает рождаться в трагедии разрывания себя пополам меж стихийным востоком и умственным западом; его рост в преодоленье разрыва. Мы конкретны в стихийном; абстрактны в сознании: самосознание наше в духовной конкретности» [Белый 1988: 290]. Подобная точка зрения постулирует промежуточное положение русского менталитета между рациональным западным и иррациональным восточным. Анализ концепта ИСКУССТВО позволит не только выявить репрезентации искусства в языковой картине мира носителей русского и китайского языков, но и определить сходства и различия в отношении к искусству у представителей двух разных культур.

Материал и методы исследования

В настоящей работе используется лингвокогнитивный подход, который рассматривает концепт как лингвокогнитивное образование, отраженное в человеческом сознании, поэтому исследование концепта ИСКУССТВО включает в себя применение экспериментальных методик. Наиболее распространенными методами являются ассоциативный эксперимент (свободный, направленный, цепочечный) и анкетирование. Ассоциативный эксперимент представляется «наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики» [Белянин 2003: 68]. Кроме того, его проведение требует относительно небольших временных затрат. Ассоциативные реакции должны следовать немедленно для исключения обдумывания ответов, т. к. цель исследования – получение спонтанных реакций.

Нами проведен цепочечный ассоциативный эксперимент с большим количеством реакций, направленный на выяснение структуры представлений об искусстве у русских и китайцев. Эксперимент проходил в письменной форме. Участникам эксперимента предлагалось написать не менее 30 слов или выражений, которые ассоциируются у них со словом *искусство*/艺术 yìshù. Для китайских участников анкета переведена на китайский язык.

Информантами в ассоциативном эксперименте стали российские и китайские студенты Пермского государственного национального исследовательского университета. Выборка респондентов сбалансирована по национальности и полу. Всего опрошено 40 человек – 20 русских и 20 китайцев в возрасте от 18 до 25 лет. Подобные возрастные рамки соотносятся с возрастом молодежи. Молодые люди старше 18 лет – это уже сформировавшиеся личности, которые открыты новому опыту и при этом являются трансляторами современной культуры. Местом постоянного жительства информантов на момент проведения исследования являлись населенные пункты РФ и КНР; уровень владения иностранным языком (одним или несколькими) – средний и высокий.

Отметим, что параметр «владение иностранным языком» имеет для исследования важное значение, т. к. знание иностранного языка (и, соответственно, знание культуры страны изучаемого языка) значительно влияет на характер ассоциаций информанта. С учетом того, что в ассоциациях отражается как субъективный, так и социальный опыт, ассоциации человека, владеющего иностранным языком на продвинутом уровне, испытывают влияние иностранного языка и соответствующей культуры, поэтому из общей выборки информантов отсеяны информанты-китайцы с высоким уровнем владения языком.

В результате в исследовательский материал вошли реакции только тех информантов-китайцев, у кого знание русского языка не превышало средний уровень.

Всего в результате ассоциативного эксперимента получено 1211 реакций: 610 реакций на китайском языке и 601 реакция на русском языке. И в русской, и в китайской группе информантов большее количество реакций представили информанты-мужчины: 304 и 308 реакций соответственно. Объем реакций русских и китайских информантов-женщин составил 599 реакций: 297 и 302 реакции соответственно.

Для анализа семантики ответов, данных информантами, использовался компонентный семантический анализ. В основе метода компонентного анализа – представление о значении слова как о структуре множества элементарных единиц: сем, дифференцирующих единиц и т. д. [Стадульская 2012: 112]. Ответы информантов раскладывались на минимальные семантические составляющие. Ана-

лиз ответов информантов осуществлялся с использованием Информационной системы «Семограф» (www.semograph.org), позволяющей классифицировать любой лингвистический контент по выбираемым исследователем категориям и автоматически получать данные об объеме категорий и их связи.

Семантические группы поля *искусство*/艺术 в ассоциативных реакциях русских и китайских информантов

В результате анализа ассоциаций русских и китайских информантов нами выделено 15 семантических групп: «Виды искусства»; «Характеристики»; «Прецедентные феномены»; «Стили и жанры»; «Чувства, эмоции»; «Деятельность»; «Произведения искусства»; «Социум»; «Инструментарий»; «Образное определение»; «Деятель искусства»; «Интеллект»; «Авторы»; «Эталон»; «Время». В Таблице представлены семантические группы в ответах русских и китайских информантов.

Таблица

**Представленность семантических групп
в ответах русских и китайских информантов, %**

Название семантической группы	Русские информанты	Китайские информанты
Виды искусства	16,1	23,8
Характеристики	7,6	15,2
Прецедентные феномены	3,7	11,4
Стили и жанры	4,5	9,3
Чувства, эмоции	8,6	8,5
Деятельность	12,8	6,5
Произведение искусства	3,3	5,2
Социум	2,8	4,5
Инструментарий	3,5	4,5
Образное определение	10,1	4,2
Деятель искусства	2,3	1,9
Интеллект	7,2	1,9
Авторы	1	1,6
Эталон	0,8	0,9
Время	3,4	0,6

Таким образом, в Таблице четко определяются семантические группы с самым большим (выделено жирным шрифтом) и с самым малым количеством реакций, полученных из ответов информантов. И для русских, и для китайских информантов самой объемной стала группа «Вид искусства» (16,1% и 23,8% соответственно). Далее приведем список наиболее обширных семантических групп в порядке убывания их объема: у русских информантов это «Деятельность» (12,8%), «Образное определение» (10,1%) и «Чувства, эмоции» (8,6%); у китайских информантов – «Характеристики» (15,2%), «Прецедентные феномены» (11,4%), «Стили и жанры» (9,3%), «Чувства, эмоции»

(8,5%). Показатели последней семантической группы практически одинаковы в ответах русских и китайских информантов (8,6% и 8,5% соответственно); однако в остальных случаях наблюдаются существенные различия в показателях одних и тех же семантических групп у респондентов-китайцев и русских, что свидетельствует о неодинаковом восприятии искусства людьми одной и той же возрастной группы, но разных национальностей. В данной статье мы проанализируем самые представительные семантические группы у русских и китайских информантов, т. е. те группы, где у информантов разных национальностей наблюдаются значительные расхождения, а также

обратим внимание на семантические группы с самым малым количеством реакций: у русских информантов это группа «Эталон», а у китайских – «Время».

В семантическую группу «Виды искусства» вошли все упомянутые информантами произведения и элементы искусства или творческого процесса, которые внутри семантической группы также были разделены на подгруппы по различным видам искусства. Чаще всего русские и китайские информанты называли ассоциации, связанные с изобразительным искусством, музыкой и литературой. Образы из произведений данных видов искусства постоянно воспроизводятся в пространстве культуры и средствах массовой информации, нередко становясь прецедентными феноменами, что объясняет многочисленность ассоциаций в данной группе. Примечательно то, что в ассоциациях китайские информанты называли и произведения декоративно-прикладного искусства: 苏绣 sūxiù *традиционная вышивка*; 木雕 mùdiāokè *резьба по дереву*; 对联 duìlián *парные надписи*; 剪纸 jiǎnzhǐ *вырезки из бумаги*; 陶瓷 táocí *керамика* (здесь и далее – пер. наш, М.П.), – что также вошло в семантическую группу «Виды искусства» в качестве семантической подгруппы с соответствующим названием. Количество реакций семантической подгруппы «Декоративно-прикладное искусство» составило всего 2% от общего числа реакций китайских информантов. В ответах русских информантов данная семантическая подгруппа не представлена.

Обратимся к выделенной семантической группе «Деятельность». Здесь показатели русских и китайских информантов различаются почти в два раза (12,8% и 6,5% соответственно). В данной семантической группе нами выделено нескольких подгрупп. Укажем их вместе с примерами реакций информантов на русском и китайском языке:

- «Созидание»: *творить; самовыражение; приносить новое*; 创作 chuàngzuò *создавать*; 创新 chuàngxīn *привносить новое*;
- «Коммуникация»: *способ общения; взаимодействие; желание быть понятым*; 交流 jiāoliú *взаимодействие*; 依赖 yīlài *находиться в тесной связи друг с другом*;
- «Развитие»: *преодоление трудностей; преобразование; развитие*; 进修 jìnxiū *совершенствоваться*; 追求 zhuīqiú *стремиться*;
- «Исполнение»: *артистическое фехтование; кулинария; боевые искусства*; 弹琴 tánqín *играть на щипковых и клавишных инструментах*; 装饰 zhuāngshì *декорировать*;

- «Разрушение»: *разрушение системы; расширение границ сознания; прорыв* (подгруппа представлена только в ответах русских информантов).

Значительная разница в структуре семантической группы «Деятельность» у русских и китайских информантов дает нам возможность предположить, что русские воспринимают искусство как акт творчества, а не только как конечный продукт – произведение искусства. Деятельностный подход к искусству прослеживается и в реакциях китайских информантов, но он присутствует не столь явно и выражается в созидании и в совершенствовании. В этом можно увидеть отголоски конфуцианства, когда искусство было призвано в воспитание благородных мужей и будущих чиновников [Кравцова 2004: 350].

Второй по величине семантической группой у китайских информантов стала группа «Характеристики», и снова показатели у китайских и русских информантов отличаются в два раза (15,2% и 7,6% от общего числа реакций соответственно). Как и группа «Деятельность», обширная семантическая группа «Характеристики» включила в себя несколько семантических подгрупп:

- «Индивидуальность»: *самопознание; неповторимость*; 独一无二 dúyī wú'èr *единственный и неповторимый*;
- «Духовность»: *духовная ценность; духовные переживания*; 心灵 xīnlíng *одухотворенность*, 精神财富 jīngshén cáifù *духовное богатство*;
- «Мастерство»: *мастерство; старание*; 艺道 yì dào *мастерство*, 巧夺天工 qiǎoduó tiāngōng *мастерство человека превосходит творение природы*;
- «Оригинальность»: *неординарность; креативность*; 精彩 jīngcǎi *эффектный*, 标新立异 biāoxīn lìyì *выдвигать новое и оригинальное*;
- «Ценность»: *духовная ценность; величие*; 宝贵 bǎoguì *сокровище*, 无价之宝 wújià zhī bǎo *бесценное сокровище*;
- «Элитарность»: *изыск; элитарность*; 阳春白雪 yángchūn báixuě *искусство высокого стиля*, 奢华 shēhuá *роскошь и лоск*;
- «Эстетика»: *грация; золотое сечение*; 绚丽 xuànlì *красочный*, 妙趣 miàoqù *чувство прекрасного*.

Семантическая группа «Характеристики» отличается особым разнообразием реакций и включает в себя не только упоминания эстетичности как неизменного атрибута искусства, но и ответы информантов, наделяющие искусство (точнее, произведения искусства) ценностью. В данном случае под словом «ценность» мы подразумеваем как ис-

ключительную важность, так и высокую стоимость (ср.: 无价之宝 *wújià zhī bǎo* *бесценное сокровище* и 奢华 *shēhuá* *роскошь и лоск*). Искусство у обеих групп информантов неизменно прекрасно и одухотворенно, однако реакции именно этой семантической группы подчеркивают, что искусство элитарно и предназначено не для каждого.

Серьезные расхождения в количестве реакций у русских и китайцев встречаются в семантических группах «**Прецедентные феномены**» (3,7% и 11,4% от общего количества реакций у русских и китайцев соответственно), «**Образное определение**» (10,1% и 4,2% соответственно), «**Интеллект**» (7,2% и 1,9% соответственно), «**Время**» (3,4% и 0,6% соответственно).

Семантическая группа «**Прецедентные феномены**» выделена нами из-за присутствия в реакциях обозначений прецедентных феноменов, которые определяются как «являющийся коллективным достоянием культурозависимый результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена» [Красных 2016: 225]. В реакциях русских информантов данная группа представлена вербальными прецедентными высказываниями (*Vita brevis, Ars longa; дьявол кроется в мелочах*), реже прецедентными именами (*Леонардо да Винчи, Мона Лиза*) и еще реже – прецедентными ситуациями. К прецедентным ситуациям мы относим последовательно идущие реакции *Италия* и *Возрождение*. Они дополняют друг друга: известно, что именно Италия явила миру гениальных художников и шедевры живописи, а расцвет итальянского изобразительного искусства в XIV–XVI вв. именуется эпохой Возрождения. Именно по этим причинам искусство прочно ассоциируется с Возрождением и его родиной – Италией. Прецедентные феномены в реакциях китайских информантов представлены преимущественно чэньюями – «фразеологически связанными, устойчивыми лексико-синтаксическими единицами современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса» [Чэнь Шуан 2013: 69]. Встречающиеся в реакциях китайских информантов чэньюи затрагивают такие темы, как: плюрализм в искусстве (环肥燕瘦 *huán féi yàn shòu* у каждой женщины свои достоинства); красота (龙飞凤舞 *lóng fēi fèng wǔ* взлет дракона и пляска феникса); мастерство (别具匠心 *bié jù jīng xīn* проявлять самобытную изобретательность) и т. д.

В семантическую группу «**Интеллект**» включены реакции, называющие мыслительную дея-

тельность. Ответы русских информантов оказались не только более многочисленными, но и более разнообразными: реакции связывали искусство не только с мышлением (*мысль; мышление*), но и с познанием (*самопознание; восприятие; познание сложного в простых формах*) и даже с преобразованием (*мозговой штурм; переосмысление; разрушение границ сознания*). Таким образом, мы видим, что указанные реакции так или иначе обнаруживают связь с семантической группой «**Деятельность**». Реакции китайских информантов, вошедшие в группу «**Интеллект**», связаны с некоей идеей, выражаемой посредством искусства, а также с простотой или сложностью восприятия (*思想 sīxiǎng идея; 复杂 fùzá сложный; 黄钟大吕 huángzhōng dàlǚ понятный; 意义 yìyì смысл*), а также с воображением (*想象 xiǎngxiàng воображение; 梦幻 mènghuàn фантазия*). Обе группы информантов наделяют произведение искусства смысловой составляющей.

Отдельный интерес представляет семантическая группа «**Время**». Реакции и русских, и китайских информантов обозначают периоды (*современность; старинные вещи; 古风 gǔfēng древние обычаи; 现代艺术 xiàndài yìshu современное искусство*). Кроме того, реакции русских информантов содержат идеи времяпрепровождения (*времяпрепровождение; досуг; отдых*). Наличие реакций *вечность; вечное; бесконечность* отсылает нас к прецедентному высказыванию «Жизнь коротка, искусство вечно», которое уже было рассмотрено в составе семантической группы «**Прецедентные феномены**». Малочисленность реакций китайских информантов в семантической группе «**Время**» не удивительна: для китайского изобразительного искусства характерна каноничность и многократная воспроизводимость образов [Мещерина 2017]. Итак, можно отметить опосредованную связь искусства и времени как у русских, так и у китайских информантов, а также то, что русскими информантами искусство связывается с досугом (это может быть как сам творческий процесс, так посещение культурных мероприятий в свободное время).

Обратимся к содержанию семантической группы «**Чувства, эмоции**», в которой количественные показатели реакций информантов обеих национальностей практически одинаковы: 8,6% у русских и 8,5% у китайских информантов. Искусство воздействует на эмоции и призвано вызывать переживания, и ответы респондентов подчеркивают важность эмотивной составляющей искусства.

Как и семантическая группа «**Характеристики**», семантическая группа «**Чувства, эмоции**» поделена на несколько подгрупп:

- «Волнение»: *впечатление; тревожность; экспрессия*; 热情 rèqíng *страсть*, 激情 jīqíng *бурное чувство*;
- «Удивление»: *чудо*; 光彩夺目 guāngcǎiduómù *ослепительный*, 出神入化 chūshénrùhuà *поразительный*;
- «Социальные»: *смелость; желание быть понятым; терпение*; 共鸣 gòngmíng *резонансный*, 格调 gédù *порядочность*;
- «Положительные»: *счастье; комфорт;欣赏* xīnshǎng *наслаждаться*, 享受 xiǎngshòu *наслаждение*;
- «Отрицательные»: *обреченность; апатия; мучение*;
- «Состояние»: *обреченность; комфорт; спокойствие*; 灵感 língǎn *вдохновение*;
- «Сенсорные»: *цвета; пластичность; мягкость*; 明暗 míng'ǎn *светотень*.

Таким образом, можно видеть, что в ответах информантов присутствуют не только кратковременные эмоции, но и состояния и даже упоминания сенсорных ощущений. Стоит отметить, что в подгруппе «Отрицательные эмоции» отсутствуют реакции китайских информантов, что снова отсылает нас к разнице восприятия искусства носителями русской и китайской культур. Для русского национального сознания характерна ассоциация искусства с испытаниями, лишениями и душевными муками, что было продемонстрировано в лингвокультурологической работе Н.В. Баньковой «Концепт “искусство”/“art” в русском и английском языках» [Банькова 2015] и подтверждено данными нашего ассоциативного эксперимента. Реакции китайских информантов также указывают на то, что искусство также вызывает у них эмоции, однако здесь прослеживается гедонистическая функция: произведение искусства прекрасно, оно создано вызывать положительные эмоции, и его созерцание приносит наслаждение. Подтверждение нашего вывода мы находим в работе Чжу Чжичжунуна «Философия китайского искусства»: «С точки зрения китайцев, самое прекрасное состояние человека – это состояние художественного переживания. Люди, пребывая в нем, могут созерцать жизненный дух субъекта, могут выйти за рамки чувственной жизни, слившись в одно целое со всем сущим, чтобы выразить субъективный дух, являющийся следствием самореализации» [Чжу Чжичжунуна 2021: 8].

Если у китайских информантов самой малочисленной группой оказалась группа «Время», то у русских информантов – группа «Эталон» (0,8%). Это можно объяснить тем, что для русского искусства не характерна каноничность, а также возрастными особенностями информантов:

молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет отличаются нестандартностью мышления и более открыты всему новому [БРЭ: электр. ресурс].

Выводы

Компонентный анализ результатов ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *искусство*/艺术 yìshù показал как сходства, так и значительные различия образов искусства, представленных в ассоциативных реакциях русских и китайских информантов. Ключевой семантической группой для обеих групп информантов стала группа «Виды искусства», однако представленность остальных семантических групп различается. В ассоциациях русских искусство деятельно, это акт творчества и коммуникации. В ассоциациях китайцев искусство эстетически привлекательно, оно вне времени и представлено каноническими для своих жанров произведениями.

В семантическую группу «Деятельность» вошли реакции, связанные с такими процессами, как созидание, разрушение, коммуникация, развитие, исполнение. Русские информанты называли преимущественно ассоциации, связанные с созиданием и творческим процессом. Характеристики искусства, названные китайцами, включают в себя индивидуальность, элитарность, ценность, эстетику, мастерство.

Серьезные расхождения в количестве реакций у русских и китайцев встречаются в семантических группах «Время», «Прецедентные феномены», «Интеллект». Группа «Чувства, эмоции» у русских и китайских информантов представлена почти одинаковым процентом реакций – 8,6% и 8,5% соответственно.

Таким образом, проведенный ассоциативный эксперимент показал, что в языковой картине мира российской молодежи искусство имеет деятельностный характер, является актом творчества и коммуникации. В языковой картине мира китайской молодежи искусство прежде всего привлекательно с эстетической точки зрения, имеет вневременной характер и представлено каноническими произведениями различных жанров.

Список словарей с сокращениями

БРЭ – Большая Российская энциклопедия. Молодежь. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/molodiozh-91560e> (дата обращения: 07.12.2025).

БТСК – Большой толковый словарь по культурологии. Искусство. [Электронный ресурс]. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-200-4.htm#zag-496> (дата обращения: 03.06.2025).

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-200-3.htm?ysclid=mjl3auyaje170927305> (дата обращения: 03.06.2025).

Список литературы

Банькова Н.В. Концепт «искусство» / “art” в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 170 с.

Белый А. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1988. 464 с.

Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2003. 232 с.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб. Лань: Триада, 2004. 960 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2017. 496 с.

Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. 540 с.

Лотман Ю.М. О природе искусства. М: Прогресс-Традиция. 2010. 484 с.

Мещерина Е.Г. Эстетика Древнего Востока: Китай. Индия. Япония: буддизм и искусство XX века: учеб. пособие по курсу эстетики. М.: Канон-плюс, 2017. 352 с.

Петкова С.М. Эстетика. Ростов н/Д, 2008. 163 с.

Стадильская Н.А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32(286). С. 112–117.

Тимофеева В.Б. Искусство в межкультурной коммуникации России и Китая // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. Вып. 4(29). С. 38–41.

Чжу Чжичжун. Философия китайского искусства. М.: Изд-во восточной литературы, 2021. 383 с.

Чэнь Шуан. Китайские идиомы (чэньюй 成语) как компонент содержания межкультурной компетенции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 69–75.

THE IMAGE OF ART IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF RUSSIAN AND CHINESE YOUTH (BASED ON AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Mariia V. Pigaleva

**Senior Lecturer, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University**

The article represents the results of an associative experiment with the stimulus word “art”/‘艺术’ yìshù, conducted with Russian and Chinese informants. Participants were asked to write a chain of associations consisting of at least 30 responses. Participants ranged in age from 18 to 25 years old, were studying at or had graduated from a higher education institution, and the sample was balanced by gender. The data obtained were subjected to component analysis, with responses distributed among semantic groups.

Keywords: experiment; association; componential analysis; semantic group; art; Chinese.

УДК 81'27

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Гаранович Марина Владимировна

к. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, Букирева, 15. garamarina@yandex.ru

Стративная Алёна Михайловна

студент филологического факультета специальности «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» профиля «Русский язык как иностранный и китайский язык»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, Букирева, 15. alenastrativnaya@yandex.ru

В настоящем социо- и психолингвистическом экспериментальном исследовании представлены модели традиционных базовых духовно-нравственных ценностей российского и китайского обществ. Структуры значений понятий (*свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений*), вербализирующих традиционные ценности коллективистского типа культур, к которому относятся Россия и Китай, описаны на базе наивных толкований исследуемых понятий, данных 20 российскими и 20 китайскими студентами, представителями молодежи. Также описаны типы толкования исследуемых понятий (рассматривается соотношение специальных и обыденных семантических компонентов в их структурах). Исследование позволило подтвердить связь культурологических особенностей, отраженных в разных типологиях культур, с пониманием традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: языковое сознание, ценности, понятие, культура.

Введение

В современном мире, в котором глобализация и межкультурное взаимодействие становятся все более значимыми культурными процессами, описание структур различных ценностных представлений является актуальной и важной задачей социокогнитивного направления лингвистики. Каждая культура имеет свои уникальные духовно-нравственные ценности, убеждения и представления, которые определяют поведение и взаимодействие людей внутри нее. Именно поэтому понимание различий в ценностных картинах мира помогает преодолевать межкультурные барьеры в общении и строить более эффективные взаимоотношения. Это особенно актуально для построения прочных контактов с другими странами в сферах международного бизнеса, дипломатии, туризма и международного образования, поскольку взаимопонимание и уважение к культурному наследию других стран являются ключевыми факторами успеха в межкультурном взаимодействии. Так называемый «разворот на Восток» укрепил отношения между Россией и Китаем, как следствие, увеличилось число меж-

культурных контактов между этими странами. В подобных реалиях важно понимать ценностные установки представителя той или иной культуры для выстраивания прочных международных отношений в различных сферах общественной жизни.

Ценности – это культурная универсалия, они являются одним из значимых составляющих фундамента всякой культуры, формируя её ядро и придавая узнаваемую характеристику. Духовно-нравственные ценности являются достоянием любой страны и функционируют как важнейшие стратегические возможности для развития государства, позволяющие идентифицировать себя как носителя традиций и норм предыдущих поколений, а также служащие основанием для самоидентификации народа. В жизни людей ценности являются основой, определяющей значимость поступков и направленность поведения человека. Следуя из этого, такая категория как «ценность» в социолого-психологических исследованиях определяется через ценностные ориентации, установки, идеалы, личностную значимость и культурные смыслы. Исследовали эту проблематику и привлекали свое внимание к

многообразие и важности ценностей на протяжении истории многие исследователи, философы, классики социологии [Hofstede 1998, 2010; Schwartz 1992, 2009], создавшие концепции для эмпирических, а также сравнительных исследований культурных ценностей. Благодаря многим ученым в течение истории смысл понятия «ценность» постепенно расширялся, позволяя открывать новые возможности к пониманию и исследованию данной проблематики. Сегодня вектор развития данной области сменился в сторону изучения сущности традиционных духовно-нравственных ценностей, которые активно пропагандируются в современном обществе, поскольку находятся под деструктивным влиянием западной глобалистской идеологии [Кирилина, Гаранович 2022]. Назревшая социальная необходимость кросс-культурного экспериментального социо- и психолингвистического исследования-мониторинга особенностей формирования структур духовно-нравственных ценностей в языковом сознании представителей глобалистских и фундаменталистских культур делает настоящее исследование актуальным, особенно в условиях глобализации и необходимости сохранения национальных идентичностей в рамках традиционных коллективистских культур, к которым относятся Россия и Китай.

Объектом настоящего экспериментального исследования выступили традиционные базовые духовно-нравственные ценности российского и китайского обществ, актуальные для языкового сознания российской и китайской молодежи. Предметом исследования являются структуры значений слов и понятий (*свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений*), вербализирующих традиционные ценности коллективистского типа культур, к которому относятся Россия и Китай, а также типы толкования исследуемых понятий (рассматривается соотношение специальных и обыденных семантических компонентов в их структурах).

Дизайн эксперимента и методы исследования

Цель проведенного социо- и психолингвистического эксперимента состояла в выявлении и описании структур значений ключевых понятий (*свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений*), актуализирующих традиционные духовно-нравственные ценности России и Китая. Для достижения поставленной цели и последующей интерпретации результатов эксперимента реализованы следующие этапы исследования:

1) определены типы культур России и Китая по существующим классификациям Г. Хофстеде

и Ш. Шварца [Hofstede 1998, 2010; Schwartz 1992, 2009];

- 2) определен круг понятий, отражающих понимание базовых традиционных духовно-нравственных ценностей, характерных для ценностных картин мира России и Китая;
- 3) проведен психолингвистический эксперимент на наивное толкование понятий *свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений* среди российских и китайских студентов на соответствующем им родном языке;
- 4) проанализированы структуры значений стимульных слов на базе наивных толкований респондентов;
- 5) выделен и описан характер актуализируемых семантических компонентов в наивных толкованиях информантов с опорой на юридические и научные источники, т.е. определены типы толкования исследуемых понятий (обыденное или приближенное к специальному).

Изучение ценностных картин мира разных национальных групп (китайцев и русских) проведено на примере актуализации в их языковом сознании базовых традиционных духовно-нравственных ценностей, перечисленных в пункте 5 указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К этим ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809: электр. ресурс]. Среди них выбраны те ценности, которые описываются Дэн Гофэн в книге «Базовые ценности современного Китая», опубликованной в 2018 г. издательством «Жэньминь жибао» (Народная Газета) [Дэн Гофэн 2018]. Ранее в 2014 г. 12 базовых ценностей современного Китая обнародованы в газете «Жэньминь жибао» (известны как 二十四字 / двадцать четыре иероглифа) [Дубкова 2020: 198–199]: 富强 – богатство и могущество; 民主 – демократия (букв. ‘народ – хозяин’); 文明 – культура (образование); 和谐 – гармония (согласие); 自由 – свобода; 平等 – равенство; 公正 – справедливость (беспристрастность); 法治 – верховенство права; 爱国 – патриотизм (любовь к стране); 敬业 – преданность

работе; 诚信 – честность (добропорядочность); 友善 – дружелюбие.

В итоге из обоих списков отобраны те ценности, которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми как для китайского, так и для российского обществ. Так, из всего материала на русском и китайском языках выбраны следующие понятия, напрямую связанные с пониманием базовых традиционных духовно-нравственных ценностей: *свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений*.

В проведенном эксперименте исследуются ценностные картины мира двух групп информантов, собранных с учетом таких факторов, как «нация» и принадлежность к социальной группе «студенты». Рассмотрим эти факторы.

Нация – историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют её признаки [БСЭ: электр. ресурс]. В процессе исторического развития нации складываются национальные ценности, которые формируют ценностную картину мира.

Студенты – лица, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, программы специалитета или программы магистратуры [Пункт 3 статьи 33 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: электр. ресурс]. Студенты – это та социальная группа, которая активнее всего отзывается на все изменения ценностных установок в обществе.

В настоящем исследовании информанты отбирались по вышеупомянутым параметрам среди китайских и русских студентов (бакалавры и магистры). В выборке респондентов, привлеченных к исследованию, фактор «нация» имел две градации – «китаец» и «россиянин». Фактор «студент» не имел градации (гуманитарии или негуманитарии).

В целях выявления различий в понимании ценностей представителями разных социальных групп использовался принцип балансировки выборки информантов, суть которого заключается в том, что выборка состоит из одинакового количества информантов по любому фактору и его рангу, указанному в эксперименте. Балансировка выборки охватывает все изучаемые в данном исследовании социальные группы и позволяет сформировать количественно и качественно репрезентативную выборку. В ходе проведенного эксперимента проанализированы 280 наивных толкований исследуемых 7 понятий 20 российских (10 мужчин и 10 женщин) и 20 китайских информантов (10 мужчин и 10 женщин). Все информанты

являются студентами: российские информанты – студенты ПГНИУ, КФУ и УРФУ, а китайские – Цзянсунского педагогического университета.

Задачи настоящего исследования решались с помощью соответствующих данной проблеме методов и методик. В целях получения языкового материала (вербальной интерпретации базовых ценностей) использован метод наивного толкования слова. Для анализа и интерпретации полученных наивных толкований применены компонентный анализ значения слова, метод сравнительного анализа и статистического подсчета.

Метод наивного толкования слова подразумевает, что информантов просят дать определение того или иного слова без использования словарных статей, обычно никак не ограничивая способ толкования. По мнению Е.А. Балашовой, наивные толкования мы можем получить только в том случае, если «информантам при определении значения слов дается установка на обыденное, наивное понимание, восприятие значения слова» [Балашова 2007: 53–57]. Так, происходит обращение к языковому сознанию носителей языка, и они актуализируют именно те значения и компоненты значения слова, которые являются важными для них. Таким образом, с помощью обращения к сознанию носителей языка при толковании значений слов можно получить представление о том, какие аспекты значения важны для разных социальных групп носителей языка [Тань Ин 2019: электр. ресурс].

Метод компонентного семантического анализа является одним из основных методов описания значения слова путем выделения семантических компонентов, под которыми понимается «составная часть значения слова, выявляемая путем компонентного анализа» [Нелюбин 2003: 190]. В основе метода лежит полевой принцип, согласно которому в семантическом поле значения слова выделяются ядро и периферия. Ядерными компонентами обозначают постоянный и обязательный признак предмета, также они чаще встречаются в словарях или в толкованиях информантов. Периферийными компонентами являются те, которые встречаются реже в словарях и в толкованиях информантов, однако также важны для обозначаемого предмета или явления. Таким образом, роль семантических компонентов задается частотой их актуализации в определениях или толкованиях информантов.

Полученный языковой материал обработан по следующему алгоритму:

- 1) в толкованиях, данных респондентами, выделялись отдельные семантические компоненты;
- 2) подсчитывалось количество семантических компонентов при толковании того или иного

слова в зависимости от социальных параметров информантов, заложенных в выборке;

- 3) выделенные в толкованиях информантов семантические компоненты соотносились с компонентами значения исследуемого слова согласно его словарному или специальному определению.

Сравнительный метод использовался для определения различий между структурой понятия в словаре и в языковом сознании информантов, а также для сравнения структур понятия у разных социальных групп информантов. Особое внимание уделялось сопоставлению наиболее часто встречающихся семантических компонентов в толкованиях информантов.

Метод статистического подсчета использовался для определения частоты актуализации того или иного семантического компонента в структуре понятия.

Таким образом, для исследования представлений китайцев и россиян о базовых духовно-нравственных ценностях использован комплекс методов получения и обработки языкового материала.

Выборка информантов, от которых получены наивные толкования исследуемых понятий, строилась с учетом социальных параметров, оказывающих влияние на представления респондентов (нация, принадлежность к социальной группе «студент») о традиционных ценностях.

Использованный в эксперименте метод наивного толкования является основным методом для получения языкового материала во многих социо- и психолингвистических исследованиях. С его помощью можно обратиться непосредственно к языковому сознанию информанта, что помогает выявить наиболее важные компоненты понятия.

Компонентный семантический анализ позволяет определить ядерные компоненты и их вес (частотность).

Метод сравнительного анализа, примененный при обработке результатов, эффективен тем, что при его использовании можно выявить компоненты, которые являются общими и различными для китайских и российских информантов.

Метод статистического подсчета позволяет определить частоту актуализации семантического компонента, что необходимо для последующего сравнительного анализа.

Сочетание социолингвистических, психолингвистических и количественных методов представляется продуктивным для исследования представлений о ценностной картине мира в зависимости от социальных параметров информантов.

Результаты эксперимента

В экспериментальный стимульный материал включены слова *свобода* (自由 *zìyóu*), *патрио-*

тизм (爱国主义 *àiguózhǔyì*), *гражданственность* (公民意识 *gōngmín yìshí*), *семья* (家庭 *jiāting*), *труд* (劳动 *láodòng*), *коллективизм* (集体主义 *jítǐzhǔyì*), *преемственность поколений* (代代相传 *dàidài xiāngchuán*). Проанализируем словарные определения данных понятий и ядерные семантические компоненты значения, которые выделяются в данных определениях.

Свобода – «разнообразие возможностей для социального, политического, экономического развития; государственная независимость, суверенитет; отсутствие крепостной зависимости, рабства; состояние того, кто не находится в заключении, в неволе; отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению; возможность действовать в какой-л. Области без ограничений, запретов, беспрепятственно; возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества; лёгкость, отсутствие затруднений в чём-л.; раздолье, простор; свободное, незанятое время; досуг» [БТС: электр. ресурс]. Ядерными семантическими компонентами данных определений являются: 'независимость', 'воля', 'лёгкость', 'досуг'. В китайских источниках данное понятие толкуется следующим образом: «право действовать по собственной воле в рамках, установленных законом; беспрепятственный» (здесь и далее перевод наш – М.В. и А.М.) [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Ядерными компонентами являются: 'право', 'собственная воля', 'беспрепятственный' (здесь и далее перевод семантических компонентов наш – М.В. и А.М.).

Патриотизм – «Родина, отечество. Любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы родины» [БТС: электр. ресурс]. Ядерные компоненты данного определения следующие: 'родина', 'отечество', 'любовь', 'преданность'. В китайском источнике дается следующее определение: «индивидуальное или коллективное позитивное и поддерживающее отношение к Родине, которое раскрывает зависимость индивида от Родины и представляет собой единство чувства принадлежности, идентичности, достоинства и чести людей к своей Родине, нации и культуре» [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Ядерными семантическими компонентами являются: 'позитивное отношение к Родине', 'поддерживающее отношение к Родине', 'зависимость индивида от Родины', 'чувство принадлежности', 'достоинство', 'честь', 'Родина', 'нация', 'культура'.

Гражданственность – «личное качество, выражающееся в глубоком осознании человеком своей принадлежности к обществу, в котором он жи-

вет, а также в осознании совокупности своих прав, обязанностей по отношению к обществу, в готовности добровольно следовать предписаниям его морали и закона; в более общем значении – забота об общественном благе, концентрация помыслов и чувств на идее гражданского долга» [Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика 1999]. Согласно Конституции РФ: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации, глава 2, статья 59, пункт 1: электр. ресурс]. Ядерными компонентами данного определения являются 'принадлежность к обществу', 'права', 'обязанности', 'мораль', 'закон', 'забота', 'гражданский долг', 'защита Отечества', 'долг'. В китайском источнике дается следующее толкование гражданственности: «Граждане являются общим субъектом основных прав, определенных Конституцией Китая. Согласно положениям пункта 1 статьи 33 нашей действующей Конституции, все лица, имеющие гражданство Китайской Народной Республики, являются гражданами Китайской Народной Республики» [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Данное определение отождествляет понятия «гражданственность» и «гражданство».

Семья – группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и др. близких родственников, живущих вместе [БТС: электр. ресурс]. Согласно семейному кодексу РФ, семья – это «круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления» [Семейный кодекс РФ, статья 2: электр. ресурс]. Ядерными компонентами понятия являются 'группа', 'круг лиц', 'муж', 'жена', 'дети', 'родственники', 'имущественные права и обязанности', 'неимущественные права и обязанности', 'брак', 'родство', 'усыновление'. В китайском источнике дается следующее определение семьи: «это своего рода социальная ячейка, основанная на кровных и эмоциональных связях, характеризующаяся общим проживанием, экономическим сотрудничеством и воспроизводством потомства» [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Ядерными компонентами понятия являются 'социальная ячейка', 'кровные связи', 'эмоциональные связи', 'общее проживание', 'экономическое сотрудничество', 'воспроизводство потомства'.

Труд – «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей;

работа, занятие; усилие, направленное к достижению чего-л.; результат деятельности, работы; предмет школьного образования; обучение навыкам какой-л. профессиональной, хозяйственной деятельности [БТС: электр. ресурс]. Согласно трудовому кодексу РФ, «труд – это выполнение работы» [Трудовой кодекс Российской Федерации, статья 4: электр. ресурс]. Ядерными компонентами понятия являются 'деятельность', 'материальные и духовные ценности', 'работа', 'занятие', 'усилие', 'результат', 'предмет', 'обучение'. В китайском источнике приводится следующее определение труда: «ручной или умственный труд, а также деятельность, суть которой заключается в управлении машинами и инструментами, для выполнения производственных задач» [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Выделены следующие ядерные семантические компоненты: 'ручной труд', 'умственный труд', 'деятельность', 'управление машинами/инструментами', 'производственные задачи'.

Коллективизм – «общность, коллективное начало как принцип общественной жизни и деятельности людей, противоположный индивидуализму» [БТС: электр. ресурс]. Ядерными компонентами данного определения следующие: 'общность', 'коллективное начало', 'противоположность индивидуализму'. В китайском источнике дается следующее определение коллективизма: «идеологическая теория, которая утверждает, что индивиды подчинены обществу и что личные интересы должны быть подчинены интересам группы, нации и страны» [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс]. Можно выделить следующие ядерные семантические компоненты в определении: 'идеологическая теория', 'индивиды', 'подчинение', 'общество', 'личные интересы', 'интересы группы/нации/страны'.

Преимственность поколений – сложный процесс передачи, усвоения, сохранения и применения материальных и духовных ценностей, норм и правил, традиций и обычаев, инструментальной информации и опыта разных поколений, взаимодействующих друг с другом [БТС: электр. ресурс]. Ядерными компонентами этого определения являются 'передача', 'усвоение', 'сохранение', 'материальные и духовные ценности', 'применение', 'опыт', 'нормы, правила', 'традиции', 'поколение'.

Выделенные ядерные семантические компоненты в структурах данных понятий позволяют говорить о них как о вербализаторах базовых традиционных духовно-нравственных ценностей коллективистских культур, к которым относятся Китай и Россия.

Далее рассмотрим особенности формирования исследуемых понятий в языковом сознании русских и китайских студентов, участвовавших в эксперименте. На Рисунках 1–7 представлено

распределение частот семантических компонентов в наивных толкованиях исследуемых 7 слов у российских и китайских информантов.

Понятие «свобода»

Для россиян значение понятия «свобода» сопряжено с отсутствием ограничений реализации возможностей, а также с самостоятельным выбором (отметим, что компонент ‘самостоятельность’ отсутствует в ответах китайцев).

Наиболее частотным семантическим компонентом как у российских, так и у китайских информантов оказался ‘отсутствие ограничений’, еще одним общим компонентом является ‘возможность выбора’ (см. Рисунок 1).

Российские информанты также выделяют сему ‘реализация возможностей’. Для китайцев свобода сопряжена со ‘вседозволенностью’ (которую можно отнести к ядерному компоненту), также свобода является ‘основой жизни’. Китайцы убеждены, что быть свободным – это ‘действовать по своим убеждениям’. Подобная трактовка понятия может быть обусловлена тем, что российская и китайская культуры являются по своей сути иерархичными, т. е. свобода в таких системах ограничена. Если исходить из наивных толкований российских информантов, то неестественность внешними рамками и есть свобода, в то время как для китайских информантов полное отсутствие рамок подразумевает свободу, что наталкивает на мысль о более анархичном понимании данной ценности.

Понятие «патриотизм»

Ядерным компонентом понятия *патриотизм* для обеих групп информантов является ‘любовь’, при этом данная сема наиболее частотна среди русских информантов. Остальные толкования у русских информантов представляют собой индивидуальные реакции (см. Рисунок 2).

В толкованиях китайских информантов актуализируются компоненты ‘защита страны’, ‘преданность стране’, ‘чувство принадлежности к определенной стране’, а остальные компоненты представляют собой индивидуальные реакции. Подобная трактовка понятия у российских информантов может быть связана с устойчивым определением: «патриотизм – любовь к Родине». В китайском языке патриотизм – это 爱国主义; если разбирать слово на составные части, то 爱 переводится как «любить» 国 – «государство» 主义 – «концепция». Так, формула «патриотизм = любовь к государству» в Китае закреплена на языковом уровне. Актуализация сем ‘защита страны’ и ‘преданность страны’ свидетельствуют о сильных патриотических чувствах и готовности китайцев защищать Родину (в ответах российских респондентов эти семы не зафиксированы).

Понятие «гражданственность»

Наиболее частотными компонентами в толкованиях понятия *гражданственность* у российских информантов стали ‘соблюдение правил’ и ‘гражданство’, а у китайских – только ‘гражданство’. Большая часть толкований информантов представляет собой индивидуальные реакции, которые нельзя отнести к ядерным (см. Рисунок 3).

Таким образом, большинство информантов не могут дать четкое определение ‘гражданственности’. Наивные толкования, данные информантами, во многом основываются на однокоренных словах гражданство – гражданственность (для русских информантов), на включении одних и тех же иероглифов 公民意识 – 公民身份 (для китайских информантов). Кроме того, в определении, данном в китайском источнике, гражданственность является синонимом гражданства [Baidu Encyclopedia: электр. ресурс].

Понятие «семья»

Как видно на Рисунке 4, ядерным компонентом в структуре понятия *семья* для обеих групп информантов является сема ‘узы/родство/связь’, что говорит о принадлежности российских и китайских студентов к коллективистскому типу культур, для которого характерна значимость семейных отношений и кровных уз в обществе.

При этом, российские и китайские информанты отмечают, что семья – это ‘особая форма отношений’, в которой важны ‘поддержка’ и ‘доверие’. Кроме того, китайские информанты также отмечают, что семья – это ‘близкие люди’, ‘любовь’ и ‘часть общества’, а российские студенты в своих ответах актуализируют компоненты ‘союз’, ‘институт’, ‘ячейка общества’, признавая социальную значимость института семьи.

Понятие «труд»

Наиболее частотными компонентами понятия *труд* для российских информантов стали ‘деятельность’, ‘результат’ и ‘преобразование’, а для китайских информантов – ‘способ заработать деньги’. Кроме того, россияне отмечают такие компоненты, как ‘работа’, ‘продукт’, ‘способность’, ‘усилие’ и ‘отличие от животных’. В наивных толкованиях у китайских информантов также актуализируются компоненты ‘способ самореализации’ и ‘деятельность’ (см. Рисунок 5).

Труд для россиян представляет собой деятельность, нацеленную на преобразование и результат, а для китайцев – это прежде всего способ заработать деньги. Подобная разница в понимании ценности труда во многом связана с преобладанием в российском обществе духовного над материальным, о чем свидетельствует исследование Ш. Шварца, в котором показатель

«Гармонии» у России значительно выше, чем «Мастерство» [Schwartz 2009]. По типологии Г. Хофстеде России свойственна феминность [Hofstede 2010]. В Китае же, наоборот, «Мастерство» преобладает над «Гармонией», а сама культура больше склонна к мужественности, соперничеству, а также достижению материальных благ. Кроме того, в перечне ценностей в 2014 г. в китайской газете «Жэньминь жибао» на первом месте в иерархии базовых ценностей китайского общества стоит 富强 – богатство и могущество [Дубкова 2020].

Совокупность этих факторов является объяснением столь большого различия в понимании ценности «труд» российскими и китайскими студентами.

Понятие «коллективизм»

Наиболее частотным компонентом понятия *коллективизм* как для российских, так и для китайских информантов стал «коллектив». Однако различаются подходы к описанию данного понятия.

Как видно на Рисунке 6, для россиян ядерными являются следующие компоненты понятия: «коллектив», «цель», а для китайцев – «коллектив», «идеология» и «противоположность индивидуализму».

Для россиян наиболее характерно бытовое понимание понятия (см. компоненты «цель», «совместность», «трудовая община», «командный дух», «сплоченность», «общество», «собственность», «политика»), а большинство сем являются индивидуальными реакциями, что свидетельствует об отсутствии четкого представления о понятии коллективизма для российских студентов, в то время как у китайцев в толкованиях встречаются семы «идеология», «противоположность индивидуализму», «работа в команде», «совместные интересы». Подобные реакции от китайских информантов можно назвать ожидаемыми, так как маосизм и

марксизм являются обязательными для изучения в Китае, в России же концепция коллективизма как общественной идеологии рассматривается только в рамках обществознания в школах.

Понятие «преемственность поколений»

Наиболее частотными компонентами понятия «преемственность поколений» у российских информантов стали «традиции», «опыт», «ценности», также встречаются такие семы, как «знания», «связь», «передача», «блага». У китайских информантов в толкованиях встречаются следующие компоненты: «рождение ребенка» (наиболее частотный), «опыт», «ценности», «воспитание», «консервативная концепция».

Как видно на Рисунке 7, для российских информантов ядерными компонентами понятия являются «традиции», «ценности», «опыт», а для китайских информантов – «рождение ребенка».

Так, для россиян важнее, что передавать, а для китайцев кому. Для русских информантов оказалась важнее культурная обусловленность преемственности поколений, а для китайских респондентов преемственность поколений напрямую связана с продолжением рода и рождением детей. Такая разница в понимании этой традиционной ценности может быть обусловлена демографической ситуаций в Китае. На сегодняшний день Китай находится в состоянии демографического кризиса, вызванного политикой «Одна семья – один ребенок», резким изменением уровня жизни, как следствие, увеличением цен. Поэтому сегодня в китайском обществе остро обсуждается вопрос, сможет ли следующее поколение поддерживать тот же уровень экономического благосостояния и конкурентоспособности страны при сохранении высоких демографических показателей.

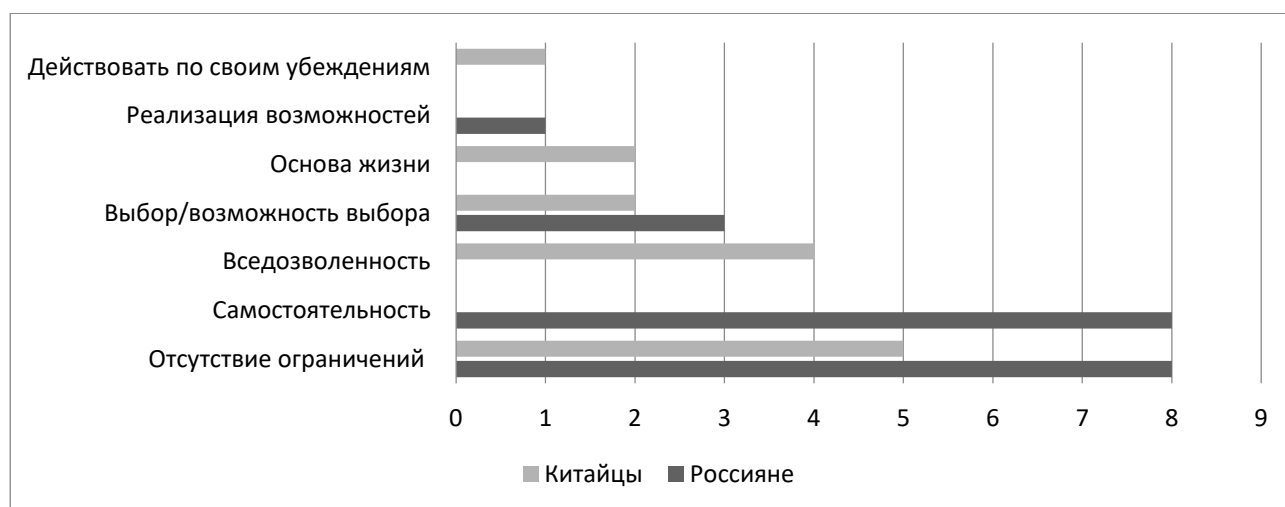


Рисунок 1. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *свобода* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.



Рисунок 2. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *патриотизм* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.

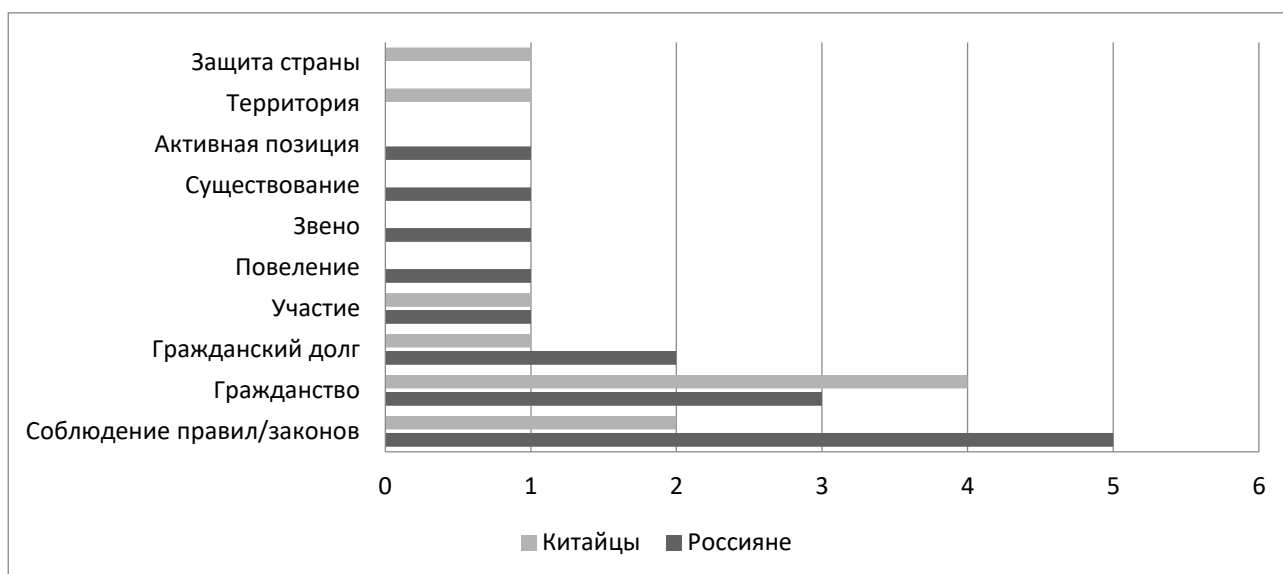


Рисунок 3. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *гражданственность* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.

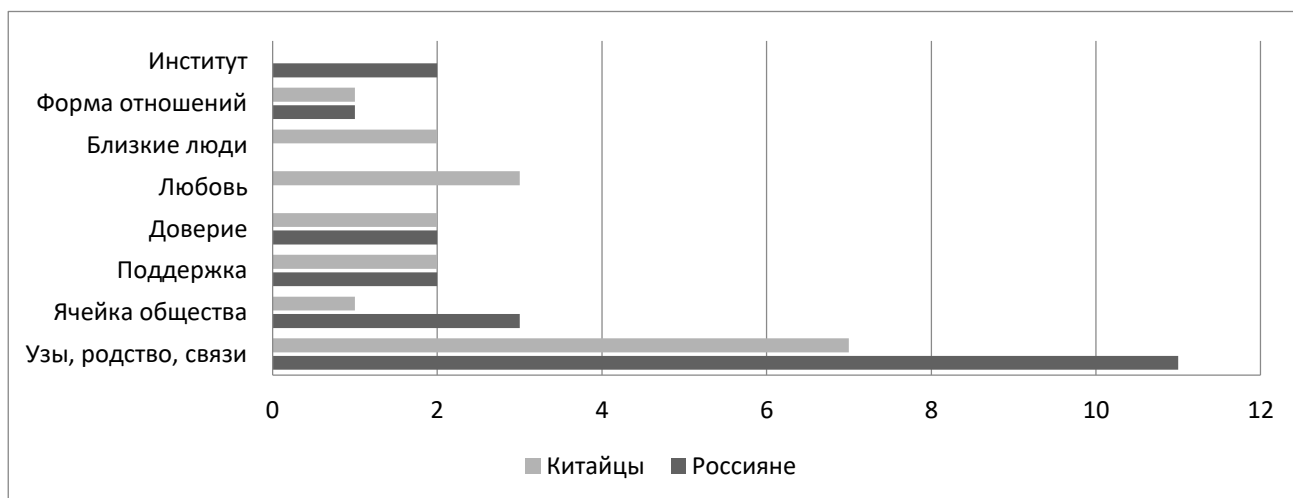


Рисунок 4. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *семья* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.

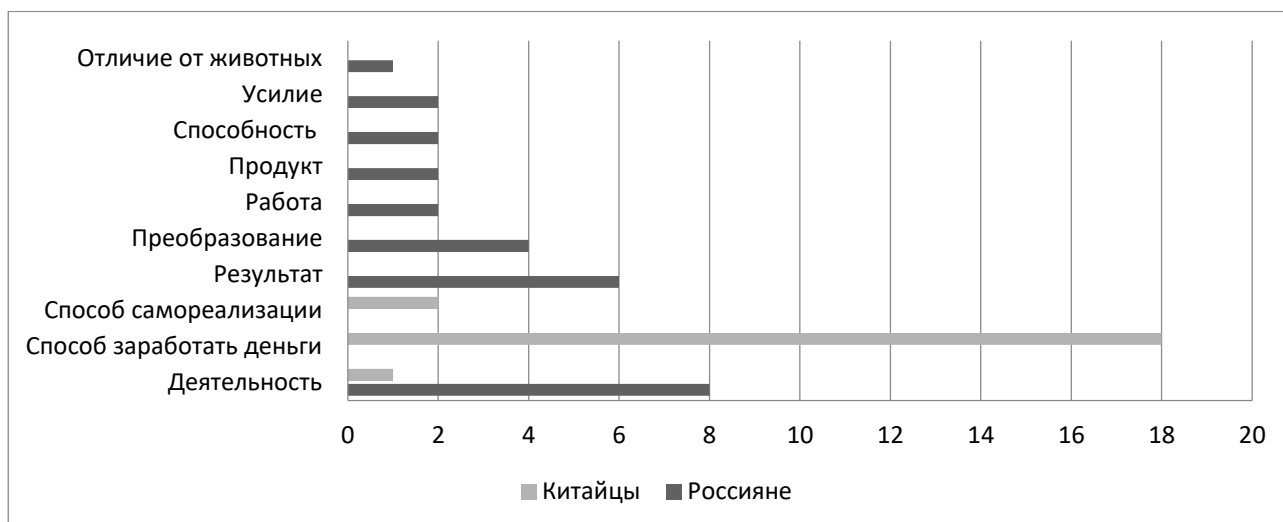


Рисунок 5. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *труд* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.

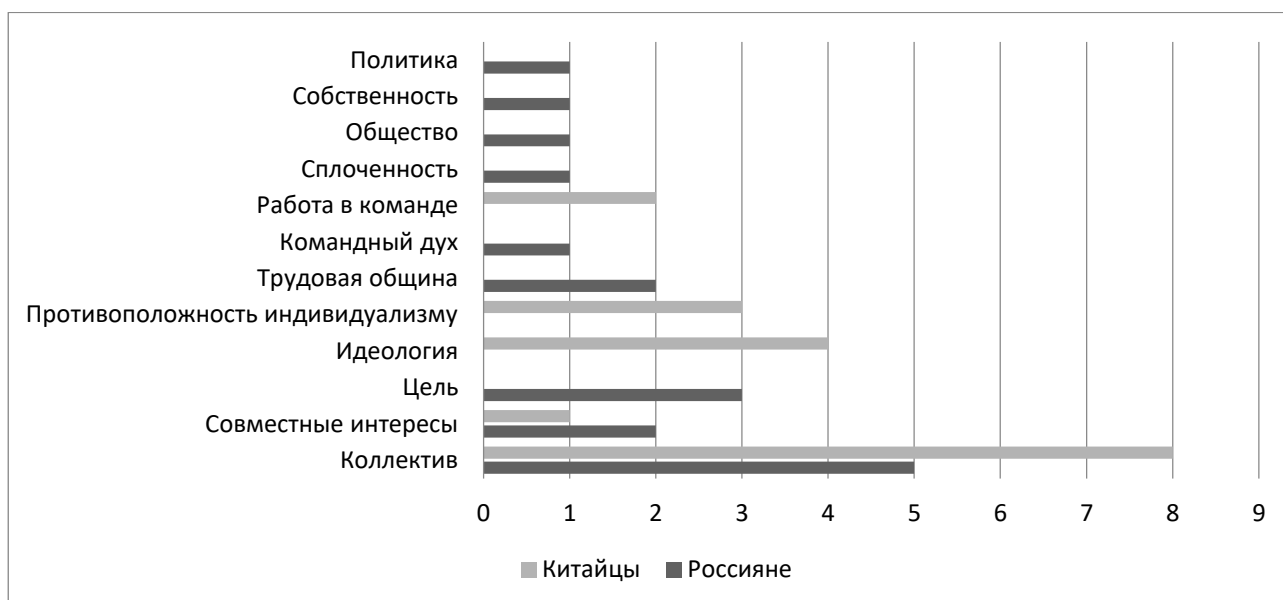


Рисунок 6. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *коллективизм* в толкованиях российских и китайских информантов, абс.

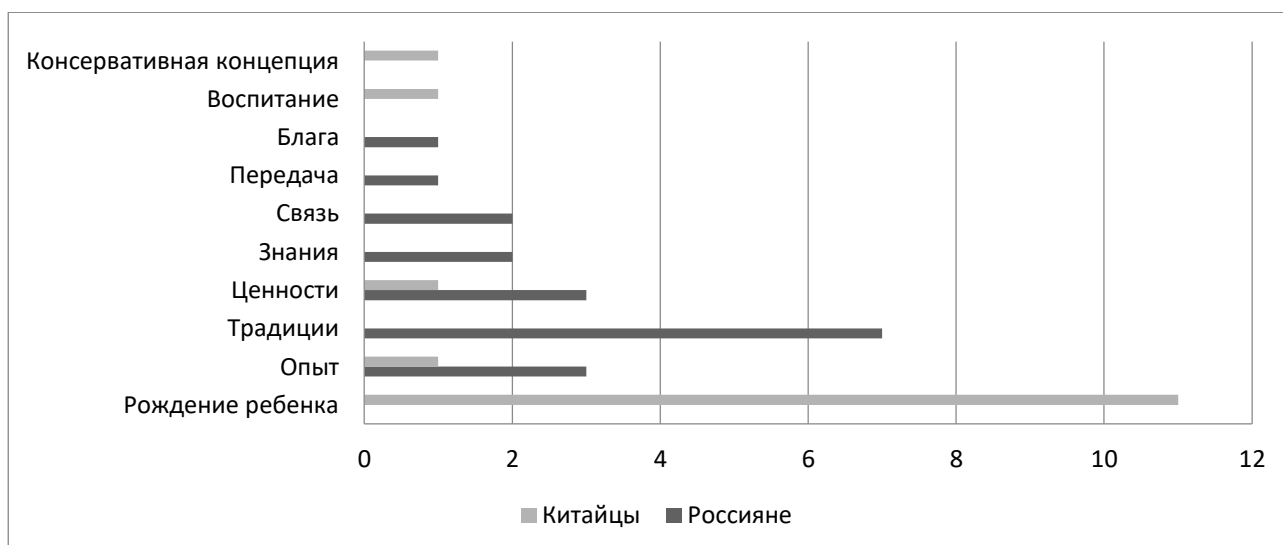


Рисунок 7. Распределение частот семантических компонентов в структуре понятия *преемственность поколений* в толкованиях российских и китайских информантов

**Специфика типов толкования понятий:
анализ частоты специальных и обыденных
семантических компонентов в наивных тол-
кованиях русских и китайских информантов**

Полученные семантические компоненты, выделенные в наивных толкованиях респондентов обеих групп, также соотнесены с типом толкова-

ния, т. е. разделены на обыденные и специальные семы (встречающиеся в определениях из толковых словарей и юридических источников). Полученные данные о характере актуализированных семантических компонентах в наивных толкованиях российских и китайских информантов представлены в Таблице 1.

Таблица

**Частота обыденных и специальных семантических компонентов
в толкованиях понятий у российских и китайских информантов, абс.**

Понятия	Российские информанты		Китайские информанты	
	Обыденные семы	Специальные семы	Обыденные семы	Специальные семы
Свобода	20	0	14	0
Патриотизм	3	17	5	14
Гражданственность	5	10	1	8
Семья	4	18	8	9
Труд	9	18	20	1
Коллективизм	11	1	9	7
Преемственность поколений	1	18	13	2
Всего	53	82	70	41

Исходя из данных, представленных в Таблице, можно сделать вывод о том, что у российских информантов при толковании предъявленных им понятий преобладают специальные семы, а у китайских, наоборот, обыденные.

Исходя из результатов, представленных в Таблице, ценность «свобода» воспринимается россиянами и китайцами лишь на уровне бытовых рассуждений, что свидетельствует об отсутствии специального понимания данного понятия у обеих групп информантов. Причиной этому может служить размытость термина и его философская составляющая, что может затруднять толкование.

Ценность «патриотизм» понимается верно как российскими, так и китайскими информантами. Специальные семы преобладают над обыденными в ответах обеих групп. Подобная частотность специальных сем может быть обусловлена распространенностью употребления термина, а также актуальностью патриотических ценностей в общественно-политическом дискурсе обеих стран. Сравнение толкований респондентов обеих групп также свидетельствовало о большей сформированности патриотических чувств у китайских студентов.

Среди семантических компонентов, составляющих понятие «гражданственность», также преобладают специальные семы в ответах российских и китайских студентов.

Значимость ценности «семья» как основной «ячейки общества» определяется преимущественно российскими информантами, а не китайскими. Это может быть связано с нежеланием китайской молодежи вступать в брак, а также

более поздним созданием семьи в Китае даже на законодательном уровне (20 лет для женщин и 22 года для мужчин) [Протопопова 2016: 3]. Кроме того, толкования российских студентов, приближенные к специальной юридической дефиниции понятия «семья», свидетельствуют о сформированности традиционных семейных ценностей в сознании российской молодежи.

Ценность «труд» понимается российскими информантами лучше, чем китайскими. Во многом это связано с тем, что труд для китайцев имеет более прикладной характер. Китай относится к маскулинному типу культуры, в которой ценятся амбиции и достижения [Hofstede 1998: 2010]. Лучший способ продемонстрировать результат своего труда – это получение материальных благ. Возможно, именно поэтому в толкованиях понятия «труд» у китайских информантов чаще встречаются обыденные семы (например, «способ заработать деньги»), обусловленные национальной спецификой понимания одной из основных базовых ценностей. В целом можно сказать, что в определении ценности «труд» у китайских респондентов преобладает материальное над духовным. У русских же информантов материальные аспекты трудовой деятельности человека не столь значимы, поскольку в современной русской ценностной картине мира Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. определен приоритет духовного над материальным [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809: электр. ресурс].

Ценность «коллективизм» понимается китайскими и российскими информантами несколько в

обыденном плане, однако, жители Китая в своих толкованиях актуализируют больше специальных сем, что может быть обусловлено особенностью системы образования в Китае, направленной на формирование коллективизма у граждан страны. Кроме того, по критерию типологии культур «индивидуализм – коллективизм», предложенному Г. Хофстеде, Китай имеет большие показатели по сравнению с Россией [Hofstede 1998].

Ценность «*преемственность поколений*» как передача культуры также лучше понимается российскими информантами. Важно отметить, что на китайском языке не удалось найти определение данного термина, поэтому скорее всего данная ценность не является актуальной для китайского общества и связывается только с необходимостью продолжения рода и рождения детей.

Выводы и перспективы исследования

Проведенный компонентный семантический анализ 7 слов на базе наивных толкований понятий (*свобода, патриотизм, гражданственность, семья, труд, коллективизм, преемственность поколений*) показал в целом сформированность традиционных базовых духовно-нравственных ценностей в языковом сознании молодых представителей российской и китайской культур, но при этом определенные различия в понимании исследуемых ценностей существуют. Ценностная картина мира является разновидностью языковой картины мира и отражает систему идеалов общества. На ее формирование влияет множество факторов: экономических, территориальных, климатических, культурных, политических, демографических и т.д. Российские и китайские традиционные ценности претерпевали изменения в процессе общественного развития. На сегодняшний день основные ценности россиян и китайцев находят отражение в юридических текстах и общественно-политическом дискурсе. Однако нельзя сказать, что базовые ценности полностью идентичны в обоих государствах. Отличительные черты в понимании духовно-нравственных ценностей коренятся в типологии и разнице культур. По типологии Г. Хофстеде Россия и Китай являются коллективистскими и иерархичными культурами с высоким уровнем долгосрочной временной ориентации [Hofstede 2010]. Однако российская культура более склонна к феминным ценностям, а китайская культура – к маскулинным, также показатель избегания неопределенности среди россиян является высоким [там же], однако, того же нельзя сказать о китайцах. Согласно исследованию Ш. Шварца, восточные нации, испытавшие влияние идей Конфуция, характеризуются яркой выраженно-

стью «Иерархии», ценится больше всего «Принадлежность» [Schwartz 1992, 2009]. В культурах Восточной Европы особенно ценится «Гармония», есть «отрицание» «Равноправия» и «Иерархии», но в то же время выражена «Интеллектуальная автономия» [там же]. Подобные различия легко объясняют расхождения в трактовке понятий, полученных от китайских и российских информантов.

Сопоставление словарных, научных и юридических определений изучаемых понятий и их наивных толкований, данных российскими и китайскими информантами, показало, что в большинстве случаев ядерные компоненты совпадают. Однако, при толковании некоторых ценностей не совпадали ядерные компоненты, указанные в словарях, юридических текстах, и ядерные компоненты, выделенные в наивных толкованиях этих слов информантами.

В целом китайские информанты хуже определяют традиционные ценности: количество отказов при наивном толковании понятий имело место быть, обыденные семы в большинстве случаев преобладают над специальными. Российские информанты лучше понимают традиционные ценности: они дают более полные толкования, специальные семы в большинстве случаев преобладают над обыденными. Адекватное понимание традиционных ценностей россиянами можно объяснить особенностями современной политики РФ, направленной на пропаганду традиционных духовно-нравственных ценностей и на активное обсуждение этих ценностей в информационном поле.

Однако китайские информанты чуть лучше российских знают значение ценности «*коллективизм*», что вполне ожидаемо от них как представителей типичной коллективистской азиатской культуры.

Все это позволяет сделать общий вывод о связи культурологических особенностей, отраженных в разных типологиях культур, с пониманием традиционных духовно-нравственных ценностей. Эти параметры по-разному влияют на функционирование значений исследуемых слов в русском и китайском языках. Чем более «расплывчато» понятие для национальной ценностной картины мира, тем хуже оно понимается информантами. Для российских и китайских респондентов в данном случае наиболее сложным для толкования оказалось понятие «*свобода*», поскольку оно не определено четко в Конституциях и правовых нормах обеих стран. И, наоборот, чем конкретнее термин и чем чаще он используется в общественно-политическом дискурсе, тем лучше его знают информанты. Для российских и китайских информантов таким термином стал «*патрио-*

тизм», поскольку формирование патриотических чувств как основы гражданственности является актуальным вопросом для России и Китая.

Определение ценности «труд» как способа зарабатывания денег у китайских респондентов обусловлено тем, что Китай относится к маскулинному типу культуры, в которой ценятся амбиции, соревновательность и достижения.

Таким образом, на восприятие базовой ценности, стоящей за тем или иным понятием, влияют разные типы культур, языковые, демографические, экономические, политические и социальные факторы. Зная подобные особенности, в коммуникации с представителем той или иной культуры людям будет проще составить представление о его ценностной картине мира, как следствие, об его отношении к традиционным духовно-нравственным ценностям.

В целом проведенное исследование показало, что процесс распространения традиционных духовно-нравственных ценностей происходит успешнее в российском обществе, что связано со множеством культурных, социальных и политических факторов.

Перспектива дальнейшего исследования может состоять в исследовании других традиционных духовно-нравственных и морально-этических ценностей (*жизнь, достоинство, духовность, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, взаимоуважение* и др.), а также в разработке методических рекомендаций по продвижению традиционных ценностей в обществе и образовательном процессе, в том числе в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. 266 с.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/-bse?ysclid=lxpxz2b3in6940997> (дата обращения: 10.06.2025).

БТС – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / гл. ред. С.А. Кузнецов; ИЛИ РАН. СПб.: Норинт, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov?ysclid=lxqx3344nb485667746> (дата обращения 10.06.2025).

Дубкова О.В. К проблеме определения базовых ценностей в картине мира китайцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3(832). 2020. С. 193–203.

Дэн Гофэн. Базовые ценности современного Китая. Пекин: изд-во Жэньминь жибао чубаньшэ,

2018. 16 п. л. (邓国峰: 《当代中国的核心价值观》, 人民日报出版社 2018-01)

Кирилина А.В., Гаранович М.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / Анков А.А., Вепрева И.Т., Гаранович М.В., Гриценко Е.С., Данилевская Н.В., Долешаль Урсула, Ерофеева Т.И., Кирилина А.В., Норцева А.А., Обухова И.А., Пермякова Е.Г., Рудакова А.В., Стернин И.А., Сюй Шаньшань, Федорова Л.Л., Черноусова А.С., Черных О.Ю. / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А.В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М.В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 7–55.

Конституция Российской Федерации, глава 2, статья 59, пункт 1 – Российская Федерация. Конституция (1993). Новая редакция: с комментариями Конституционного суда РФ / М.: Проспект, 2022. 116 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5004a75d54e54d5824c87ac2b96954f252610504/ (дата обращения: 01.06.2025).

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 894 с.

Профессиональное образование: словарь. Ключевые понятия. Термины. Актуальная лексика – Профессиональное образование: словарь. Ключевые понятия. Термины. Актуальная лексика / С.М. Вишнякова. М.: Новь, 1999. 538 с.

Протопопова О.В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-zakonodatelstva-o-brake-i-semie-v-kitae> (дата обращения: 26.06.2024).

Пункт 3 статьи 33 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» – Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.06.2024). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/a633a162a4284433fbad3aa1662bdcd254b81d81/?ysclid=lxpxyewd9m89702296 (дата обращения: 10.06.2024).

Семейный кодекс РФ, статья 2 – Российская Федерация. Семейный кодекс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=lxqx4npyb0591985385 (дата обращения: 15.06.2025).

Тань Ин. Англоязычные заимствования в русском и китайском языках: социопсихолингвистическое исследование: дис. ... канд. филол.

наук. Пермь, 2019. 272 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/dissertatsionnye-sovety/tan-in/disser.pdf> (дата обращения 11.06.2025).

Трудовой кодекс Российской Федерации, статья 4 – Российская Федерация. Трудовой кодекс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=lxhq5bmogy510203039 (дата обращения 15.06.2025).

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 – Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.06.2025).

Baidu Encyclopedia – Baidu Encyclopedia. [Элект-

ронный ресурс]. URL: www.baidu.com (дата обращения 22.06.2025).

Hofstede G. Masculinity and Femininity: The Taboo Dimension of National Cultures / Thousand Oaks CA: Sage Publications, 1998. 238 p.

Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition. N. Y.: McGraw-Hill USA, 2010. 550 p.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. № 25. Pp. 1–65.

Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, R.S. Wyer (eds). Understanding culture: Theory, research and application. N.Y.: Psychology Press, 2009. Pp. 127–150.

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE LINGUISTIC AWARENESS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS

Marina V. Garanovich

Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Alena M. Strativnaya

Student, Faculty of Philology
Perm State University

This socio- and psycholinguistic experimental study presents models of traditional core spiritual and moral values in Russian and Chinese societies. The meaning structures of words and concepts (*freedom, patriotism, civic consciousness, family, work, collectivism, and intergenerational continuity*) verbalizing traditional values of the collectivist cultures to which Russia and China belong are described based on naive interpretations of the concepts studied by 20 Russian and 20 Chinese students as young people. The types of interpretation of the concepts studied are also described (the relationship between specialized and everyday semantic components in their structures is examined). The study confirmed the connection between cultural characteristics reflected in different cultural typologies and the understanding of traditional spiritual and moral values.

Keywords: linguistic consciousness, values, concept, culture.

Научное издание

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 13 / 2025
Редактор М.В. Гаранович
Корректор М.А. Гранова
Компьютерная верстка И.А. Обухова
Макет обложки В.Н. Гатаулин

Подписано в печать 26.12.2025. Дата выхода в свет 29.12.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 13,37. Тираж 200 экз. Заказ № 1791.
Свободная цена.

Управление издательской деятельности
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113
Тел.: (342) 219-80-33